

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СТРАЖЕ МИРНОГО НЕБА

- крупнейший оборонный холдинг России
- более 40 промышленных и научно-исследовательских предприятий
- мощный конструкторский и производственно-технологический потенциал
- весь спектр средств ПВО
- неразрывность технологического процесса от разработки до серийного производства вооружений и военной техники
- высокая ответственность и своевременность выполнения своих договорных обязательств

Наша продукция успешно эксплуатируется в 50 странах мира

Концерн ПВО АЛМАЗ-АНТЕЙ
Россия, 121471 Москва, ул. Верейская, 41
Тел.: (495) 780-54-10; Факс: (495) 780-54-11
E-mail: vts@almaz-antey.ru

ALMAZ-ANTEY CONCERN
41, Vereiskaya str. Moscow 121471, Russia
Tel.: (495) 780-54-10; Fax: (495) 780-54-11
E-mail: vts@almaz-antey.ru

**Внимание! Электронную версию журнала читайте на сайте
Министерства обороны РФ – <http://www.mil.ru>
E-mail: voenmysl@mail.ru
Журнал находится в свободной продаже в РИЦ МО РФ.**

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков
по каталогу Роспечати – 70203
по каталогу ООО «Вся пресса» – 12750

ISSN 0236-2058 Военная Мысль. 2008. № 5. 1 – 80

ВОЕННАЯ ВМ МЫСЛЬ

военно-теоретический
журнал

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • ИЗДАЕТСЯ С 1 ИЮНЯ 1918 ГОДА

Военная Мысль № 5 май 2008

№ 5

**2008
МАЙ**

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Министра обороны Российской Федерации А.Э. Сердюкова
коллективу редакции журнала «Военная Мысль» в связи
с 90-летием со дня образования

Уважаемые товарищи!

ПОЗДРАВЛЯЮ сотрудников и ветеранов редакции, читателей одного из старейших печатных изданий Вооруженных Сил журнала «Военная Мысль» с 90-летием со дня его образования.

Созданный в далеком 1918 году, он уже с первых своих номеров стал ведущим военно-теоретическим органом военного ведомства, снискал заслуженный авторитет и широкое признание в армейской среде и научных кругах.

На протяжении всей своей истории журнал был призван мобилизовывать военнотружеников, руководящий состав армии и флота, ученых на развитие военной науки и военного искусства, теории военного строительства государства.

«Военная Мысль» успешно осуществляла научно-информационное обеспечение генералов и офицеров, органов военного управления всех уровней, высших учебных заведений Министерства обороны по актуальным проблемам военной теории и практики.

Наиболее полно талант, профессиональное мастерство сотрудников журнала раскрылись в годы Великой Отечественной войны. По его страницам можно отчетливо проследить, как в разные периоды войны военная наука решала задачи, диктуемые обстановкой на советско-германском фронте, теоретически обосновывала пути и способы решения проблем, выдвинутых практикой вооруженной борьбы, проводила анализ военного искусства противоборствующих сторон.

Нынешнее поколение сотрудников достойно продолжает традиции своих предшественников, проводит большую работу по разъяснению и доведению до личного состава Вооруженных Сил и других силовых структур задач современного военного строительства, а также достижений и перспектив развития военной науки.

Желаю коллективу редакции, ветеранам, читателям «Военной Мысли» крепкого здоровья, благополучия, новых творческих успехов!

Министр обороны Российской Федерации

 А.Э. Сердюков

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

ЧЕТЫРЕ долгих года продолжалась Великая Отечественная война Советского Союза с гитлеровской Германией. В огне сражений стране пришлось пережить горькое поражение, трагедию оккупации, огромное напряжение духовных и физических сил, тяжелейшие потери и лишения. Но в это же время была одержана и первая историческая победа – в битве под Москвой, а далее – торжество разгрома крупнейших группировок вермахта в битвах под Сталинградом и Курском, в Белорусской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях.

Героизм нашего народа, его Вооруженных Сил привели к полному освобождению родной земли от оккупантов, позволили оказать интернациональную помощь странам Европы. Войска германского рейха были разгромлены, и на полях сражений рухнул главный оплот сил агрессии – фашизм.

Важнейшим слагаемым Победы явилось превосходство полководцев советской военной школы. Всему миру известны имена выдающихся военачальников, под руководством которых одержана Великая Победа, – Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, А.М. Василевского, И.С. Конева, Р.Я. Малиновского и многих других прославленных маршалов, генералов и офицеров, тех, кто командовал фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, полками, батальонами, ротами и взводами. Славной страницей в истории нашей Победы является и беспримерный подвиг, который во время войны совершили партизаны и подпольщики.

Победа нашего народа в Великой Отечественной войне – это и результат героизма тружеников тыла. «Все для фронта! Все для победы!» – таков был девиз рабочих, крестьян и интеллигенции, самоотверженно трудившихся в тяжелейших условиях войны.

Отмечая очередную годовщину Великой Победы, мы склоняем головы перед памятью мужественных защитников нашей Родины, отдавших жизнь во имя жизни будущих поколений. В этот день мы чествуем мужество, отвагу и героизм сынов и дочерей нашей страны, каждого, кто выполнил свой долг, сделал все для Победы.

*Редколлегия и редакция журнала
поздравляет героев-фронтовиков,
партизан, подпольщиков, народных
ополченцев и тружеников тыла,
а также всех своих авторов и
читателей с Днем Победы!*

ПОЗДРАВЛЯЮ коллектив журнала «Военная Мысль» с 90-летием со дня основания.

1 июня 1918 года вышел первый номер еженедельного военно-научного журнала «Военное дело», продолжившего славные традиции журнала «Военный сборник», основанного по инициативе Д.А. Милютин — одного из выдающихся российских военных мыслителей, который имел большую популярность и способствовал распространению военных знаний в русской армии и в обществе. Эта дата официально считается днем основания журнала «Военная Мысль».

С тех пор в журнале «Военная Мысль» независимо от того, под каким названием он выходил, всегда обсуждались наиболее важные и актуальные проблемы военной политики, военного искусства и другие вопросы военного дела. Высокий уровень публикаций обеспечивается авторским составом журнала, в который входят не только ведущие ученые и специалисты научно-исследовательских учреждений, профессорско-преподавательский состав военно-учебных заведений, но и руководство Министерства обороны, Генерального штаба ВС РФ, видов ВС, родов войск и специальных войск, объединений и соединений.

Дискуссии, ведущиеся на страницах журнала, позволяют по-новому взглянуть на многие вопросы, определить наиболее эффективные пути их решения. Поэтому я могу с уверенностью сказать, что журнал «Военная Мысль» является настольным для тех, кто хочет лучше понять теорию и практику военного строительства, держать руку на пульсе военной науки, быть в курсе новейших теоретических разработок военных ученых.

Желаю редакционной коллегии, сотрудникам, авторскому коллективу журнала «Военная Мысль» успехов и новых достижений в их непростом, но очень важном деле!

*Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации —
первый заместитель Министра обороны Российской Федерации
генерал армии*

 Ю. Балуйевский

СОЗДАННЫЙ 90 лет назад журнал «Военная Мысль» прошел славный и трудный путь, неразрывно связанный с историей становления и развития наших Вооруженных Сил.

В предвоенные годы на страницах журнала отражались проблемы военной политики, военного искусства и другие вопросы ратного дела. Журнал имел большую популярность и способствовал распространению военных знаний среди командного состава РККА.

В суровые годы Великой Отечественной войны авторский коллектив на страницах журнала широко освещал вопросы подготовки войск к операциям, анализируя и доводя до читателей передовой боевой опыт, на основе которого разрабатывались боевые уставы, программы и методические рекомендации.

Сегодня, в нелегкое время реформирования Вооруженных Сил, перед коллективом журнала «Военная Мысль» стоят очень сложные и масштабные задачи. Прошедшие 90 лет работы вселяют уверенность в том, что они будут решены так же успешно и с таким же высоким качеством, как и раньше.

От всей души поздравляю авторский коллектив журнала «Военная Мысль» с юбилеем! Желаю всем офицерам, ветеранам и сотрудникам крепкого здоровья, семейного благополучия, больших творческих успехов в их труде.

*Первый заместитель Министра обороны Российской Федерации
генерал-полковник*

А. Колмаков

СЕРДЕЧНО, от всей души поздравляю редакционную коллегию, сотрудников редакции, всех авторов публикаций и читателей журнала «Военная Мысль» со славным юбилеем — 90-летием со дня его основания!

Прошедшие годы были очень сложными, во многом переломными в развитии России, характеризовались напряженной военно-политической обстановкой в мире, чередой войн и вооруженных конфликтов. В этом бурном потоке времени журнал

«Военная Мысль» всегда оставался на передовых рубежах решения текущих и перспективных проблем военной науки и практики, своевременно откликаясь на насущные потребности Вооруженных Сил Российской Федерации и военной организации государства в целом.

Соединяя в единый сплав военный опыт, военную науку самого высокого уровня с разноплановой деятельностью войск (сил), журнал активно формирует творческое мышление у военных кадров, вооружает их методологией эффективного решения непростых проблем военного дела.

Сегодня журнал «Военная Мысль», являясь основным военно-теоретическим изданием Министерства обороны Российской Федерации, освещает актуальные проблемы геополитики и безопасности, строительства и применения Вооруженных Сил Российской Федерации, военной науки, информатизации, управления войсками, воинского обучения и воспитания, активно участвует в формировании научного и педагогического корпуса Вооруженных Сил Российской Федерации.

В условиях глубоких изменений во всех сферах жизни страны и мирового сообщества, расширения спектра военных угроз и качественной трансформации способов обеспечения военной безопасности роль журнала, как синтезатора конструктивных идей и мнений теоретиков и практиков, неформального организатора военно-научных дискуссий по поиску наиболее рациональных путей решения проблем безопасности государства, строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, повышения их технической оснащенности, боевой и мобилизационной готовности, неизмеримо возрастает. Уверен, что эти и другие задачи развития военного дела будут по силам дружно-му творческому коллективу редакции и в дальнейшем.

Желаю Вам, дорогие товарищи, счастья, крепкого здоровья, благополучия в жизни, новых успехов в служении Отечеству!

*Начальник вооружения Вооруженных Сил Российской Федерации –
заместитель Министра обороны Российской Федерации
генерал армии*

Н. Макаров

ПОЗДРАВЛЯЮ редакцию, авторский коллектив, читателей с 90-летием журнала «Военная Мысль».

Все 90 лет своего существования журнал оставался верным основному предназначению: нести передовые мысли военной науки и практики, с честью служил офицерскому корпусу России. Журнал «Военная Мысль» сыграл большую роль в строительстве и развитии Вооруженных Сил, Российской Федерации и союзных государств, распространял передовую научную мысль и практический опыт в области тылового обеспечения. Авторскому коллективу журнала принадлежит большая заслуга в формировании национальных особенностей и патриотизма в деле обучения командного состава.

Сегодня журнал «Военная Мысль», являясь основным военно-теоретическим изданием Министерства обороны РФ, освещает актуальные проблемы геополитики и безопасности, строительства и применения Вооруженных Сил РФ, военной науки, информатизации Вооруженных Сил РФ, управления войсками, воинского обучения и воспитания, активно участвует в формировании научного и педагогического корпуса Вооруженных Сил РФ. Журнал выходит на русском и английском языках, и аудитория издания постоянно растет, как и интерес к развитию Вооруженных Сил России.

Желаю редакции журнала, авторскому коллективу, читателям и всем тем, кому не безразлично развитие военной мысли в Вооруженных Силах РФ, творческих успехов, верности традициям и долгодетия!

*Начальник Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации –
заместитель Министра обороны Российской Федерации
генерал армии*

В. Исаков

С ЧУВСТВОМ глубокого уважения поздравляем коллектив журнала «Военная Мысль» с юбилеем!

Примите в этот день от нас самые добрые слова признательности за ваш труд и деятельность по изучению актуальных проблем военной науки, строительства и применения Вооруженных Сил Российской Федерации.

Профессионализм вашего коллектива в сочетании с высокой научной компетенцией снискали вам уважение и заслуженный авторитет у офицеров и генералов Главного оперативного управления.

Искренне желаем вам доброго здоровья, счастья, реализации намеченных планов и успехов во всех дальнейших делах на благо России и ее Вооруженных Сил.

*Начальник Главного оперативного управления
Генерального штаба – заместитель начальника
Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-полковник*

А. Рукшин

РУКОВОДСТВО и личный состав Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации поздравляют сотрудников редакции военно-теоретического журнала «Военная Мысль» с 90-летней годовщиной основания.

На протяжении практически вековой истории благодаря вашему коллективу журнал был и остается уникальным банком научной информации, является основным военно-теоретическим изданием Минобороны России, в котором освещаются актуальные проблемы геополитики и безопасности, строительства и применения Вооруженных Сил, военной науки, информатизации Вооруженных Сил, управления войсками (силами), воинского обучения и воспитания, активно участвует в формировании научного и педагогического корпуса Вооруженных Сил.

Сотрудники редакции журнала неоднократно принимали участие в выполнении специальных заданий и интернационального долга в горячих точках. Высокий профессионализм и компетентность сотрудников редакции, членов редакционной коллегии, авторского коллектива обеспечили вашему изданию заслуженный авторитет и популярность среди военных специалистов как в России, так и за рубежом.

Слаженная и гармоничная работа коллектива редакции отмечена на государственном уровне – в 1975 году журнал награжден орденом Красной Звезды и ему было вручено Боевое Знамя как символ воинской чести, доблести и славы.

В настоящее время журнал освещает актуальные проблемы строительства Вооруженных Сил, подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов, комплектования войск (сил) личным составом, оснащения соединений и воинских частей современными образцами вооружения и военной техники.

В этот знаменательный день желаю коллективу редакции доброго здоровья, оптимизма, благополучия и новых успехов в труде на благо нашего Отечества и Вооруженных Сил.

Выражаю уверенность, что журнал и впредь будет таким же содержательным и полезным.

С искренним уважением и глубокой признательностью

*Начальник Главного организационно-мобилизационного управления
Генерального штаба – заместитель начальника Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-полковник*

В. Смирнов

НА ПРОТЯЖЕНИИ всей военной истории страны журнал «Военная Мысль» служил главной базой для подготовки командного состава, офицеров штабов и специалистов научно-исследовательских учреждений.

И сегодня журнал является передовым в области геополитики и безопасности, строительства и применения Вооруженных Сил, военной науки и информатизации. Именно здесь публикуются передовые разработки в области отечественной военной науки и военной стратегии ведения боевых действий.

Поздравляю весь коллектив редакции журнала со знаменательным событием, желаю вам благополучия и дальнейших творческих успехов в ратном труде на благо России и ее Вооруженных Сил!

С уважением

*Начальник Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал армии*

 А. Белоусов

1 ИЮНЯ исполняется 90 лет со дня основания военно-научного журнала «Военная Мысль». Созданный в суровые годы Гражданской войны журнал стал ведущим изданием Вооруженных Сил Российской Федерации, признанным лидером специализированной военно-теоретической литературы. Журнал является важным средством разъяснения государственной политики в области актуальных проблем безопасности, строительства и применения ВС РФ, военной науки, информатизации ВС, управления войсками, воинского обучения и воспитания, активно участвует в формировании научного и педагогического корпуса Вооруженных Сил Российской Федерации. Командный состав, офицеры штабов, специалисты научно-исследовательских и испытательных учреждений, профессорско-преподавательский состав и офицеры-слушатели военных академий всегда видели в нем надежного помощника в профессиональной деятельности.

Членами редакционной коллегии и авторами журнала всегда были прекрасно разбирающиеся в своем деле специалисты. Они формировали и развивали теоретические основы и практические аспекты строительства и управления Вооруженными Силами Российской Федерации. С изданием постоянно творчески сотрудничают ведущие специалисты Министерства обороны, в том числе и войск связи Вооруженных Сил Российской Федерации.

Просматривая вышедшие за девять десятилетий номера, убеждаешься, что журнал всегда являлся и продолжает оставаться настольным практическим пособием для офицерского состава Вооруженных Сил Российской Федерации. За последние годы существенно расширилась его тематика, появились новые интересные рубрики, позволяющие «Военной Мысли» идти в ногу со временем, поддерживать интерес читательской аудитории. Можно с уверенностью утверждать, что журнал «Военная Мысль» с честью выдержал непростое испытание временем!

Управление начальника Связи Вооруженных Сил Российской Федерации высоко оценивает труд членов редакционной коллегии и сотрудников редакции журнала «Военная Мысль».

Поздравляю весь коллектив журнала с 90-летием! Желаю вам здоровья, благополучия, творческих свершений, а читателям журнала – новых интересных и полезных статей.

*Начальник Связи Вооруженных Сил Российской Федерации –
заместитель начальника Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-полковник*

 Е. Карпов

В ЖИЗНИ каждой организации есть даты, которые заставляют коллектив ее сотрудников оглянуться назад, проанализировать пройденный путь, оценить сделанное, наметить планы на будущее.

Думаю, что сегодня, в день юбилея, ваш коллектив, являясь примером исполнения своего долга, демонстрируя высокий профессионализм и преданность избранному пути, это делает с большим удовлетворением.

Пройдя 90-летний путь зарождения, становления и развития сегодня журнал «Военная Мысль» является ведущим военно-теоретическим изданием Министерства обороны Российской Федерации. Ему принадлежит главенствующая роль в освещении актуальных проблем строительства и развития Вооруженных Сил РФ, новых концептуальных положений теории военного искусства.

Заслугой журнала является его оперативная реакция на происходящие изменения в формах и способах вооруженной борьбы, освещение их влияния на строительство, развитие, подготовку и применение ВС, на теорию оперативного искусства и тактику, как наиболее подвижные составные части военного искусства.

Следует отметить, что редакция журнала, учитывая важность происходящих изменений в средствах ведения вооруженной борьбы, активно работает над освещением особенностей войн будущего.

Значительная роль, определяющая глубину и обоснованность рассматриваемых проблем, принадлежит редакционной коллегии журнала, в состав которой входят военачальники Министерства обороны, Генерального штаба ВС РФ, видов и родов войск ВС, главных и центральных управлений и ведущих вузов МО РФ.

К своему 90-летию журнал подошел уверенной поступью динамично развивающегося средства массовой информации. Сегодня можно смело утверждать, что аналога такого военно-теоретического журнала, отвечающего интересам строительства и развития Вооруженных Сил, в России больше нет. Это стало закономерным результатом целенаправленной, творческой работы руководства, всех сотрудников редакции.

В этот знаменательный день от имени Военного совета Сухопутных войск и от себя лично сердечно поздравляю редакцию журнала, редакционную коллегию и его авторский коллектив с юбилеем, желаю крепкого здоровья, счастья и дальнейших успехов в труде на благо России.

*Главнокомандующий Сухопутными войсками
генерал армии*

А. Маслов

ОТ ИМЕНИ Главного командования, Военного совета и личного состава Военно-воздушных сил сердечно поздравляем вас и весь коллектив журнала «Военная Мысль» с 90-летним юбилеем!

За прошедшие девять десятилетий журнал «Военная Мысль» всегда являлся настольным практическим пособием для личного состава Военно-воздушных сил. Не одно поколение офицеров выросло и совершенствовало свои знания на научных трудах, публикуемых в журнале, достигло высоких воинских званий и должностей.

С первых лет существования журнал «Военная Мысль» освещает актуальные проблемы геополитики и безопасности, строительства и применения Вооруженных Сил Российской Федерации, военной науки, информатизации Вооруженных Сил, управления войсками, активно участвует в формировании научного и педагогического корпуса Вооруженных Сил Российской Федерации. Кроме того, журнал «Военная Мысль» остается единственным периодическим военным изданием в России, предметно и всесторонне освещающим теорию и методологию воинского воспитания и обучения.

Членами редакционной коллегии и авторами журнала всегда были известные военные ученые и практики, прекрасно разбирающиеся в своем деле. Они формировали и развивали теоретические основы военной науки России, с изданием постоянно творчески сотрудничают ведущие специалисты Военно-воздушных сил. Личный состав Военно-воздушных сил видит в журнале надежного помощника в своей службе и профессиональной деятельности.

Сегодня журнал, являясь основным военно-теоретическим изданием Министерства обороны Российской Федерации, выступает проводником передовой военной мысли

России и выражает роль ведущего издания для офицеров штабов, специалистов научно-исследовательских учреждений, профессорско-преподавательского состава и офицеров-слушателей военных академий Военно-воздушных сил.

За последние годы существенно расширилась тематика журнала, появились новые интересные рубрики, позволяющие «Военной Мысли» идти в ногу со временем, поддерживать интерес читательской аудитории. Журнал «Военная Мысль» с честью выдержал непростое испытание временем!

Желаем сотрудникам редакции журнала «Военная Мысль» здоровья, благополучия, творческих свершений, а читателям журнала — новых интересных и полезных статей.

*Главнокомандующий Военно-воздушными силами
генерал-полковник*

А. Зелин

ОТ ИМЕНИ Военного совета Военно-Морского Флота и всех военных моряков поздравляю редакцию и авторский коллектив журнала «Военная Мысль» с 90-летием.

За весь период своей деятельности журнал оставался верным своему основному предназначению и с честью служил России. Журнал «Военная Мысль» играет большую роль в строительстве и развитии отечественных Вооруженных Сил, распространяет передовую научную мысль и практический опыт в области военного дела, геополитики и безопасности России, оперативного искусства и тактики, применения и информатизации Вооруженных Сил, управления войсками, воинского обучения и воспитания. Благодаря профессиональному мастерству и творческому поиску сотрудников редакции журнал стал верным другом и надежным собеседником огромной военной читательской аудитории.

На страницах «Военной Мысли» сегодня находят отражение взгляды военачальников, военных экспертов на развитие, строительство видов Вооруженных Сил. Журнал задает тон военно-научной мысли, являясь флагманом военной науки.

Отличительной чертой журнала «Военная Мысль» является отношение к традициям Российских Вооруженных Сил. В преломлении времен лучшие достижения российской военной теории и практики ложатся золотыми стоками на страницы летописи, которую ведет «Военная Мысль».

Желаю коллективу редакции новых творческих успехов, благополучия и здоровья. Семь футов под килем!

*Главнокомандующий Военно-Морским Флотом
адмирал*

В. Высоцкий

ОТ ИМЕНИ командования Ракетных войск стратегического назначения и от себя лично сердечно поздравляю авторский коллектив, сотрудников и ветеранов редакции военно-теоретического журнала «Военная Мысль» со знаменательным юбилеем — 90-летием со дня основания.

На протяжении всех лет своего существования журнал «Военная Мысль» всегда являлся основным военно-теоретическим изданием, освещавшим на своих страницах наиболее актуальные проблемы военной политики и военного искусства, строительства и применения Вооруженных Сил, совершенствования управления войсками, воинского обучения и воспитания, а также другие актуальные вопросы. И сегодня журнал является по существу научно-информационным центром, позволяющим проводить открытое обсуждение насущных проблем развития Вооруженных Сил, в том числе стратегических ядерных сил России, пропагандировать передовые достижения военной науки и практики войск.

Журнал пользуется большой популярностью у командования Ракетных войск стратегического назначения, командующих и командиров объединений, соединений и воинских частей, а также среди научной общественности вузов и научных учреждений.

Выражаю искреннюю признательность редакции журнала за объективное освещение роли и места Ракетных войск стратегического назначения в обеспечении военной

безопасности России, проблем строительства, подготовки и применения РВСН и путей их разрешения.

В этот знаменательный день желаю авторскому коллективу, сотрудникам и ветеранам редакции журнала крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов в решении сложных задач во имя укрепления оборонного могущества нашей Родины.

*Командующий Ракетными войсками стратегического назначения
генерал-полковник*

Н. Соловцов

ОТ ИМЕНИ Военного совета Космических войск и себя лично искренне поздравляю коллектив редакции журнала «Военная Мысль» и весь авторский коллектив со славной годовщиной – 90-летием журнала.

За эти годы журнал завоевал признание и заслуженное уважение у большой читательской аудитории. Отвечая требованиям времени, журнал является авторитетным изданием, базирующимся на глубоком анализе самых актуальных проблем военной теории и практики, осуществляющим всестороннее военно-научное и научно-информационное обеспечение кардинальных преобразований в организации военного строительства нашего государства на современном этапе. Выверенная, достоверная информация по широкому кругу актуальных проблем строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, их оснащению вооружением и воен-

ной техникой, боевому применению видов и родов войск является исключительно важным источником совершенствования профессиональных знаний различных категорий военнослужащих Российской армии, в том числе Космических войск.

В этот знаменательный день желаю вам, не останавливаясь на достигнутом, продолжать наращивать свое журналистское мастерство, сочетающееся с глубоким знанием освещаемых проблем, успехов в реализации новых творческих планов и идей, а каждому члену коллектива – доброго здоровья, подлинного благополучия и настоящего счастья в жизни.

*Командующий Космическими войсками
генерал-полковник*

В. Поповкин

ОТ ИМЕНИ Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации примите искренние поздравления с 90-летним юбилеем вашего журнала!

Столь солидный возраст является реальным подтверждением актуальности и поистине непреходящей ценности распространяемых вами знаний в военно-теоретической области во все времена. Вы стоите на передовых рубежах обобщения опыта и прогнозирования развития военной науки. За девяносто лет своей деятельности журнал заслужил прочный авторитет достойного доверия и уважения издания.

Само название журнала – «Военная Мысль» – подчеркивает динамику и оперативность отклика на все изменения, происходящие в военном деле. Материалы журнала способствуют глубокому пониманию проблем геополитики и безопасности, оптимизации и применения Вооруженных Сил. Злободневность и разносторонность публикуемых материалов вызывают неподдельный интерес у аудитории журнала, в которую входят люди, принимающие непосредственное участие в строительстве современной Российской армии, отвечающей всем требованиям военной безопасности нашего государства. Среди них командиры частей, офицеры штабов, специалисты научно-исследовательских организаций, профессорско-преподавательский состав военно-учебных заведений и офицеры-слушатели военных академий и военных университетов.

Имеют особое значение и вызывают глубокую признательность ваши труды в освещении вопросов совершенствования военного образования и воспитания молодого поколения защитников Отечества, в формировании научного и педагогического потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации.

Уверен, что и в дальнейшем коллектив журнала сохранит те славные традиции и творческий подход в глубоком исследовании военно-научных проблем, которые стали его «визитной карточкой».

Желаю коллективу журнала крепкого здоровья, бодрости, благополучия, дальнейших успехов в деле развития и совершенствования военно-теоретических знаний на благо и в интересах защиты целостности и суверенитета нашей великой Родины!

*Начальник Главного управления кадров
Министерства обороны Российской Федерации
генерал-полковник*

М. Вожакин

СЕРДЕЧНО поздравляю весь творческий коллектив редакции с замечательным юбилеем – 90-летием журнала «Военная Мысль».

В этот знаменательный день хотелось бы сказать слова особой благодарности ветеранам журнала «Военная Мысль», участникам Великой Отечественной войны. На протяжении всего времени издания журнала авторский коллектив вписал много ярких страниц в ратную летопись нашей Родины. Их боевой путь овеян славой. В разные годы в состав редакционной коллегии входили генералы и офицеры, имена которых золотыми буквами вписаны в историю нашего государства.

В защите Отечества нет второстепенных задач. Любое упущение, промах, ошибка могут обернуться крупным провалом, привести к невыполнению боевой задачи. Поэтому сегодня возрастает ответственность людей и воинских коллективов за готовность к использованию колоссальных мощностей современного оружия. В свою очередь это обязывает обеспечить соответствующую подготовку, духовную и физическую готовность личного состава Вооруженных Сил к отражению агрессии. Все эти насущные вопросы широко освещаются на страницах вашего журнала, что и дает ему право считаться основным военно-теоретическим изданием Министерства Обороны Российской Федерации.

Поздравляю авторский коллектив журнала «Военная Мысль» с юбилеем и от всего сердца желаю вам здоровья, личного счастья и успехов в служении Отечеству.

*Начальник Главного управления боевой подготовки и службы войск
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-лейтенант*

В. Шаманов

ПРИМИТЕ искренние и сердечные поздравления в связи с 90-й годовщиной выхода в свет первого номера военно-теоретического журнала «Военная Мысль».

На протяжении всего периода своего существования журнал имел большую популярность и активно способствовал распространению военных знаний в Вооруженных Силах. На его страницах выступали виднейшие теоретики отечественной военной науки А.А. Свечин, В.К. Триандафиллов и многие другие известные военные деятели.

Сегодня журнал «Военная Мысль» является основным военно-теоретическим журналом Министерства обороны Российской Федерации, освещает актуальные проблемы геополитики и международной безопасности, строительства и применения Вооруженных Сил Российской Федерации, развития военной науки, широкого круга фундаментальных вопросов управления войсками, воинского обучения и воспитания, активно участвует в формировании научного и педагогического потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации.

Как по своему содержанию, так и по составу авторского коллектива журнал был и является одним из наиболее авторитетных изданий Министерства обороны Российской Федерации и с большим интересом изучается командным составом, офицерами штабов, специалистами научно-исследовательских учреждений, профессорско-преподавательским составом и слушателями высших военно-учебных заведений.

Офицеры Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации с большим уважением относятся к работе коллектива издания и желают вам, уважаемые товарищи, крепкого здоровья, добра и благополучия, новых творческих успехов в благородном деле служения Отечеству.

*Начальник Главного управления воспитательной работы
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-лейтенант*

А. Башлаков

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

СЕРДЕЧНО поздравляю коллектив редакции журнала «Военная Мысль» с 90-й годовщиной со дня его образования.

Сегодня ваше издание занимает достойное место среди военных средств массовой информации, пользуется неизменной востребованностью и популярностью среди читателей в воинских коллективах.

От всей души желаю всем сотрудникам и ветеранам журнала новых творческих успехов, больших тиражей, оптимизма, сохранения и приумножения добрых традиций, сложившихся за его славную историю.

*Врид начальника Управления информации и общественных связей
Министерства обороны РФ*

И. Байчурин

ОТ ИМЕНИ коллектива Академии военных наук сердечно поздравляем редколлегию и редакцию журнала «Военная Мысль» со 90-летием со дня его основания.

Журнал внес большой вклад в развитие военной науки и пропаганду военно-теоретических знаний.

Во время Великой Отечественной войны он был воюющим военно-научным органом Советских Вооруженных Сил и внес свой достойный вклад в достижение Великой победы.

В последние годы он был и остается в современной России источником и генератором передовой военно-научной мысли.

На будущее желаем больше смелости и творческих дерзаний, чтобы журнал «Военная Мысль» был на высоте современной инновационной эпохи.

*Президент Академии военных наук
генерал армии*

М. Гареев

*Первый вице-президент Академии военных наук
генерал-полковник*

В. Коробушин

*Главный ученый секретарь Академии военных наук
полковник*

А. Корабельников

ОТ ВСЕЙ ДУШИ и сердечно поздравляю редакционную коллегию, сотрудников редакции, всех авторов публикаций и читателей журнала «Военная Мысль» со славным юбилеем – 90-летием со дня его основания.

Став в начале XX века основным военно-теоретическим журналом военного ведомства нашего Отечества, освещающим актуальные проблемы военной теории и практики, военной истории, он с достоинством выполнял стоящие перед ним задачи на всех ключевых этапах строительства подготовки и применения Вооруженных Сил.

В бурном потоке времен «Военная Мысль» всегда оставалась на передовых рубежах решения текущих и перспективных проблем военной науки и практики, своевременно откликалась на насущные потребности Вооруженных Сил и военной организации государства в целом. Соединяя в единый сплав военный опыт, военную науку самого высокого уровня с разноплановой деятельностью войск (сил), журнал активно формировал творческое мышление у военных кадров, вооружал их методологией эффективного решения непростых современных проблем военного дела.

Сегодня в условиях происходящих изменений во всех сферах жизни страны и мирового сообщества, расширения спектра военных угроз и качественной трансформации способов обеспечения военной безопасности роль журнала как синтезатора конструктивных идей и мнений теоретиков и практиков, неформального организатора военно-научных дискуссий по поиску наиболее рациональных путей решения проблем безопасности государства, строительства Вооруженных Сил, повышения их технической оснащенности, боевой и мобилизационной готовности неизмеримо возрастает.

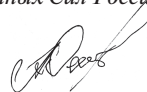
В день 90-летия хотелось бы призвать сотрудников редакции своими творческими усилиями способствовать повышению идейного научно-теоретического уровня публикаций в журнале «Военная Мысль».

Уверен, что эти и другие задачи будут по силам дружному творческому коллективу редакции.

Желаю Вам крепкого здоровья, большого человеческого счастья, семейного благополучия, бодрости духа, неиссякаемой энергии и новых успехов в почетном и благородном деле укрепления обороноспособности нашей Родины!

*Начальник Центра военно-стратегических исследований
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-лейтенант*

А. Осетров

КОЛЛЕКТИВ редакции ордена Красной Звезды журнала МО РФ «Зарубежное военное обозрение» сердечно поздравляет вас с 90-летием со дня основания вашего издания.

90 лет, прошедшие со дня основания военно-научного журнала «Военная Мысль», убедительно подтверждают, что издание стало лидером среди специализированных военно-теоретических изданий, одним из основных средств разъяснения государственной политики в вопросах обеспечения безопасности страны, в области геополитики, строительства и применения Вооруженных Сил РФ, в различных аспектах военной науки, в проблемах информатизации и управления войсками, формирования научно-педагогических кадров.

Являясь уникальным банком военно-научной информации на протяжении почти целого века, сегодня журнал по праву считается ведущим военно-теоретическим изданием Министерства обороны

России, отличительной чертой которого остается бережное отношение к традициям Российских Вооруженных Сил.

В эти знаменательные юбилейные дни желаем нашим коллегам — коллективу редакции доброго здоровья, благополучия, удачи и оптимизма, реализации намеченных планов, новых творческих успехов на благо наших Вооруженных Сил, на благо нашей Родины.

Главный редактор журнала «Зарубежное военное обозрение»

И. Мальцев

КОЛЛЕКТИВ редакции «Военно-исторического журнала» от всей души поздравляет братское издание с замечательным юбилеем!

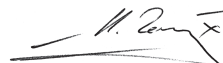
Ваш журнал с полным правом можно назвать уникальным. Девять десятилетий он несет в армию передовые идеи, успешная реализация которых способствовала становлению и развитию наших Вооруженных Сил, повышению их боевой мощи. Первая премия, полученная «Военной Мыслью» в конкурсе на лучший материал, опубликованный в журналах Министерства обороны России в юбилейный для вас год — яркий показатель творческого потенциала издания, способного подпитывать интеллектуальную элиту Вооруженных Сил новыми подходами к решению стоящих перед армией сложнейших задач.

Коллектив журнала отличает высочайший профессионализм, заряженность на нестандартное осмысление армейских реалий, способность глубоко анализировать процессы, происходящие в Вооруженных Силах, доходчиво доносить до своих читателей суть предстоящих перемен в военном строительстве.

Мы желаем вам, дорогие коллеги, добра, счастья, крепкого здоровья, новых творческих высот и верных ориентиров в благородной службе на благо Отечества.

С уважением

*Главный редактор «Военно-исторического журнала»
полковник*

И. Чачух

ОТ ИМЕНИ экипажа старейшего в мире военного журнала «Морской Сборник» примите самые искренние и сердечные поздравления в связи с 90-летием со дня основания вашего журнала!

Созданный еще в 1918 году по решению Всероссийского Главного штаба, ваш

журнал все прошедшие годы всегда способствовал развитию российской военной науки, строительству и применению Вооруженных Сил России, формированию научного и педагогического корпуса ВС РФ.

Коллектив редакции «Военной Мысли» на деле заслужил настоящее признание специалистов научно-исследовательских учреждений, офицерского состава штабов ВС РФ и профессорско-преподавательского состава военных академий, университетов и институтов. Ваш журнал прекрасно знают и искренне любят в военных округах и на флотах России. Благодаря высокому профессионализму и постоянному творческому поиску сотрудников редакции, их вдумчивой и кропотливой работе, «Военная Мысль» уже 90 лет является надежным другом и верным помощником для всех своих читателей, флагманом освещения актуальных проблем геополитики и безопасности России, российской военной науки и управления нашими Вооруженными Силами.

Искренне желаем вам доброго здоровья, воинского счастья и благополучия, новых творческих успехов в решении стоящих перед редакцией задач и верим, что «Военная Мысль» и впредь будет верно служить Отечеству.

С уважением

*Главный редактор журнала «Морской Сборник»
капитан 1 ранга*

В. Остапенко

90 ЛЕТ — это рубеж, который вызывает уважение одних, трепет других, зависть третьих. Поэтому коллектив сотрудников редакции журнала «Армейский сборник» соединяет в своей душе все три чувства: с уважением, трепетом и творческой завистью взираем мы на своего старшего брата, учимся у него и знаем, что всегда можем рассчитывать на его поддержку.

Преклонный возраст человека, увы, лишает его многих лучших качеств, но преклонный возраст военно-теоретического издания вызывает лишь преклонение перед ним, журналом, сохранившим свое лицо в то непростое время, когда многие во имя сиюминутного успеха это лицо утратили.

До векового юбилея осталось 10 лет. Желаем прожить их достойно, творчески, с практической и теоретической пользой для военной науки и ваших многочисленных читателей. Поэтому, конечно же, от всего сердца — с 90-летием!

Но, пользуясь словами Маяковского, добавим и свою уверенность в том, что «сотую встретим годовщину».

*Коллектив редакции журнала
«Армейский Сборник»*

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

В эти дни ваш журнал отмечает свое 90-летие. Хотя, наверное, этот солидный возраст не совсем правильно дает представление об истинном историческом пути издания. Ведь своеобразным прообразом «Военной Мысли» в дореволюционный период российской истории был журнал «Военный сборник», основанный еще в 1858 году по инициативе профессора Императорской военной академии Д.А. Милютина. На страницах этого периодического издания отражались проблемы военной политики, военного искусства и другие вопросы военного дела. Журнал имел большую популярность и способствовал распространению военных знаний в русской армии.

После революции Всероссийский Главный штаб издает приказ от 14 мая 1918 года № 275, в котором предписывается приступить к изданию еженедельного военно-научного журнала под названием «Военное дело». 1 июня 1918 года вышел первый его номер. Эта дата официально считается днем основания «Военной Мысли», хотя свое нынешнее название он получил лишь 1 января 1937 года (после «Военного дела» были «Военная наука и революция», «Военная мысль и революция», «Война и революция»).

Сегодня журнал «Военная Мысль» — основное военно-теоретическое издание Минобороны России — освещает актуальные проблемы геополитики и безопасности, строительства, применения и информатизации Вооруженных Сил, военной науки, управления войсками, воинского обучения и воспитания, активно участвует в формировании научного и педагогического корпуса ВС РФ.

Редакционная коллегия «Красной звезды» искренне желает вашему коллективу дальнейших успехов в деле пропаганды и развития военной науки, творческого долголетия. Здоровья и удачи вам и вашим близким!

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

5 май 2008

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИЗДАЕТСЯ С 1 ИЮНЯ 1918 ГОДА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С.В. Родиков
(главный редактор)
А.В. Алешин
Ю.Н. Балуевский
А.В. Белоусов
О.В. Бурцев
В.Н. Бусловский
Н.И. Ваганов
М.Г. Вожакин
М.А. Гареев
А.Г. Герасимов
В.Е. Евтухович
О.А. Иванов
В.И. Исаков
Е.А. Карпов
А.Ф. Клименко
А.Ф. Маслов
Н.Г. Михальцов
А.В. Осетров
В.А. Попов
М.М. Попов
В.А. Поповкин
А.С. Рукшин
Е.И. Семенов
(отв. секретарь редакции)
В.К. Синилов
В.В. Смирнов
В.Г. Халитов
Ю.М. Чубарев
(зам. главного редактора)
А.А. Швайченко

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

119160, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38д.
Редакция журнала
«Военная Мысль»

Телефоны:
693-58-94, 693-57-73
факс: 693-58-92

Вниманию авторов!

Для выплаты авторского гонорара необходимо сообщать в редакцию свой ИНН, адрес, серию и номер паспорта, дату рождения и номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования.

К 90-ю летию журнала «Военная Мысль».....	1
А.А. СВЕЧИН – «А» или «Г»?.....	10
М.В. ФРУНЗЕ – Единая Военная доктрина и Красная Армия.....	13
М.Н. ТУХАЧЕВСКИЙ – О тактике авиации.....	25
В.К. ТРИАНДАФИЛЛОВ – К пятилетней годовщине ликвидации Врангеля.....	30
Д.М. КАРБЫШЕВ – Библиография.....	42
И.Х. БАГРАМЯН – Бой стрелкового корпуса в условиях окружения.....	51
И. Н. ВОРОБЬЕВ – Еще раз о военной футурологии....	62
В.Д. РЯБЧУК – Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства	67
В.А. КИСЕЛЕВ – Дистанционное противоборство.....	77

К 90-летию журнала «Военная Мысль»

1 ИЮНЯ 2008 года исполняется 90 лет со дня выхода в свет первого номера военно-теоретического журнала Министерства обороны Российской Федерации «Военная Мысль» — одного из старейших печатных изданий Вооруженных Сил нашей страны*.

Своеобразным прообразом «Военной Мысли» в дореволюционный период российской истории был журнал «Военный сборник», основанный в 1858 году по инициативе профессора Императорской военной академии Д.А. Милютина. На страницах этого периодического издания отражались проблемы военной политики, военного искусства и другие вопросы военного дела. Журнал имел большую популярность и способствовал распространению военных знаний в русской армии.

После революции Всероссийский Главный штаб издает приказ от 14 мая 1918 года № 275, в котором предписывается приступить к изданию еженедельного военно-научного журнала под названием «Военное дело». 1 июня 1918 года вышел первый его номер. Эта дата официально считается днем основания «Военной Мысли», хотя свое нынешнее название журнал получил лишь 1 января 1937 года (после «Военного дела» были «Военная наука и революция», «Военная мысль и революция», «Война и революция»).

На всех этапах строительства, развития и применения Вооруженных Сил журнал был призван мобилизовывать личный состав армии и флота, и прежде всего их руководящий состав и военных ученых, на развитие военной науки и военного искусства, теории военного строительства государства, строительства и применения Вооруженных Сил, а также осуществлять научно-информационное обеспечение генералов и офицеров, органов военного управления оперативного, оперативно-стратегического и стратегического уровней, высших военно-учебных заведений Министерства обороны по актуальным проблемам военной теории и практики.

Журнал был основан как печатный орган Высшего редакционного совета при Революционном военном совете республики. В передовой статье его первого номера, озаглавленной «Наши задачи», особо отмечалась **необходимость научного подхода к вопросам военного искусства в его широком понимании**, а также оказания помощи командному составу армии и флота в деле военного самообразования и планомерного военного обучения. Одной из главных задач являлась пропаганда опыта боевых действий Красной Армии в Гражданскую войну и в ходе борьбы с иностранной военной интервенцией.

С самого начала издания вокруг журнала сформировался широкий актив авторов из числа видных военных деятелей и военных специалистов. В разные годы в его работе активное участие принимали М. Фрунзе, И. Сталин, К. Ворошилов, Е. Ярославский, С. Гусев, А. Бубнов, Б. Шапошников, М. Тухачевский, А. Свечин, А. Зайончковский, А. Снесарев, В. Триандафиллов, Г. Жуков, А. Антонов, А. Василевский, А. Гречко, М. Захаров, Р. Малиновский, И. Конев, В. Соколовский, С. Штеменко, Н. Огарков, С. Ахромеев.

Учитывая значение решаемых журналом задач, его работой последовательно руководил один из высших военных деятелей государства. До 1937 года журнал издавался под руководством и общей редакцией М. Фрунзе, А. Бубнова, С. Каменева, М. Тухачевского. К. Ворошилова, И. Уншлихта., Р. Эйдмана. С 1937 и по октябрь 2004 года — под руководством начальника Генерального штаба и его первого заместителя при общей редакции статей журнала главными редакторами, среди которых были Р. Эйдман, М. Ланда, И. Шлемин, Н. Таленский, Н. Радецкий, С. Козлов, В. Земсков, Ю. Якунин, В. Ерохин.

* Журнал выходил под разными названиями: с 1 июня 1918 по июнь 1920 года — «Военное дело», в 1921–1922 годах — «Военная наука и революция», в 1922–1924 годах — «Военная мысль и революция», в 1925–1936 годах — «Война и революция», с января 1937 года — «Военная Мысль».

С октября 2004 года редакция журнала вошла в состав органов информационного обеспечения Вооруженных Сил РФ.

Являясь с самого начала своего создания военно-теоретическим изданием военного ведомства, освещавшим актуальные проблемы военной теории и практики, военной истории, журнал с достоинством выполнял стоявшие перед ним задачи на всех ключевых этапах строительства и применения Вооруженных Сил. По направленности и содержанию публикаций, определявших лицо журнала, его научно-информационную деятельность можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе (1918–1941) публикации журнала наглядно демонстрировали, как развивалась и внедрялась в практику войск (сил) военная теория. Наряду со статьями, в которых анализировался опыт Первой мировой и Гражданской войн, помещались заметки научно-теоретического, организационного и методического характера, помогавшие оперативной и боевой подготовке создаваемой Красной Армии. С военно-теоретическими статьями, раскрывающими эволюцию теории стратегии и оперативного искусства новой армии и флота, активно выступали видные военачальники – М. Фрунзе, М. Тухачевский, А. Егоров, И. Уборевич, Б. Шапошников, И. Якир, Р. Эйдемман и др. В 1924 году был опубликован ряд произведений М. Фрунзе, вошедших затем в его собрание сочинений (в частности, «Текущие задачи военного строительства», «Фронт и тыл в войне будущего»). В военно-теоретических статьях содержался прогноз характера будущей войны, ее отличительных черт: широкие маневренные действия, необходимость не только разгрома вооруженных сил противника, но и лишения их всех стратегических ресурсов, большой пространственный размах и продолжительность, экономические затраты, потребность в людских ресурсах.

Работа военно-теоретического журнала в те годы сильно осложнялась тем, что Красная Армия еще не имела своих военно-научных кадров, а руководство журнала и большинство авторов публикаций были в прошлом офицерами и генералами старой армии, над которыми довлел груз прежних теоретических взглядов на вопросы строительства и применения формирующейся армии. Руководители новой формации нередко основное внимание уделяли идеологическим вопросам. Проблемы совершенствования обороноспособности государства приходилось решать в условиях разоренной двумя войнами страны. Последнее обстоятельство существенно влияло и на развитие военной теории, поскольку экономические возможности государства не позволяли в полной мере реализовывать достижения военной науки, внедрять их в практику оперативной и боевой подготовки армии и флота.

Во второй половине 30-х годов, в период обострения международной обстановки, журнал активизировал дискуссии по проблемам строительства армии и флота, развития военной науки и военного искусства. В январском (1937) номере журнала редакция так сформулировала свои задачи: активно информировать о достижениях военной науки не только генералов и офицеров, органы военного управления, но и заинтересованные структуры страны; достаточно полно и оперативно освещать вопросы военного искусства и организации войск в соответствии с требованиями современной войны; настойчиво пропагандировать лучшие методы оперативной и боевой подготовки органов управления и войск (сил); оказывать помощь широкому кругу своих читателей в изучении опыта прошлых войн, знакомить их с достижениями в военном искусстве иностранных армий и зарубежной военно-научной мысли.

Журнал «Военная Мысль» достаточно активно участвовал в обсуждении положений Полевого устава 1930 года и проектов Полевого устава (дивизия, полк), изданными в 1939 году и начале 1941 года. Почти в каждом номере помещались статьи по управлению войсками и подготовке органов военного управления. Пристальное внимание уделялось освещению военных событий, развертывавшихся за рубежами нашей Родины. Авторами публикаций была проделана значительная работа по обобщению и осмыслению боевого опыта начавшейся войны в Европе, Азии, Африке.

Накануне Великой Отечественной войны в публикациях журнала вопросы вооруженной борьбы рассматривались с учетом особенностей динамично

меняющейся международной обстановки. Подчеркивалось, что война против нашей страны будет вестись коалицией империалистических государств, она станет длительной и ожесточенной. Такое положение потребует последовательного разгрома противника, наличия крупных стратегических резервов, применения в войне разнообразных форм и способов борьбы, ведения маневренных боевых действий. В вооруженной борьбе с агрессором ставятся решительные цели, вплоть до его полного разгрома. В соответствии с этим наступление рассматривалось как решающий вид стратегических действий.

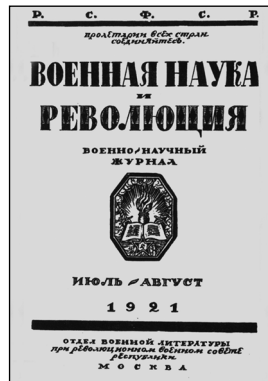
Стратегическое наступление мыслилось в форме одновременных или последовательных фронтовых операций, проводимых в тесном взаимодействии всех видов Вооруженных Сил. При этом решающая роль отводилась Сухопутным войскам. Большое внимание уделялось применению воздушно-десантных сил. Они предназначались для совместных действий с Сухопутными войсками, вместе с тем не отрицалась возможность проведения ими самостоятельных воздушно-десантных операций. Роль Военно-Морского Флота в таких стратегических действиях определялась в содействии Сухопутным войскам при осуществлении операций вдоль морского побережья, а также в проведении самостоятельных операций против вражеского флота на морских коммуникациях.

Роль *стратегической обороны* из политико-идеологических соображений явно принижалась, хотя официально она признавалась вполне правомочным видом военных действий. В оборонительные операции группировок войск закладывалась идея высокой активности и возможности перехода в решительное контрнаступление с перерастанием его в наступление.

Важное место в статьях занимали вопросы начального периода войны и стратегического руководства в военное время. В них отмечалось, что наша страна может быть втянута в войну без ее объявления, а поэтому изменится и характер самих боевых действий в ее начале. В зависимости от обстановки войска эшелона прикрытия в ответ на удар противника будут переходить в контрнаступление до окончания стратегического развертывания главных сил или вести оборону в интересах обеспечения развертывания Вооруженных Сил. Для непосредственного стратегического руководства военными действиями предлагалось иметь специальный орган управления (наподобие Ставки Верховного Главнокомандования).

Следует отметить, что в предвоенные годы, несмотря на большую работу по пропаганде новых военно-теоретических взглядов на характер будущей войны, журнал в угоду военно-политическому руководству недостаточно настойчиво освещал проблемы стратегии начального периода войны, стратегического развертывания Вооруженных Сил, стратегической обороны и некоторые другие вопросы стратегии.

Великая Отечественная война (1941–1945) поставила перед журналом новые сложные проблемы в научно-информационном обеспечении органов военного управления и войск. По страницам журнала можно отчетливо проследить, как в разные периоды войны советская военная наука решала задачи, диктуемые обстановкой на советско-германском фронте, теоретически обосновывала пути и способы решения проблем, выдвинутых практикой вооруженной борьбы небывалого масштаба и напряжения. В первые дни войны перед отечественной военной мыслью встали сложные задачи по разработке теоретических вопросов, связанных с организацией и ведением оборонительных действий и отступления, поскольку в предвоенные годы им уделялось недостаточно внимания. Необходимо было в условиях тяжелых военных испытаний в максимально сжатые сроки осмыслить опыт развернувшихся сражений и довести его до военных кадров. Начиная с девятого номера (1941), редакция регулярно помещает статьи о борьбе с мощными танковыми группировками противника, его воздушными десантами, об организации обороны на широком фронте, о боях в окружении, за населенные пункты; много внимания уделяет анализу военного искусства противника.

Уже с 1942 года все большее место в публикациях журнала занимают аналитические материалы по обобщению опыта боев и операций. В разделе «Оперативно-стратегические вопросы» печатались статьи об особенностях ведущейся войны, о современных фронтах, стратегических резервах, роли авиации в войне. Вместе с тем в целях недопущения утечки информации освещение путей решения стратегических проблем в эти годы на страницах журнала широко не велось. С переходом Красной Армии в наступление важнейшими темами журнала стали подготовка и ведение наступательных операций, прорыв обороны противника, развитие тактического успеха в оперативный, перегруппировка войск в ходе наступления, организация и ведение преследования, разгром окруженных группировок противника, борьба за сильно укрепленные города, форсирование вод-

ных преград.

Гигантский боевой опыт, накапливаемый в ходе войны, требовалось обобщить, довести до войск и реализовать в строительстве Вооруженных Сил. Начиная с 1943 года журнал расширяет тематику своих публикаций — вводятся разделы «Оперативное и тактическое использование родов войск», «Боевые действия в особых условиях», «Управление войсками и работа штабов», «Организация и служба тыла», «Немецкая армия, ее стратегия и тактика». Особенно широко и всесторонне в 1945 году освещались проблемы оперативного искусства, результаты проведения операций и действий в них видов и родов войск (сил).

В годы войны с журналом плодотворно сотрудничали многие военачальники, преподаватели военных академий, офицеры и генералы центральных управлений Народного комиссариата обороны СССР, имевшие за плечами богатый боевой опыт. Среди них — М. Алексеев, Л. Абрамов, А. Благодеров, В. Белли, Б. Букин, В. Воинов, А. Готовцев, Г. Дьяков, В. Злобин, П. Иванов, Ф. Исаев, П. Коркодинов, В. Мордвинов, Д. Никишов, И. Пересыпкин, В. Попов, Н. Таленский, Ф. Самсонов, М. Среднев, А. Строков, Д. Федоров, В. Хохлов, А. Штромберг, Б. Яковлев и др.

Подводя итоги первого периода войны, они подчеркивали, что стратегическая оборона как вид военных действий осуществлялась нашими войсками путем проведения взаимосвязанных оборонительных операций нескольких фронтов, дальней авиации, а на приморском направлении — и Военно-Морского Флота. Цели стратегической обороны состояли в том, чтобы нанести противнику возможно большие потери, измотать и обескровить его главные группировки, остановить наступление, не допустить захвата жизненно важных районов страны, выиграть время, подготовить резервы и создать условия для перехода в контрнаступление.

Следует особо отметить, что непосредственно по свежим следам событий на страницах журнала «Военная Мысль» были даны описания таких операций наших войск, как Тульская, Ростовская, Елецкая, Торопецкая, битва под Москвой, оборона Одессы, Тихвинская операция, битв под Сталинградом и Курском. Со статьями выступили Н. Артемьев, А. Борисов, А. Васильев, Н. Замятин, В. Кравцов, И. Паротькин, И. Хитров и др. Великая Отечественная война стала жестоким испытанием всех сил нашего народа и государства. Суровый экзамен выдержала и советская военная наука, а вместе с ней и основной военно-теоретический журнал.

Первые послевоенные годы (1945–1953) являются следующим этапом деятельности журнала «Военная Мысль». Главным ориентиром в ней стал приказ народного комиссара обороны СССР № 8 от 5 марта 1945 года, в котором были сформулированы основные задачи Вооруженных Сил. В отношении военной науки в нем указывалось на необходимость разработки теории строительства Вооруженных Сил, стратегии и оперативного искусства, подчеркивались важность теоретического осмысления уроков войны и недопустимость одностороннего подхода, переоценки своих успехов и поверхностного изучения боевого опыта.

На страницах журнала в эти годы находят отражение результаты исследования разнообразных проблем строительства Вооруженных Сил, организации и

руководства ими в ходе войны, военного искусства, военной экономики. Серьезные усилия направляются на всесторонний и глубокий анализ причин поражений в начальном периоде войны и источников наших побед, рассмотрение слагаемых могущества советского государства, исследование путей повышения обороноспособности страны, а также уделяется внимание общим проблемам войны и военного дела, тенденциям развития средств вооруженной борьбы.

На основе опыта Второй мировой войны анализируются такие проблемы военной стратегии, как размах стратегических операций, стратегическое взаимодействие фронтов, стратегическое контрнаступление, особенности маневренной войны с применением большого количества танков, стратегические десантные операции. Широко обобщается опыт подготовки и ведения операций. Публикуются материалы по ведению фронтовой и армейской наступательных операций. Большое место занимают вопросы организации управления войсками в наступательных операциях. Надо заметить, что внимание исследователей направлялось главным образом на изучение успешных наступательных операций. Лишь в немногих статьях рассматривалась оперативная оборона и подвергались критике неудачные наступательные операции.

В исследовании вопросов оперативного искусства с учетом опыта Великой Отечественной войны участвовал широкий круг военачальников, преподавателей военных академий, офицеров и генералов Генерального штаба и штабов военных округов. В их числе следует отметить П. Батова, С. Броневского, Л. Ветошникова, А. Гаспиловича, В. Емелина, М. Захарова, В. Злобина, А. Грылева, А. Кирпичникова, Н. Павленко, А. Пенчевского, М. Смирнова, А. Субботина, Н. Таленского, М. Шарохина, Е. Шиловского, П. Ярчевского.

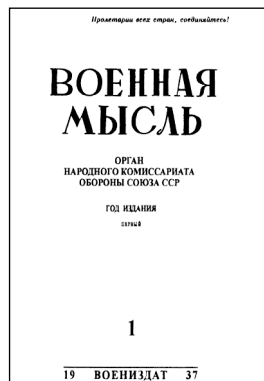
Учитывая потребности развития военной науки и интерес широкого круга читателей к теории военного искусства, редакция журнала организовала ряд дискуссий по важным вопросам военной теории и истории: о месте теории советской военной экономики в военной науке; о законах военной науки; о маневре в бою и операции; о предмете военной географии, ее месте и роли в военной науке; о содержании и периодизации истории военного искусства; о советской военной педагогике. Дискуссии позволяли сопоставить различные точки зрения по некоторым важным вопросам военной науки, способствовали выработке единых взглядов на решение проблем военной теории и практики.

Следующий этап в работе журнала (1954–1990) связан с коренными изменениями в строительстве Вооруженных Сил, вызванными революцией в военном деле, нарастанием угрозы ракетно-ядерной войны. Нашей стране пришлось сделать все необходимые выводы из того факта, что созданный в 1949 году блок НАТО стал проводить все более агрессивный курс.

В середине 50-х годов Советские Вооруженные Силы вступили в процесс коренных качественных преобразований. Значительно возрос удельный вес ВВС и Войск ПВО, армия и флот получили ядерное оружие, мощное ракетное и реактивное вооружение разных типов. В этой связи перед военной наукой встали новые сложные проблемы. Жизнь требовала их решения в сжатые сроки.

В условиях нарастающей угрозы развязывания ядерной войны насущной и неотложной задачей было исследование проблем эффективного применения ракетно-ядерного оружия и других средств массового поражения в современной войне. Угроза применения ядерного оружия заставила совершенно по-новому взглянуть на многие проблемы обороны страны, в частности связанные с начальным периодом войны, поддержанием высокой боевой готовности войск (сил).

Откликаясь на веление времени, «Военная Мысль» публиковала статьи о влиянии начального периода войны на ход и исход войны в целом, о роли стратегической внезапности в современных условиях. Выявлялись характерные черты и особенности современной войны, рассматривались совместные действия разнородных сил и средств, широко и всесторонне исследовалась в новых условиях теория оперативного искусства.

Вместе с тем во второй половине 50-х годов XX века творческая работа наших военных кадров по научному осмыслению сложных проблем, возникших в связи с коренными изменениями в военном деле, еще характеризовалась определенной незавершенностью и в какой-то мере медлительностью. Это был переходный период, когда применение современных мощных средств вооруженной борьбы, поступавших в войска, во многом рассматривалось еще в рамках устаревших положений военной теории.

Необходимы были энергичные творческие усилия для совершения следующего шага — осознания всей глубины изменений, происходивших в военном деле, всестороннего вскрытия характера и последствий ракетно-ядерной войны, решения сложнейших теоретических и практических проблем дальнейшего укрепления обороноспособности страны, определения места и роли экономического, политического, морального факторов в новых условиях. Требовалось всесторонне исследовать основные принципы применения Вооруженных Сил в операциях современной войны, провести детальную разработку форм и способов действий всех их видов, особенно созданных Ракетных войск стратегического назначения, родов войск (сил) и специальных войск. Эти поиски научного решения возникших проблем нашли самое широкое отражение в военно-теоретическом журнале «Военная Мысль».

Глубокие изменения, происшедшие в военном деле, потребовали детально-го анализа возможного характера и масштабов операций на театрах военных действий, целей и задач фронтовых и армейских наступательных операций. На страницах журнала публикуется серия материалов, где рассматриваются возможности сокращения сроков подготовки операции, организация и проведение встречного сражения механизированной армии, а также действия сил и средств по срыву воздушно-десантной операции противника, вопросы инженерного обеспечения, организация работы тыла. Большое внимание уделяется проблемам применения ракетных войск в операциях и их всестороннего обеспечения, преодоления зон радиоактивного заражения, управления войсками (силами) в условиях радиопомех.

Авторами важнейших статей по названным проблемам были А. Гречко, М. Захаров, Р. Малиновский, Н. Крылов, С. Горшков, И. Якубовский, А. Гаспилович, П. Курочкин, К. Вершинин, С. Красовокий, В. Иванов, Е. Иванов, П. Полубояров, П. Ротмистров, М. Повалий, А. Бабаджанян, Г. Хетагуров, В. Баскаков, В. Соколовский, В. Чуйков, Н. Харламов, А. Чабаненко, Н. Ломов, Г. Зимин, А. Цирлин, И. Джорджадзе, В. Дружинин, И. Завьялов, С. Красильников, А. Коянович, Х. Джелаухов, В. Яковлев и многие другие.

Резкое повышение боевых возможностей авиации, ракетных войск, совершенствование форм и способов их применения в современной войне привело к возрастанию угрозы нанесения ударов по основным объектам государства, группировкам войск (сил) с воздуха. В этой связи большое значение приобрели *проблемы противовоздушной обороны*. В публикуемых статьях теоретически обосновывались требования к современной ПВО; вопросы создания ее в различных условиях ведения военных действий, управления силами и средствами ПВО; пути совершенствования средств ПВО.

Вследствие глубоких качественных изменений материально-технической базы Военно-Морского Флота повысился его удельный вес в Вооруженных Силах страны. **С появлением на флоте ядерного оружия и мощных подводных сил он по существу вошел в первый эшелон стратегических ударных сил.** Коренное изменение технической базы флота привело также к переоценке роли родов сил ВМФ. Все это не могло не выдвинуть перед военной теорией ряд новых и сложных проблем. В частности, потребовалось определить принципы и уточнить формы и способы оперативно-стратегических действий ВМФ в современных условиях.

Ядерное оружие обусловило также коренную ломку взглядов на применение авиации. При сохранении признания за авиацией важной роли в войне потребовалось внести существенные изменения в принципы ее использования, способы

решения задач, организацию взаимодействия, управления и во все виды обеспечения. В статьях журнала всесторонне обосновывалась мысль о том, что главной задачей ВВС при действиях в любых условиях является борьба с авиацией противника, с его средствами ядерного нападения на суше, на море и в воздухе. Рассматривались действия авиации по стратегическим и оперативно-стратегическим объектам, по прикрытию войск, сил флота и тыловых объектов от ударов с воздуха, поддержке Сухопутных войск, борьбе с противником на воздушных, морских и наземных коммуникациях, обеспечению воздушных десантов, ведению разведки.

В тесной связи с требованиями военного искусства и экономическими возможностями страны в журнале в эти годы находят отражение исследования проблем тыла. Главное внимание обращается на такие вопросы, как руководство тылом, формирование его структуры и организация во всех видах Вооруженных Сил, техническое оснащение и конкретная деятельность органов тыла в современных операциях. Публикуются статьи с обоснованием важности перестройки тыла, сфер деятельности высших звеньев руководства тылом, новой организации управления перевозками материально-технических запасов, путей совершенствования медицинского обеспечения, снабжения горючим и т. д.

Бурно развивающиеся процессы технического перевооружения армии и флота обусловили крутой поворот журнала к исследованию проблем, связанных с развитием технических наук. Был опубликован ряд постановочных статей о роли науки и техники в современном военном деле. В них рассматривались такие вопросы, как война и автоматика, радиоэлектроника в современной войне, тенденции развития ракетного оружия и военной авиации, влияние научного прогресса на развитие военной техники, вопросы военно-технического преемства и т. п. Много внимания уделялось обязательному компоненту современного оружия — радиоэлектронным средствам, проблемам ведения РЭБ.

Уделяя главное внимание бурно разворачивающимся процессам развития современного военного дела, журнал систематически обращался и к опыту прошлого, в первую очередь к сокровищнице опыта Великой Отечественной войны, раскрывал величие воинских подвигов, совершенных советским народом, разоблачал фальсификаторов истории Второй мировой войны.

Глубокие изменения, происходящие в военном деле, сложность решаемых проблем поставили перед военной наукой важную задачу глубокого гносеологического осмысления самого предмета своего изучения, его содержания. Таковы были стимулы для **широкой дискуссии о предмете, содержании и составных частях военной науки**, проводившейся на страницах журнала в начале 1960 года и получившей продолжение в середине 70-х годов. Коренные сдвиги, вызванные революцией в военном деле, потребовали дальнейшей разработки методологических основ военной науки. На страницах журнала регулярно печатаются материалы военно-философского, методологического характера. Опираясь на военно-теоретическое наследие отечественных ученых, журнал последовательно освещает методологические проблемы военной теории и практики, раскрывает роль и особенности проявления морально-политического, экономического и военного потенциалов в современной войне, значение диалектического метода и системного подхода в анализе сложных систем. В публикациях всесторонне раскрывается сущность процессов, происходящих в военном деле, показывается глубокое их воздействие на содержание военной доктрины, военной науки, военного искусства.

Неослабое внимание журнал уделяет проблемам укрепления дисциплины и правопорядка в войсках, обучения и воспитания личного состава. Публикуется ряд статей, посвященных проблемам морально-психологической подготовки войск, психологии оперативного мышления командиров. Подчеркивается, что успешное решение этих проблем возможно только на основе использования диалектического метода, познания объективных законов и закономерностей развития военного дела.

Журнал всегда стремился оказать всемерную помощь офицерам, генералам и адмиралам, работающим над расширением своего военно-теоретического круго-

зора и повышением методологической культуры. Поэтому не случайно в приказе министра обороны № 303 1965 года отмечалось, что журнал «Военная Мысль», являясь «основным военно-теоретическим органом Министерства обороны СССР, играет важную роль в разработке военно-теоретических проблем. Публикуемые в журнале материалы способствуют развитию военной науки и совершенствованию военных знаний генералов, адмиралов и офицеров Советской Армии и Военно-Морского Флота». За большой вклад в информационное обеспечение развития военной науки, строительства и применения Вооруженных Сил Указом Президиума Верховного Совета СССР журнал «Военная Мысль» в 1975 году был награжден орденом Красной Звезды.

Рубеж XX–XXI веков (с 1990 года по настоящее время)

– **новый этап работы журнала.** В этот период у ряда офицеров Вооруженных Сил отмечается некоторое снижение интереса к развитию военно-теоретической мысли, обусловленное происходящей радикальной перестройкой государства. Однако, несмотря на это, страницы журнала заполнены публикациями, нацеленными на решение методологических проблем военной науки и военного искусства. В эти годы с журналом плодотворно сотрудничают руководители центрального аппарата Министерства обороны, Генерального штаба Вооруженных Сил, главных и центральных управлений, научно-исследовательских организаций, преподаватели высших учебных заведений Министерства обороны. На страницах журнала публикуются статьи Ю. Балухевского, В. Смирнова, А. Рукшина, А. Квашнина, А. Корнукова, В. Куроедова, В. Михайлова, И. Касатонова, А. Московского, Н. Кормильцева, Н. Соловцова, Г. Шпака, В. Павлова, М. Гареева, Л. Золотова, В. Барынькина, А. Клименко, В. Останкова, Г. Куприянова, И. Воробьева, В. Рябчука, В. Куликова.

В публикациях этого периода речь идет о проблемах геополитики и безопасности; об угрозах жизненно важным интересам Российской Федерации; о характере войн и вооруженных конфликтов; роли стратегических ядерных сил в обеспечении стратегической стабильности и военной безопасности; перспективных формах стратегических действий Вооруженных Сил; применении воздушно-десантных войск при решении задач по пресечению вооруженных конфликтов; об основных направлениях создания воздушно-космической обороны Российской Федерации; о путях оптимизации системы управления разнообразной группировкой авиации и сил ПВО при решении ими различных задач в операциях; перспективной системе планирования строительства и применения Вооруженных Сил; военно-технической политике; задачах военной науки в современный период и на перспективу; методологии обоснования боевого состава региональных группировок; об информационных технологиях в автоматизированных системах военного назначения и др.

К задачам журнала, определяющим его значение на современном этапе военно-строительства Российской Федерации, можно отнести:

участие в обобщении опыта современных войн (особенно локальных войн и вооруженных конфликтов различной интенсивности) по важнейшим вопросам стратегии и оперативного искусства и определении характера войн будущего;

освещение методологии военной науки, военного искусства, военного строительства, специальных отраслей знаний общественных, естественных и технических наук, обслуживающих военное дело государства;

научно-информационное обеспечение основных направлений развития оружия и военной техники, военно-технического сотрудничества, разработки государственных программ развития вооружения и военной техники;

обобщение опыта оперативной подготовки войск (сил), особенно оперативно-стратегических учений, в интересах развития военного искусства, разработки новых уставных документов;

освещение наиболее важных страниц военной истории, особенно истории отечественной и зарубежной военной мысли, пропаганду военно-теоретического наследия отечественных военных теоретиков, выдающихся полководцев и военачальников;

участие в обобщении опыта морально-психологической подготовки личного состава Вооруженных Сил, в решении проблем воинского обучения и воспитания, а также нормативного правового обеспечения деятельности военной организации государства;

освещение вопросов строительства иностранных армий, их боевого и учебного опыта;

рецензирование отечественной и зарубежной военно-теоретической литературы и т.д.

Имея такую программу действий, редколлегия и редакция журнала прилагают все силы, чтобы «Военная Мысль» и впредь вносила вклад в развитие военной науки в интересах повышения мощи Вооруженных Сил Российской Федерации и дальнейшего укрепления обороноспособности нашего государства.

Для этого необходимо постоянно совершенствовать стиль работы; всемерно способствовать развитию связей теории с практикой военного дела, поддерживать всесторонние контакты с войсками, научно-исследовательскими учреждениями, военно-учебными заведениями, научными коллективами; широко привлекать к сотрудничеству с журналом военную общественность; активизировать обсуждение на его страницах актуальных вопросов военной науки, ее методологических проблем.

За всю историю деятельности военно-теоретического журнала «Военная Мысль» на его страницах выступили тысячи генералов и офицеров Вооруженных Сил. Редакция стремится своей организаторской работой содействовать постановке и разработке новых проблем, особенно с участием молодых ученых.

С 2003 года журнал вернулся не только к привычной для него ежемесячной периодичности, но и к выпуску специальных сборников статей, решение об издании которых было принято еще в 1949 году Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами страны по предложению Маршала Советского Союза А.М. Василевского.

В канун 90-летия журнала редакция и редколлегия призывают его авторов и читателей проявлять большую активность, способствовать своими творческими поисками и усилиями повышению научно-теоретического уровня офицерского состава ВС РФ. Наилучшей оценкой деятельности журнала является действенность выступлений, широкое использование их в практике строительства Вооруженных Сил России, боевой и оперативной подготовки войск (сил), а также в научно-исследовательской работе и воспитании военных кадров.

В связи с 90-летием журнала «Военная Мысль» на страницах данного юбилейного номера редакция, несколько отходя от принятых традиций, предлагает уважаемым читателям ретроспективную подборку статей, опубликованных в журнале в разное время, — начиная с года его основания — как пример преемственности в разработке основополагающих проблем военной науки. Надеемся, что статьи выдающихся теоретиков и практиков военного дела, талантливейших ученых и полководцев, некогда опубликованные на страницах журнала, вызовут живой интерес наших читателей. Их вниманию предлагаются публикации таких военных деятелей, как А.А. Свечин (1918), М.В. Фрунзе (1921), М.Н. Тухачевский (1921), В.А. Триандафиллов (1925), Д.М. Карбышев (1938), И.Х. Баграмян (1941). Со своей стороны редакция журнала считает, что многие идеи, высказанные в свое время данными авторами, не потеряли актуальности и по сей день и еще могут послужить на благо развития российской военной мысли.

Также мы предлагаем на юбилейных страницах «Военной Мысли» статьи наших постоянных и верных журналу авторов: генерал-майора в отставке И.Н. Воробьева, генерал-майора в отставке В.Д. Рябчука, полковника В.А. Киселева, творческая связь которых с журналом исчисляется многими десятилетиями. Это сильный творческий коллектив современных военных мыслителей и ученых, чьи актуальные идеи являют собой яркий пример сопряжения теории и практики, отражающего собой непрерывающуюся преемственность поколений российской военной научно-интеллектуальной элиты.

«А» или «Г»?

А.А. СВЕЧИН

(Статья перепечатана в оригинальном варианте из журнала «Военное дело» № 25 за 1918 г.)

СВЕЧИН Александр Андреевич родился в 1878 году в семье генерала русской армии. После окончания Михайловского артиллерийского училища (1897) и Николаевской Академии Генерального штаба (1903) по I разряду, причислен к Генеральному штабу. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Последнее воинское звание в царской армии — генерал-майор (1916). С марта 1918 года перешел на сторону большевиков. Был сразу назначен военным руководителем Смоленского района Западной завесы, затем — начальником Всероссийского главного штаба. Позже по рекомендации Председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого назначен преподавателем Академии Генерального штаба РККА. Здесь А. А. Свечин занимает пост главного руководителя военных академий РККА по истории военного искусства и по стратегии. В академии полностью развернулся его талант военного педагога и писателя. Активно публиковал свои работы в журналах «Военное Дело», «Военная мысль и революция», «Война и революция».

Арестовывался в 1930 году, но был отпущен. Повторно арестован в феврале 1931 года и осужден на пять лет лагерей. Однако уже в феврале 1932 года был освобожден и вернулся на службу в РККА: сначала в разведывательное управление Генерального штаба, затем — во вновь образованную в 1936 году Академию Генерального штаба РККА. Последнее воинское звание в РККА — комдив. В 1938 году по сфабрикованному обвинению был в очередной раз арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. Уже в 1942 году его книга «Стратегия» стала настольной для многих офицеров Генерального штаба.

АВТОР «стратегических очерков войны 1914—1918 гг.» держится определенно ориентации нашего юго-западного фронта. Между тем, стратегия прежде всего не терпит односторонности. Стратегический «младенец» лучше и полезнее стратегического областника. Ведь именно задача стратегии — борьба с кругозором, открывающимся со своей приходской колокольни. А разве это не уездная стратегия — вывод автора, что мы должны были в начале войны отказаться от всякого наступления против Германии и направить свои силы исключительно против Австрии, осуществлять план «А» вместо плана «Г»?

При заключении франко-русского союза приходилось считаться со стратегической задачей, как в одну повозку «запреч коня и трепетную лань». Французская армия быстро заканчивала мобилизацию, достигала максимума своей силы, но располагала лишь мелким театром войны. Самые богатые области Франции были под непосредственным ударом немцев, и сердце ее — Париж — был удален от границы только на 15 небольших переходов. В 1870 году борьба с французскими армиями потребовала от Германии только 30 дней после перехода границы (от боя при Вейсенбурге до Седана включительно). В 1914 году надо было ожидать кризиса на французском фронте в тот же срок, или еще скорее. А Россия, которая должна была совместно с Францией сокрушить Германию, была способна развить максимум напряжения только после долгого промежутка времени на мобилизацию и сосредоточение на западную границу войск, разбросанных на громадном протяжении государства. Можно было опасаться, что серьезное участие в борьбе Россия примет только через 2-3 месяца, после начала войны, когда Франция выйдет вовсе из строя. В эпоху Александра III эта стратегическая задача была решена так: на Немане и на Нареве русские уже в мирное время держали две армии, каждая силой в 3 корпуса с 2 кавалерийскими дивизиями. За Вислой стояли 2 кавалерийских корпуса, каждый со стрелковой бригадой, во Влоцлавске — отдельная кавалерийская дивизия и, как опора для них, в Варшаве один армейский корпус. Сверх того, сильные гарнизоны находились в Ковне,

укрепленном районе Варшава — Новогеоргиевск — Зегрж и Осовец. Мы знали, что с объявлением войны германская армия должна попытаться наброситься всеми силами на Францию, чтобы покончить с ней — и были готовы в первую же минуту войны броситься вперед с 7 сильными корпусами и многочисленной кавалерией в восточные области Пруссии, чтобы больно укусить хвост германской армии и отвлечь часть ее внимания с *главного* французского театра войны. Остальная часть русской армии, расположенная, во внутренних округах, содержалась в слабом составе, долго мобилизовалась, могла принять лишь запоздалое участие в войне, и наших союзников вовсе не интересовала.

После русско-японской войны эта стратегическая задача была вновь перерешена. Новые данные были следующие. Французская армия, в период 1902—1911 гг., шла явно на ущерб. Был принят закон о двухлетней службе, армия уменьшилась численно и ухудшилась качественно, дисциплина упала, в стране развивался антимилитаризм, во главе военного министерства становились дрейфусары. Франция все менее становилась способной встретить лицом к лицу удар Германии; операции на французском театре, казалось, являлись предрешенными, и нужно было подумать о русском фронте, как главном во всеевропейской войне.

Развитию же русской вооруженной силы значительно препятствовала обязанность наша содержать в боевой готовности на Немане, Нареве и Висле готовые армии.

Мы проиграли войну в Маньчжурии, так как пытались бороться с Японией скверными, слабыми частями внутренних округов, не ослабляя того кулака в Варшавском и Виленском округах, который держали по согласию с французами. Государственная Дума не жалела на армию денег, но поставила генеральный штаб и необходимость искать решения усиления нашей государственной обороны без усиления количественного состава армии. Решение было найдено в распылении кулака, который мы держали на западе. Два пехотных корпуса и кавалерийская дивизия ушли с Немана, из Варшавы и Влоцлавска в центр, кадры крепостной пехоты западных крепостей пошли на усиление кадров внутренних округов. Мобилизация их значительно ускорилась, железная дорога Бологое — Седлец и усиленная других железных дорог позволило рассчитывать на более успешную переброску войск на запад. Будучи несравненно более готовы, чем прежде, ко всяким случайностям мировой истории, мы на протесты французского генерального штаба о нарушении нами основ союза могли ответить подтверждением обязательства вторгнуться в Восточную Пруссию, не позже 20-го дня мобилизации, силами не менее 9 корпусов. Это был план 1910 года.

Между тем, германская армия и германское начальство росли параллельно. С 1874 по 1911 год, армия усилилась (мирный состав) с 401 тысячи до 607 тысяч. В 1913 году она достигла 866 тысяч. В 1905 году Вильгельм потребовал отставки французского министра иностранных дел Делькассэ. В 1911 году — Агадирский инцидент. Этот нахрап германцев разбудил усыпивший патриотизм французов. С антимилитаризмом было покончено, дисциплину восстановил военный министр, социал-соглашатель Мильеран, палата депутатов приняла закон о переходе к трехлетней службе. Президент Нуанкарэ и начальник генерального штаба Жофр совершили поездки в Петербург и добились ряда дальнейших шагов в ускорении готовности русской армии к вторжению в Германию, которые должны были осуществиться с мобилизационным расписанием № 20, и новых формирований, которые в 1915—1916 годах могли восстановить на Нареве и Висле кулак Александра III.

Наступившая в 1914 году война прервала эту починку наших общих с французами стратегических предположений. Верная союзному договору Франция выступила на нашу поддержку, и, как и предполагалось, приняла, на себя весь удар германского кулака. Против России было оставлено только 3 полевых корпуса. Мог ли русский генеральный штаб хотя бы на одну минуту ставить себе в этих условиях задачу — изменить букве и духу союзных соглашений, отказать от вторжения в Восточную Пруссию, и броситься всеми силами пожирать дешевые лавры на галицийском театре?

Такая мысль могла, явиться только в уме кабинетного стратега. Но последуем за ним и попробуем начертить картину войны «лит. А» — если бы наша Ставка впала бы в такое же кабинетное «австрофильство».

Что заставило австрийскую армию покинуть удобные позиции в Галиции и броситься на Люблин-Холм, подставляя нашему удару свой фланг и тыл? Что привело австрийцев рискнуть на этот опаснейший маневр до окончательной перевозки первоначально направленных против сербов корпусов с несколоченными еще полками, располагавшими слабыми кадрами? Что дала возможность генералам Иванову, Алексееву, Рузскому и Брусилову пожать их блестящие лавры? Автор «стратегических очерков» недоумевает над этими вопросами.

Ответ же ясен. Несомненно, наше вторжение в Восточную Пруссию.

Без нашего вторжения в Восточную Пруссию австрийцев пришлось бы искать за Саном и Днестром, в глубине Карпатских проходов; и как только наши колонны начали бы спускаться на венгерскую равнину, пришлось бы их резко поворачивать назад, на спасение Варшавы и всего тыла, на который обрушились бы германцы, как это и пришлось сделать в конце сентября.

В сражении на Марне германцы располагали бы двумя лишними полевыми корпусами (XI и гвард. резервн.). У французов было бы сознание, что русские надули их и оставили их один на один с германцами. И если в действительности Марна была типичным «Шахэ» —нерешенным сражением, в котором оба противника замирают друг против друга, истощив все свои усилия, то, в случае принятия нами плана лит. А Марна была бы верной победой немцев, отбросила бы жалкие остатки французской армии на Луару, привела бы к быстрой капитуляции Парижа и восточных крепостей, и на 50 день мобилизации, самое позднее, был бы приведен в исполнение разученный германцами план переброски в течение 7 дней 11 армейских корпусов с западного фронта на русский, чтобы научить нас в другой раз верно выполнять свои союзнический обязанности.

Вторжение в Восточную Пруссию было не только нашей обязанностью, но и диктовалось нам инстинктом самосохранения. Германия поворачивалась к нам, с началом войны, спиной. Мы должны были напреч свои силы, чтобы больно ее укусить и помнить при этом, что чем больнее был наш укус, тем скорее ее руки выпустят схваченную за горло Францию, и кулаки ее обрушатся на нас. Громадное искусство требовалось от вождей нашего северного фронта, которые шли на 3 германских корпуса, могущих внезапно обратиться в 14 корпусов. Наше исполнение задачи в Восточной Пруссии стояло совершенно не на высоте поставленной задачи, но русский генеральный штаб вне упрёка, который надлежит сделать автору «стратегического очерка», —он не забывал о главном театре, он не забывал о своем союзническом долге, он не увлекался эгоистическими целями.

Еще раз в течение войны, в период боев на Изере, лорд Китченер обратился к нам за помощью. Он телеграфировал нашей Ставке, что новые английские формирования подвигаются медленно, что сила германцев растет, и если русская армия перейдет к обороне, то германцы смогут прорвать англо-французов и захватить северное побережье Франции. И верная своему союзному долгу, русская армия в конце октября 1914 года делает новое усилие —развертывает к западу от Лодзи, на Познанском направлении, две армии, что заставляет германцев —прекратить наступление на главном англо-французском театре на срок 16 месяцев (до Вердена) и бросить 5 новых полевых корпусов с западного театра в Польшу. Мы были вынуждены перейти к обороне, но не вся ли задача нашей стратегии заключалась в том, чтобы заставить германцев считаться с нами, заставить повернуться лицом к нам, оставив на главном театре тот недорубленный лес, который так вырос в 1918 году и решает судьбы войны?

Будущий историк сокрушения германского военного могущества отдаст должное нашей стратегии, ее добропорядочности. Никогда еще в мировой истории коалиция различных армий не действовала столь дружно и самоотверженно, как та, с которой пришлось столкнуться Германии в 1914 году.

Единая Военная доктрина и Красная Армия

М.В. ФРУНЗЕ

*(Статья перепечатана в оригинальном варианте
из журнала «Военная наука и революция». Июль — август 1921 г.)*

ФРУНЗЕ Михаил Васильевич родился в 1885 году в семье фельдшера. Став студентом экономического отделения Петербургского политехнического института (1904) принимал активное участие в студенческих и рабочих кружках. Являлся одним из организаторов знаменитой стачки текстильщиков. К началу Февральской революции 1917 года Фрунзе стал руководителем революционной организации с центром в Минске. Принимал активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции 1917 года, после победы которой возглавил Иваново-Вознесенский губисполком, комитет партии, военный комиссариат; был депутатом Учредительного собрания от большевиков. С 1918 года Фрунзе — один из активнейших участников Гражданской войны. В 1919 году командовал Южной группой армий Восточного фронта, разгромившей А.В. Колчака, являлся командующим войсками Туркестанского фронта, членом комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана. В 1920 году воевал против армии бухарского эмира, руководил разгромом П.Я. Врангеля. За умелое

военное руководство награжден почетным революционным оружием и двумя орденами Красного Знамени. В 1924 году был утвержден в должности заместителя председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам СССР, одновременно являясь начальником штаба РККА и Военной академии. Под руководством М.В. Фрунзе в СССР была завершена начатая Л.Д. Троцким военная реформа (1924—1925). В 1925 Фрунзе был назначен председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам. Стоял у истоков журналов «Военная наука и революция», «Военная мысль и революция», «Война и революция». В 1925 году Фрунзе скончался после операции.

I

ОДНИМ из наиболее важных вопросов, приковывающих внимание нашей современной военной мысли, является вопрос о так называемой «единой военной доктрине».

Предметом оживленного обсуждения служил он в статьях, помещенных рядом военных специалистов на страницах ныне уже несуществующего журнала «Военное Дело»; к нему же вплотную подходит мысль армейских работников, о чем свидетельствуют протоколы многих военных совещаний, посвящавшихся вопросу реорганизации Красной Армии.

Все это говорит о наличии глубокого теоретического и практического интереса, возбуждаемого данным вопросом. Но, к сожалению, дальше простого интереса дело пока вперед не двинулось, ибо до сих пор мы не только не имеем попыток систематизации учений о нашей военной доктрине, но и самое содержание этого понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным.

Характерна в этом отношении та разногласия мнений и взглядов, которая обнаружилась в статьях наших старых военных специалистов. Вышло буквально по пословице: «сколько голов, столько и умов». По признанию крупнейших представителей военного мира оказалось, что у нашего старого генерального штаба не существует никаких определенных взглядов по этому основному вопросу военной теории и, даже более того, — нет ясного представления, в чем собственно состоит самый вопрос, нет умения правильно поставить его.

Этот факт, говорящий прежде всего о крайней скудости военно-теоретического багажа, доставшегося нам в наследство от старой армии, способен навести на грустные размышления по поводу дальнейших попыток в этом направлении.

И надо признать, что в опасениях подобного рода несомненно есть некоторая доля основательности, но только известная доля.

Стоит только вспомнить ту общественно-политическую обстановку, в которой развивалась и работала мысль наших старших товарищей по военному делу. В атмосфере полицейско-самодержавного строя, с его подавлением всякой общественной и личной инициативы, на фоне нашей общей экономической и политической отсталости, при крайней рутине навыков и взглядов во всех сферах общественной деятельности, конечно, не могло быть и речи о каком-то широком научном творчестве.

Все эти уродливости особенно ярко сказывались в постановке нашего военного дела, где беспощадно в корне пресекалась пытливая мысль и подрезалась инициатива. Поэтому объективно никто не может ставить в вину старому генеральному штабу ту растерянность и беспомощность, которые обнаруживаются им по ряду вопросов. Тем не менее факт остается фактом, и считается с ним приходится всем тем, кому дороги интересы нашей советской республики и дальнейшее развитие и укрепление ее военной мощи.

Мы думаем, что на основе вновь создавшихся общественных отношений, в обстановке, не только позволяющей, но и прямо требующей от каждого честного гражданина выявления максимальной энергии и инициативы, сумеет быстро развиться и окрепнуть и наша военно-теоретическая мысль. Думаем, что среди строя генерального штаба найдется не мало работников, способных совлечь со своего духовного «я» одежды ветхого Адама, не могущего мыслить иначе, как в пределах узких рамок и привычных представлений буржуазного мировоззрения, пропитанного духом мешанской тупости и косности.

В этой способности стряхнуть с себя остатки старой рутины, разобратся во всей сложности происходящих кругом нас явлений ломки старого мира, стать на точку зрения выдвигающихся на арену жизни новых общественных классов и заключается основное условие плодотворности теоретической работы наших товарищей-специалистов. Практический же опыт, полученный многими из них в рядах Красной армии, даст для этой работы достаточный материал.

Все это взятое вместе с деятельностью только что распускающего крылья молодого поколения наших военных работников, выдвинувшихся за время революционных войн из народных низов, дает полную уверенность в том, что в ближайшем будущем быстро двинется вперед дело осмысливания нашего военного опыта и выработка тех единых взглядов, которые должны лечь в основу боевой подготовки Красной армии и отсутствие которых сейчас болезненно чувствуется в ней всеми сверху донизу.

Предлагаемая вниманию читателей статья является попыткой поставить вопрос о «единой военной доктрине» с точки зрения интересов рабочего государства и революции и наметить тот примерный путь, которым, как нам кажется, должна идти разработка вопроса.

II

Прежде всего, что представляет собою самое понятие «единая военная доктрина»? В чем практический смысл этой идеи?

Ответ на этот вопрос уже намечается при самом поверхностном взгляде на сущность современных войн, характер нынешних боевых задач и условия их разрешения.

Вопросы текущего исторического периода в сравнении с предшествующей эпохой носят целый ряд характерных особенностей. В то время, как прежде исход боевых столкновений зависел от сравнительно небольших групп населения, или обуздывавших постоянные отряды, считавшие войну своей профессией, или же временно привлекавшихся в ряды войск для этих целей, теперь участниками войн являются почти поголовно целые народы, сражаются не тысячи или десятки тысяч людей, а целые миллионы, самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы. Театром военных действий теперь являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями

миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей, родов оружия и т. д. и т. д.

При этих условиях основному требованию военного искусства к науке — цельности общего плана и строгой согласованности при его проведении грозит величайшая опасность повиснуть в воздухе. В то время, как в прежних войнах момент непосредственного руководства вождями отдельными частями боевого организма составлял обычное явление, теперь об этом не может быть и речи. Между тем, это единство, цельность и согласованность нужны теперь более, чем когда-либо, они нужны не только в период уже развертывающихся боевых операций, но и тогда, когда идет предварительная подготовка к ним, как общее правило, эта подготовительная работа, как государства, взятого в целом, так и его военного аппарата, сама играет решающую роль. Государство должно заранее точно определить характер своей общей и в частности, военной политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и утвердить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии.

Что касается военного аппарата, то, основываясь на общегосударственной программе, он должен принять наиболее отвечающую общим государственным заданиям организационную форму и дальнейшей работой создать прочное единство всех вооруженных сил, связанных сверху донизу общностью взглядов как на характер самых военных задач, так и на способы их разрешения.

Эта работа по выработке единства мысли и воли в рядах армии является делом чрезвычайно сложным и трудным и может успешно протекать только тогда, когда оно совершается планомерно, отчетливо сформулированных положений и санкционированных общественным мнением руководящего страной класса.

Из сказанного ясно, какое огромное практическое значение для всего дела военного строительства республики имеет учение о «единой военной доктрине». Оно должно прежде всего указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние? В зависимости от того или иного решения этого вопроса военной политики определяется и весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных воинских соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны.

Учение это должно быть обязательно единым, являясь выражением единой воли стоящего у власти общественного класса.

Вот примерный круг общих идей и вытекающих из них практических задач, который должен быть охвачен понятием «единой военной доктрины».

Выше было уже отмечено, что более или менее общепринятой и точной формулировки этого понятия нет в нашей военной литературе. Но по всем разнообразию мнений, высказанных по поводу единой военной доктрины, основные моменты у большинства определений приблизительно совпадают. Основываясь на изложенном выше, моменты эти можно свести к двум группам: 1) технической и 2) политической. Первую образует все то, что касается организационных основ строительства Красной армии, характера боевой подготовки войск и методов разрешения боевых задач. Ко второй же относится момент зависимости и связи технической стороны строительства вооруженных сил с общим строем государственной жизни, определяющим ту общественную среду, в которой должна совершаться военная работа, и самый характер военных задач.

Таким образом можно было бы предложить такое определение «единой военной доктрины»: Единая военная доктрина есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производственных сил страны.

**На фото (слева направо):
командующий Первой конной армией Семен Буденный,
командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе**

и член Реввоенсовета Первой конной армии Климент Ворошилов, 1920 год

Формулировка эта отнюдь не претендует на конструктивную законченность и полную логическую безупречность. В конце концов вопрос совершенно не в этом. Важно основное содержание понятия, что же касается окончательной кристаллизации его, то это дело дальнейшей практической и теоретической разработки вопроса.

III

Установив общее логическое содержание понятия единой военной доктрины, перейдем теперь к вопросу о конкретном практическом содержании этого понятия в применении к реально-существующим армиям в различных государствах.

В этом, отношении интересно остановиться на примере, трех государств, обладающих вполне развитыми и воплотившимися в определенную форму вооруженными силами с ярко выраженными чертами единой военной идеологии (военная доктрина). Я имею в виду Германию, Францию и Англию. Начнем с первой.

Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощным военным аппаратом, стройкой системой организации вооруженных сил к совершенно определенной военной идеологией, единой для руководящих элементов, как армии, так и всей страны.

Основной чертой германской военной доктрины в ее технической части (т. е. чисто военной) является чрезвычайно ярко выраженный наступательный дух. Идея активности, искания решения боевых задач путем энергичного, смелого и неуклонного провидимого наступления, проникает все германские уставы и наставления для высших начальников. Эта же идея определила собой и структуру всего германского военного аппарата, выдвинув на первый план разработку оперативных проблем и создав в лице большого штаба мощный и высоко авторитетный орган, руководивший всей деятельностью по разработке военных планов и по боевой подготовке войск. Воспитание и обучение всех шло в духе этой же наступательной тактики к в конечном результате подготовило такую совершенную по своей структуре и подготовке военную силу, которая после на полях гигантских сражений империалистической войны выявила в полной мере свои выдающиеся боевые качества.

Спрашивается: чему или кому была обязана Германия наличием в ее распоряжении такой превосходной по качеству вооруженной силы? Первый ответ на вопрос уже дан тем, что она воспитывала свою армию на основе единой военной доктрины, построенной в соответствии с выводами военного искусства. Но это только первый ответ. Мы должны спросить дальше: а почему германская армия получила такую доктрину, почему она вся сверху донизу пропиталась ею, в то время, как, например, в России ничего подобного не было, хотя теоретически знание военного искусства имелось и здесь несомненно?

Ответом на это может служить указание на исключительные военные дарования германских военных деятелей, будто-бы склон своего гения открывших тайны побед и созданием германской военной доктрины поставивших свою армию на недосыгаемую высоту. Такое объяснение детски наивно, но его приходится отметить, ибо в статьях некоторых наших военных специалистов сплошь и рядом проглядывает стремление свести суть вопроса о создании военной доктрины к действиям и талантам отдельных выдающихся лиц (см., например, такое определение: «военная доктрина есть пророческий глаз военного гения» и т. п. чепуха).

Основные, черты германской доктрины отнюдь не являются случайным явлением; они целиком и в полной мере являются производными от общего строя германского быта и жизни эпохи до империалистической войны.

В самом деле, что представляла собою Германская империя к началу 1914-го года? Это было мощное экономически и политически капиталистическое государство с ярко выраженной империалистической окраской, — государство, проводившее откровенно хищническую политику и, опираясь на свои материальные и культурные силы, стремившееся к мировой гегемонии. Наличие крупных конкурентов в лице других империалистических стран (Франция, Англия, Россия и др.), исторически раньше создавших государственно-национальные объединения и успевших захватить лучшие куски общемировой добычи, заставляет капиталистическую Германию напрячь все свои силы в борьбе за мировое положение. Правящий в Германии буржуазный класс всю жизнь страны подчиняет этой основной государственной цели — победе над конкурентами. Пресса, наука, искусство, школа, армия — все организуется и направляется буржуазией в одну точку. Буржуазии удается развратить и подчинить своему влиянию даже значительные слои германского пролетариата, класса, объективно враждебного той хищнической линии поведения, которая проводилась буржуазией. И на этой почве, в этой атмосфере всеобщего преклонения перед армией и флотом, на основе активной внешней политики, ставившей армии определенно наступательные задачи, не могло создаться никакой другой германской военной доктрины, кроме той, которую мы перед собой имеем. В личном составе генерального штаба и всей германской армии, в самой личности императора Вильгельма как нельзя лучше отразилась вся Германия самодовольных буржуа и помещиков, уверенных в своей силе и упоенных мечтами о мировом могуществе. «Германия превыше всего», — вот тот девиз, который отравлял сознание большинства германского народа в эпоху империалистической войны. И верные этому девизу германские полки, уверенно следуя принципам своей доктрины, сокрушающим потоком ринулись на равнину Бельгии в 1914 г. Первые же столкновения с армиями враждебных стран показали стратегическую и тактическую правильность положений германской доктрины,

Так обстояло дело в Германии. Основной вывод, который можно сделать отсюда, следующий: все военное дело данного государства вплоть до учения, на основе которого строятся его вооруженные силы, является отражением всего уклада его жизни и, в конечном счете, его экономического быта, как первоисточника всех сил и ресурсов. Никогда германским генералам не удалось бы создать своей военной доктрины, и даже если бы это было сделано, они не сумели бы привить ее всей толще германской армии, если бы этому не благоприятствовали соответствующие условия германской жизни.

IV

Перейдем теперь к Франции.

Эта страна тоже является представительницей хищнического империализма. Так же, как германская буржуазия, Франция всегда была готова захватить чужое

добро и действовала в таких случаях ничем не хуже «милитаристской» Германии. Но в действиях французской буржуазии все же имелось существенное отличие от действий ее восточной соседки. В спорах с конкурентами из-за добычи ей не доставало той откровенной наглости и самоуверенности, которыми отличалась германская правящая клика. Стоит вспомнить лишь конфликты 1905, 1909 и 1911 годов с той же Германией из-за Марокко и ту трусливо-хищную и изворотливую политику, которую проводила тогда Франция, цепляясь за ускользавшую из рук добычу и в то же время не имея решимости начать грызню.

Этот своеобразный характер французской внешней политики определялся общим экономическим и политическим положением Третьей Республики. Французская промышленность далеко отставала в своем развитии от промышленности других передовых стран; французское население в течение ряда лет не обнаруживало тенденции роста и фраза: «население остается в стационарном положении», — стала обычной характеристикой движения народонаселения Франции по данным ежегодного статистического отчета. Вместо открытого захвата чужих территорий, сопряженного с риском ввязаться в тяжелую борьбу, французский капитал искал других, более спокойных путей эксплуатации чужого труда, идя широко на сделки всякого рода с иностранным капиталом в целях мирного дележа добычи.

Этот оппортунистический, неуверенный в себе, в своих силах, чуждый активности, дух французской буржуазии, стоявшей у руля правления, определял собою и общий характер французской военной политики. Несмотря на наличие во французской армии богатейших военных традиций, начиная с великого Тюрення и кончая Наполеоном, несмотря на данные ими блестящие образцы военного искусства в духе смелой, наступательной стратегии и тактики, военная доктрина армии Третьей Республики далеко уступала германской. Ее отличало чувство неуверенности в своих силах, отсутствие широких наступательных планов, неспособность смело искать решения боем, стремясь навязать свою волю противнику и не считаясь с волей последнего. В своем положительном содержании сущность доктрины, на которой воспитывалась французская армия последней эпохи, заключалась в стремлении разгадать план противника, занять до этого выжидательное положение и лишь по выяснении обстановки искать решения в общем наступлении. Таковы были существенные черты французской военной доктрины, наложившей свой отпечаток на весь образ действий французской армии в минувшую войну, особенно в первый маневренный ее период. Здесь особенно следует подчеркнуть, что по своим индивидуальным дарованиям французские полководцы вряд ли уступали германским. Помимо того, многие из них теоретически стояли на точке зрения не своей, а именно германской доктрины с ее духом величайшей активности. И при всем том общий дух французской армии, весь ее внутренний строй и характер господствовавших в ней взглядов на методы разрешения боевых проблем они изменить не могли, так как это являлось отражением более могучих факторов, чем усилие отдельных лиц.

Таким образом, пример Франции еще более подтверждает все то, что было сказано нами по вопросу о доктрине в связи с Германией. Военный уклад данного государства, характер господствующих в военной среде взглядов и настроений и, наконец, самое содержание принципов военного дела определяется всем строем жизни данного периода и, в частности, существом и характером того общественного класса, который в данное время стоит у власти.

Что касается Англии, то пример ее любопытен в том отношении, что в силу географических и исторических особенностей ее положения внимание правящего класса было направлено не на сухопутную армию, а на флот. Англия являлась и является по преимуществу колониальной державой. Эксплуатация была главным источником обогащения британской буржуазии и поддержание колониального господства составляло ее главнейшую военную задачу. В связи с этим обеспечение господства над морем приобрело для английского капитала значение вопроса жизни и смерти. Эта идея и стала основным и руководящим принципом английской военной доктрины. Конкретно это вылилось в осязательную для всех английских правительств минувшей эпохи формулу: иметь флот, равный соединенным флотам двух сильнейших морских держав. До последнего времени эта программа неуклонно осуществлялась, но теперь с появлением на арене конкуренции такого соперника, как С.-А. Соединенные Штаты,

положение изменилось, и энергия английской буржуазии должна будет искать какую-либо новую формулу, обеспечивающую ее захватническую политику.

Несколько слов о военной доктрине русской армии времен царизма.

После всего, что было сказано выше о нашей военной доктрине, самая постановка этого вопроса может показаться странной; но доктрина, хотя и не оформленная, в царской армии все-таки была, и хотя ничего положительного собой не представляла, все же и на этом отрицательном примере можно показать теснейшую связь учения о войне с общим укладом жизни.

Политическая сторона этой доктрины сводилось к триединой идее православия, самодержавия и народности, вбивавшейся в головы молодых солдат на уроках знаменитой словесности. Что же касается военно-технической части ее, то она в наших руководящих наставлениях являлась простым заимствованием у иностранных оригиналов, большей частью лишь в ухудшенном издании; но и в этом своем виде доктрина являлась мертворожденным детищем наших немногочисленных военных теоретиков, оставаясь чуждой не только всей массе рядового командного состава армии, но и ее высшим руководителям. Здесь ярко сказалось все беспримерное убожество, вся внутренняя гнилость и дряблость царской России последних времен. В самом деле, армия всегда была предметом особого погечения царей и тем не менее эта самая армия в их руках оказалась никуда негодной силой.

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы по интересующему нас вопросу.

Первый из них, — это уже неоднократно повторенная нами мысль о том, что военное дело данного государства, взятое в его совокупности, не является самодовлеющей величиной и целиком определяется общими условиями жизни этого государства.

Второй, — что характер доктрины военной, принятой в армии данного государства, определяется характером общей политической линии того общественного класса, который стоит во главе его.

Третий, — основное условие жизнеспособности военной доктрины заключается в ее строгом соответствии общим целям государства и тем материальным и духовным ресурсам, которые находятся в его распоряжении.

Четвертый, — доктрины, способной быть жизненным, организующим моментом для армии, изобрести нельзя. Все основные элементы ее уже даны в окружающей среде, и работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, сведении их в систему и в приведении их в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

Пятый, — основной теоретической задачей работников рабоче-крестьянской Красной армии должно явиться: изучение характера окружающей нас общественной среды; определение характера и существа военных задач, вытекающих из существа самого государства; изучение условий, обеспечивающих их выполнение, как в отношении материальных, так и духовных предпосылок; изучение особенностей строительства красной армии и применявшихся в ней методов борьбы: согласование с требованиями военной науки и искусства всех тех особенностей, которые объективно и неразрывно связаны с характером нашего пролетарского государства и переживаемой нами революционной эпохи.

V

Какие же основные элементы должны лечь в основу военной доктрины нашей рабоче-крестьянской Красной армии.

Чтобы ответить на это, обратимся, прежде всего, к анализу нашего государства.

По своему характеру, по своей сущности наша родина представляет собой государственное образование совершенно нового типа. В отличие от всех остальных государств, существующих сейчас на земном шаре, Р. С. Ф. С. Р. является единственным в мире государством, где господство принадлежит труду; начиная с октября месяца 1917 г., когда рабочий класс России, повелевая за собой широкие массы трудового крестьянства, вырвал власть из рук крупной и мелкой буржуазии. Мы живем в рабоче-крестьянском государстве, где руководящая роль у рабочего класса. Основная идея и смысл пролетарской диктатуры сводятся к задаче уничтожения капиталистических производственных отношений и замене их строем, основанным на началах общественного владения средствами производства и планомерного распределения продуктов этого производства. Идея эта находится в непримиримости

мом противоречия с основами существования остальных государств мира, где пока всюду царит капитал. Диктатура пролетариата означает самую беззаветную, самую беспощадную войну класса трудящихся против класса властителей старого мира, буржуазии, которая, опираясь на силу всего международного капитала, на силу и прочность своих международных связей, наконец, и на стихийный консерватизм мелкобуржуазных масс, является грозным и могучим врагом вновь нарождающегося мира. Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние — долгой, упорной, отчаянной войны, требующей колоссальной выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли. Внешняя форма этих взаимоотношений, в зависимости от меняющихся условий и хода борьбы может видоизменяться; состояние открытой войны может уступить свое место какой-либо форме договорных отношений, допускающих до известной степени мирное сожительство враждующих сторон. Но основной характер взаимоотношений эти договорные формы изменить не в состоянии. И нужно вполне осознать и открыто признать, что совместное параллельное существование нашего пролетарского советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно. Буржуазия с энергией, удесятенной фактом ее свержения хотя бы в одной нашей стране, в предчувствии надвигающейся на нее гибели, не может успокоиться, пока не уничтожит очага, являющегося рассадником и источником опасности ее всемирному могуществу. При первом удобном случае волны буржуазно-капиталистического моря, окружающие наш пролетарский остров, вновь ринутся на него, стремясь смыть все завоевания пролетарской революции. И в то же время пламя революционного пожара все чаще и ярче вспыхивает с разных стран буржуазного мира, и грозный топот готовящихся к штурму его пролетарских колонн говорит о таких попытках и с другой стороны. Это противоречие может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может.

Отсюда получается следующий вывод: сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца и, в первую очередь, каждого члена руководящей государственной жизнью коммунистической рабочей партии должно быть пропитано той мыслью, что каша страна по-прежнему находится в положении осаждаемой крепости и будет в нем находиться, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены по-прежнему на создание и укрепление нашей военной мощи; что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим, классовым врагом должна подготавливать ту психологическую среду всенародного внимания, заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой только и может идти успешно дело строительства наших вооруженных сил.

Этот момент всенародного сознания неизбежности и важности военных задач» лежащих перед государством, является первым к самым важным элементом в будущей единой военной доктрине рабоче-крестьянской Красной армии.

Здесь следует отметить еще одну особенность, отличающую доктрину армии рабочего государства: так как буржуазии всех стран приходится навязывать трудящимся массам, по существу чуждые им военные цели, то это достигается при помощи всевозможных ухищрений, строящихся либо на возбуждении низких инстинктов толпы (жажда мести, самый дикий национальный шовинизм и пр.), либо на массовом обмане. Стоит лишь вспомнить, напр., историю с «ключами от святых мест», «византийское наследство» (Россия), «идею реванша» (Франция) и проч.

Для рабочего государства, каковым является советская Россия, никакой необходимости в этих средствах обмана нет. Классовая заинтересованность трудящихся в победе революции и идея их международной солидарности, как средство обеспечения победы, являются вполне достаточными для создания крепчайшей связи для целей общей борьбы.

Имеются ли налицо данные для того, чтобы этот элемент стал живою составной частью мировоззрения широких трудящихся масс России? Несомненно, да. Запасов духовной энергии у борющегося за свое освобождение рабочего класса вполне достаточно, необходимо лишь, чтобы затрата их производилась в соответствующем направлении и с достаточной планомерностью и систематичностью. Средством для достижения этого должна быть организованная в государственном масштабе военная пропаганда.

Органом, разрабатывающим все связанные с этим вопросы, должен стать Пур, а проводником их в жизнь — все органы народного образования, под общим руководством Главполитпросвета. Только такая постановка работы может создать такую же, благоприятствующую укреплению военной мощи республики, среду, какая имелаась в Германии. Роль германской школы в этом деле достаточно хорошо известна. Стоит лишь вспомнить ставшую знаменитой фразу о том, что «честь победы под Садовой и Седаном принадлежит армянскому школьному учителю»; надо, чтобы честь победы мировой революции, совершающейся на наших глазах, тоже досталась нашему школьному и внешкольному учителю и пропагандисту.

Что касается конкретного общественно-политического содержания этой части будущей нашей доктрины, то оно целиком дано нам в готовом виде в идеологии рабочего класса — в программе Российской Коммунистической Рабочей Партии. Прежняя формула царской армии православие, самодержавие и народность» уступила свое место идеям революционного коммунизма, Советской власти, как специфической формы пролетарской диктатуры, международного братства и солидарности трудящихся. Трехгодичная деятельность политических отделов и коммунистических ячеек Красной армии принесла уже достаточно осязательные результаты в смысле политического воспитания в новом духе широких красноармейских масс и, продолжаясь дальше в этом же направлении, должна нам подготовить единую, крепко спаянную сверху донизу единством политической идеологии вооруженную силу.

Основной задачей текущего дня в этом отношении, наряду с углублением и расширением политической работы на низах стоит работа по приобщению к общей красноармейской массе нашего командного состава. Государство должно всем весом своего влияния в кратчайший срок покончить с теми остатками политической разьединенности, которые до сих пор наблюдаются в Красной армии. Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть отсюда изъяты. Это отнюдь не означает необходимости для всего командного состава Красной армии стать членами коммунистической партии. Но это значит — добиться такого дополнения, чтобы командный состав стал фактически советским, чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой, чувствовалась полная спайка и взаимное понимание, только при этом условии нам фактически удастся ликвидировать институт военных комиссаров, как излишний придаток, и перейти к системе единоначалия.

VI

На вопрос о характере военных задач, могущих встать перед нами, т. е. должны ли они быть строго оборонительного характера, ила Красная армия республики должна быть готова в случае нужды к переходу в наступление, — из всех предшествующих соображений вытекает совершенно определенный ответ.

Общая политика рабочего класса, класса активно по преимуществу, класса, стремящегося к завоеванию всего буржуазного мира, не может не быть активной в самой высокой степени. Правда, если считаться с материальными ресурсами только своей страны, то пределы этой активности становятся довольно узкими и определяются для настоящего времени тем уровнем экономического развития и общего нашего положения, на котором мы стоим сейчас. Возможно поэтому, что определенный промежуток времени активно революционная энергия рабочего класса не будет направлена на достижение целей внешнего порядка. Но этот факт не меняет существа дела. К политике в полной мере применим тот принцип высшей стратегии, который говорит: «победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать: сторона только обороняющаяся неизбежно обречена на поражение». Самым ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Таким образом в этом пункте мы имеем полное совпадение требований военного искусства и общей политики. В отношении же материального обеспечения возможности проведения этой наступательной линии следует учитывать то обстоятельство, что базой нашего наступления может быть не одна Россия, а целый ряд и других стран. Все зависит от степени созревания революционного процесса внутри этих стран и

способности их рабочего класса выступить на открытую борьбу со своим классовым противником.

Классовый характер предстоящих столкновений, обеспечивающий содействие нам в интересах общего дела всех пролетарских элементов; в значительной мере уничтожает отрицательное значение приведенного выше указания на тяжелое экономическое положение нашей страны. Стало быть, пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе, как главное его оружие, будет наступать и Красная армия.

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач Революции путем энергичных, решительно и смело проводимых, наступательных операций.

Если мы обратимся к имеющемуся уже в Красной армии боевому опыту, то увидим, что по существу она уже давно действует именно в этом духе. Почти все значительные операции времен гражданской войны носят следы проявления духа активности и инициативы с нашей стороны. Можно сказать даже, что, порой, эта активность у нас переливалась через край, гранича с неумением учесть данные конкретной обстановки настоящего дня и не подвергнуться опасности чрезмерного риска.

Все это совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой пролетариатом, иного настроения, кроме активного, и быть не могло.

Указанный выше активный характер грядущих военных столкновений предъявляет целый ряд практических требований нашему Генеральному штабу. Необходимо поставить работу высших штабов так, чтобы Красная армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и в любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка старого света.

Между прочим, подготовка нашего командного состава должна включать в себя знания не только чисто военных, но и экономических и политических условий возможных театров военных действий. Здесь перед военным аппаратом вообще раскрывается необъятная по своим размерам и значению перспектива подготовительной работы.

Анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений, мы заранее можем предвидеть, что в техническом отношении мы несомненно будем слабее наших противников. Обстоятельство это имеет для нас чрезвычайно серьезное значение, и мы, помимо напряжения всех сил и средств для достижения технического совершенства, должны искать пути, могущие хотя бы до известной степени уравновесить эту невыгодную для нас сторону.

Некоторые средства для этого имеются. Первым и важнейшим из них является подготовка и воспитание нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба.

Размеры наших территорий, возможность отступить на значительное расстояние, не лишаясь способности к продолжению борьбы и пр. представляют благоприятную почву для применения маневров стратегического характера, т. е. вне поля боя. Наш командный состав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования, а вся масса Красной армии должна обучаться искусству быстро и планомерно производить марш-маневры. Опыт минувшей империалистической войны в ее первоначальной стадии, а равно весь опыт нашей гражданской войны, носившей по преимуществу маневренный характер, даст в этом отношении богатейший материал для изучения.

В связи с этим в общей экономии наших военных средств инженерная оборона и нападение, игравшие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии должны отойти на задний план. Вспомогательная роль, которая должна быть отведена этому роду оружия, сводится к тому, чтобы служить вспомогательным средством для операций полевого характера. Пользование местностью, широкое применение ее искусственного укрепления, создание искусственных временных рубежей, обеспечивающих выполнение общего марш-маневра, — вот область приложения сил и средств этого порядка.

В частности роль и значение крепостей в условиях будущих наших операций будут совершенно ничтожны. За счет крепостей гораздо целесообразнее будет усилить полевые войска. Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если госу-

дарство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником.

Опять-таки опыт нашей гражданской войны в этом отношении дает нам богатейший материал. Действия партизанов в Сибири, борьба в казачьих областях, «басмачество» в Туркестане, «махновщина» и вообще бандитизм на Украине пр. представляют необъятное поле для изучения и получения соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи «малой войны» повторяю, является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего Генерального Штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас.

В связи с тем же маневренным характером наших будущих операций стоит вопрос о пересмотре под этим углом зрения роли и значения в современном бою кавалерии. Позиционный характер минувшей империалистической войны в умах у многих создал представление о том, что конница, как самостоятельная активная сила, особой роли играть уже не может и должна отойти на второстепенное место.

Правда, опыт гражданской войны вновь дал блестящие образцы самостоятельных действий конницы, как с кашей стороны, так и со стороны нашего противника, и вернул ей былое значение; но известно, что опыт только гражданской войны не всеми считается достаточно убедительным, а поэтому вопрос еще далеко не может считаться ясным для всех.

По нашему глубокому убеждению, в будущих операциях Красной коннице будет принадлежать чрезвычайно важная роль, а посему забота об ее подготовке и развитии должна являться одной из первейших наших обязанностей.

В целях еще наилучшей подготовки ее к выполнению боевых задач должно быть обращено особое внимание на изучение колоссального опыта гражданской войны и выработку на основе этого изучения специальных наставлений для старших кавалерийских начальников.

VIII

В организационном отношении основной наших вооруженных сил для ближайшего периода может быть только постоянная Красная армия. Это вытекает из всего, что говорилось об общем характере наших боевых задач. Вопрос этот в настоящее время может считаться окончательно решенным в связи с соответствующим постановлением X-го съезда Российской Коммунистической Партии и последующими правительственными декретами. Переход к милиционной системе на основе Всеобщего допустим лишь в той мере, в какой он позволяет достигнуть определенных сбережений в расходовании государственных средств, не подрывая способности Красной армии к разрешению активных целей.

Что касается внутреннего быта Красной армии, то он должен строиться в направлении максимального приближения к идеалам коммунистического общества. Конечно, при данном уровне развития производительных сил, пропаганда полного поравнения командного состава с рядовой массой неосуществима и может вестись лишь теми, кто заинтересован в уничтожении крепости и мощи Красной армии. Это ясно огромному большинству красноармейцев; но все же внутренний строй и распорядок армии рабоче-крестьянского советского государства должен быть свободен от всяких привилегий, не вызывающихся потребностями службы и не вытекающих из ее характера. Только на этой почве мыслимо создание той товарищеской спайки и взаимного понимания армейских верхов и низов, которое является главнейшим залогом физической и духовной мощи Красной армии.

При строевом обучении элемент муштры в Красной армии должен отойти на задний план; при этом самое понятие «муштры» совершенно должно быть изменено. О муштровке в старом смысле этого слова, т. е. в смысле

чисто механического, с присоединением суровых мер, воздействия обучения элементам строя не может быть и речи.

Нам не к чему стремиться к достижению такой выучки строевиков, которая являлась идеалом для всякого рода любителей парадов и показательной стороны. Достаточно добиться известной стройности, быстроты и правильности при выполнении определенных построений. Механичность при этом вовсе не требуется; необходимо все строить на достижении этих эффектов путем максимального развития личной инициативы и самостоятельности каждого красноармейца. В этом отношении характерные особенности нашего государства и нашей армии открывают самые широкие перспективы. А мы имеем полную возможность строить единство армия не путем палочной дисциплины, а путем максимального умственного развития красноармейцев. В то время, как в сякое буржуазное государство должно опасаться приобщения к знаниям и развития духовной деятельности рабов капитала, для нас это самое развитие является вернейшим залогом победных достижений. Применительно к этому требованию должен быть приспособлен весь аппарат нашего обучения одиночного бойца.

Поддержание служебной дисциплины в рядах армии является обязательным и необходимейшим условием ее мощи, и в этом отношении требования Советского государства самые решительные. Но опять-таки между современным пониманием дисциплины и тем, что имело место в царской армии, лежит целая пропасть. Дисциплина в Красной армии должна базироваться не на страхе наказания и голом принуждении, а на добровольном сознательном исполнении каждым своего служебного долга, и первый пример такой дисциплины должен дать командный состав. Чем должна поддерживаться дисциплина? Во-первых, сознательностью передовой части красноармейской массы, ее коммунистических ячеек, ее политруков и всего командного состава, их выдержкой, преданностью революции, героизмом и самопожертвованием. Во-вторых, умением командного состава связаться, сблизиться, до известной степени слиться с широкой красноармейской массой. В-третьих, правильностью его политического и технического руководства, укреплением веры красноармейской массы в полное соответствие начальников своему назначению. Вне этих условий поддержание дисциплины в армии революционной, каковой является наша Красная армия, дело безнадежное. Конечно, абсолютно без всяких элементов принуждения обойтись нельзя, но применению их должны быть положены самые узкие пределы. Только тот может быть признан настоящим красным командиром, кто без всяких принудительных мер добьется полного подчинения своей воле.

Таковые, в общих чертах, должны быть основные элементы той военной доктрины, на основе которой должно происходить развитие и укрепление военной мощи советской федерации. Для выполнения своего назначения идеи доктрины должны проникнуть, пропитать собой все наши военные уставы, наставления и пр., должны стать органической частью мировоззрения красноармейской массы и особенно ее командной части. Мне кажется вполне целесообразным основные практические положения, вытекающие из существа доктрины, изложить особо в отдельном уставе, который являлся бы основным катехизисом Красной армии. В этом отношении идея «Основного воинского устава» Д. Парского заслуживает самого серьезного внимания.

Вот примерный круг общих идей, которые, мне кажется, должны стать близкими всем, занимающимся разработкой вопросов военной теории в ее общей части. Несомненно, изложенное является лишь попыткой поставить вопрос и вызвать к нему соответствующее внимание. Что же касается его разрешения, то это может явиться лишь результатом длительной и упорной работы военно-теоретической мысли на основе коллективного опыта.

Остается выразить самое горячее пожелание, чтобы разработка вопроса о доктрине Красной армии заняла и в нашей литературе; и в нашей практической деятельности такое место, которое по праву должно ей принадлежать в силу особого ее значения для дела строительства вооруженных сил республики.

О тактике авиации

М.Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

(Статья перепечатана в оригинальном варианте из журнала «Военная наука и революция». Июль—август 1921 г.)

ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич родился в 1893 году. По окончании Александровского военного училища (1914) вступил в престижный Семеновский гвардейский полк и дослужился до звания поручика. Во время Первой мировой войны оказался в немецком плену, бежал, вернулся в Россию. После революции вступил в Красную Армию (1918). В годы Гражданской войны командовал рядом армий в боях на Поволжье, Юге, Урале, в Сибири, войсками Кавказского и Западного фронтов. В 1925 — 1928 гг. — начальник штаба РККА. С 1931 года — заместитель наркома по военным и морским делам и председатель РВС СССР. С 1934 года — заместитель, с 1936 года — первый заместитель наркома обороны СССР. Перу М.Н. Тухачевского принадлежит более 120 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства, тактики, воспитания и обучения войск. Тухачевский разработывал теорию глубокого боя, теорию непрерывных операций на одном стратегическом направлении. Уже в 1931 году он говорит о действиях механизированных соединений. Неоднократно публиковался на страницах журналов «Военная мысль и революция», «Война и революция». Награжден орденом Красного Знамени, почетным революционным оружием. Репрессирован, казнен в июне 1937 года. Посмертно реабилитирован (1957).

КАК НЕЛЬЗЯ более своевременно изучение тактических свойств авиации и условий боевого ее использования.

Необходимо отметить, что вопрос этот мало затрагивается, а главное при его решении мало думают о будущем, а между тем думать об этом необходимо, так как авиационное дело стремительно растет и грозит внести массу новых элементов в способ ведения войны, операции и боя.

В настоящее время авиация уже настолько сильна, настолько самостоятельна, что должна исследоваться как особый род войск.

Свойства авиации. Авиация, как род войск, может служить следующим целям: разведке, атаке и преследованию.

Авиация сильна только в воздухе. В воздухе она не может стоять на месте, а потому может служить только активным целям. Как род войск, авиация может только атаковать и не может обороняться.

Авиация вооружена пулеметами и бомбами.

Двигаясь с большой скоростью, представляя из себя самую незначительную цель, самолеты очень малоуязвимы для огня с земли.

Наоборот, части, действующие на земле, ничем не могут укрыться сверху от огня воздушных эскадрилий, а потому земные цели, кроме материальных потерь, несут и еще большие моральные потрясения.

Итак, основные свойства авиации: быстрота, способность только атаковать и неспособность обороняться, сильное моральное воздействие на войска, действующие на поверхности земли.

Огонь. Надо заметить, что огонь авиации мало действителен (пока что) в смысле процента пораженных фигур. Зато от этого огня войска, действующие на земле, не имеют возможности укрыться, а это делает огонь авиации колоссальной мощностью в смысле деморализации противника. В этом отношении его эффект можно сравнить только с тяжелой артиллерией.

Использование авиации. Тактические свойства авиации определяют способы ее использования.

Малая уязвимость, быстрота полета и легкость наблюдения делают авиацию незаменимым средством разведки.

Стремительность, удобство поражения противника сверху и сильное моральное воздействие, оказываемые на войска противника, привлекают авиацию на поле боя как наступательный мощный род войск, наравне с пехотой и кавалерией.

Быстрота полета без всяких дорог и по любому направлению, способность поражать противника сверху и деморализовать его, делают авиацию главным средством преследования отступающего или разбитого противника. В этом отношении кавалерия почти всецело уступает свое место авиации.

Наконец колоссальные успехи авиационной техники в ближайшее время позволят осуществить переброску пехоты на поле боя на самолетах.

Кубическая тактика. Итак, мы видим, что выход на боевую сцену авиации дает совершенно новые перспективы боя. Тактика постепенно развивается. Из линейной она превратилась в глубокую, а теперь от глубокой мы переходим к тактике в трех измерениях.

Если предполагать, что во все времена земля останется основой, на которой будут разыгрываться главные действия, то тогда, конечно, кубическая тактика будет представляться сомнительной. Но это тяготение мысли к земле не слишком правильно. Авиация уже доказала свое значение, а ее нарастающее развитие дает все более и более чувствовать, что в воздух переносится значительная часть боевых решений, совершавшихся до сих пор на земле.

Это надо учитывать, учитывать и предугадывать те формы тактики, которые неминуемо должны будут народиться и готовиться к такому новому бою. К этому вопросу не следует относиться как к фантазерству или «кубизму». Такое отношение неминуемо послужит причиной многочисленных неудач и катастроф.

Боевые и походные порядки. Боевые и походные порядки авиации, по крайней мере в нашей военной литературе, не исследованы и не выработаны.

Лишь только из самой боевой практики можно вывести правильные данные относительно этих форм построения, но тем не менее, с точки зрения тактики, можно сделать теоретически кое-какие выводы и предпосылки.

При этих выводах необходимо различать боевые порядки специально авиации и авиации совместно с войсками, действующими на земле. Последний вопрос более сложен.

Походные порядки авиации должны позволять легко развертываться в боевой порядок, встречать минимальное сопротивление воздуха, производить наименьшее его сотрясение и позволять старшему начальнику сохранять непрерывное управление авиасилами во время полета в своих руках.

Специально авиационные боевые порядки должны удовлетворять следующим условиям:

- 1) возможности всем самолетам использовать свой пулеметный и бомбометательный огонь,
- 2) возможности использовать в атаке силы всех самолетов одновременно,
- 3) безопасности от неожиданных воздушных атак противника, для чего должны выделяться особые охраняющие истребительные части,
- 4) затруднительности пристрелки по самолетам для артиллерии с земли,
- 5) возможности перемены направления,
- 6) легкости управления.

Вообще говоря, одновременное использование авиасил для атаки облегчается вместе с увеличением объекта атаки. Зато она затрудняется вместе с уменьшением его, что влечет за собою, в конце концов, эшелонированное, последовательное использование эскадрилий. Конечно, эти соображения вовсе не означают желательности разброски авиасил и назначения им обширных целей для атаки.

Пункт третий настоящих соображений указывает, что боевые авиапорядки не могут быть плоскими. Они должны иметь маневренную гибкость, для чего необходимо некоторое распространение сил и вверх и в глубину. При комбинации боевых порядков земных и воздушных, необходимо учитывать авиацию не только как род войск, но и как полевое транспортное средство. Если только в ближайшее время эта последняя задача будет разрешена, то она резко повлияет как на использование резервов, так и на их расположение. В частности сильно возрастет значение обхода с флангов и сверху.

Управление и связь. Управление и связь авиации в воздухе чрезвычайно затруднены.

Средствами связи могут служить: радиотелеграф, радиотелефон и сигнализация. Все эти средства не могут при нынешнем состоянии техники вполне удовлетворить всем требованиям управления. Поэтому отдельные аэропланы очень часто будут следовать заранее данным указаниям и инструкциям, а маневрирование будет совершаться далеко не так гладко.

Технике необходимо приналечь на этот вопрос и во что бы то ни стало его вырешить. Иначе боевые результаты массовых эскадрилий будут невелики.

Не меньшие трудности встречаются и в деле связи начальников земных с воздушными. А связь эта необходима для полного координирования действий воздушных и земных сил.

Бой. Бой самолета заключается в его пулеметном огне и бомбометании. Учитывая малую вероятность поражения из самолетного пулемета, мы увидим, что только на близких дистанциях, стрельбой в упор самолет может нанести поражение противнику. Это положение требует от самолета обязательного налета на объект атаки, так как иначе поражения нанести нельзя. В смысле бомбометания это положение остается еще более верным, так как надо не только поравняться с атакуемым предметом, но и подняться выше его. Словом, авиация, как род войск, имеет смысл только в атаке и обороны в воздухе осуществить не может, и задачей боя для авиации является сближение с атакуемым противником.

Поэтому необходимо совершенно изъять из жизни то, что мы наблюдаем сейчас, т. е. если самолет видит для себя опасность, то он поднимается выше облака ходячего. Подобных привилегий для авиации быть не может. Точно так же, как и пехота, авиация должна своим духом преодолеть опасный, обстреливаемый путь до предмета атаки и должна нанести противнику тот свой «штыковой удар» который ей присущ. В этом духе авиация должна воспитываться и летчики должны научиться умирать не только при подъемах и спусках, но и в воздухе от снарядов противника. Словом, авиация должна уверовать, что она является одним из решающих в бою родов войск и ничуть не должна ограничиваться вспомогательными задачами.

Она особенно должна сознавать то моральное потрясение, которое она производит на войска противника.

В этом отношении авиация неизмеримо превосходит кавалерию.

Если авиация, снижаясь, атакует пехоту с высоты лишь нескольких десятков метров, то пехота, кроме страхов обстрела сверху, должна еще перенести страх, что вот-вот самолет наедет на нее, а эти переживания очень гнетущи.

Авиасилы могут вести бой или с авиасилами противника, или с его войсками, действующим на земле, или с теми и другими одновременно.

Отвлеченно, казалось бы, что последовательность комбинированного боя авиации и сухопутных войск должна быть следующая. Прежде всего будет иметь место сражение авиасил, как обладающих наибольшей скоростью. Победа той или иной стороны в воздухе в значительной степени предначертит исход общего сражения. Это будет бой истребителей. После этого начнется комбинированная атака ослабленного противника сверху и по земле. В этом бою примут участие и истребители, и бомбометатели.

Искусство авиации действовать согласованно с пехотой в бою имеет совершенно исключительно важное значение. В этом надобно упражнять войска практически в поле.

Необходимо добиться, чтобы летчики твердо держали в глазах характер боевых порядков частей и умели бы различать с воздуха величину части, а также направление ее наступления. Это направление в общем всегда можно будет учесть, если хорошо наметать себе глаз на боевых порядках пехоты.

Для этой цели необходимо составление самых подробных альбомов боевых порядков, сфотографированных с воздуха.

Если летчик будет хорошо разбираться в направлении движений боевых порядков, то он и не спутает никогда пехоты своей с пехотой противника.

При оборонительном бое задача авиации останется все-таки активной. Она будет заключаться в атаке маневрирующих, обходящих или прорывающих войск противника. В таком бою эта задача ляжет почти исключительно на авиацию, так как, во-первых, только авиасилы сумеют вовремя обнаружить маневр противника, а во-вторых, только они сумеют атаковать эти маневрирующие части

противника еще до выхода последних в район непосредственного столкновения двух сторон.

При атаке задача авиации будет заключаться:

- 1) в атаке совместно с пехотой окопов противника и
- 2) в атаке резервов старших начальников противника.

Столкновение авиамаасс друг с другом в воздухе требует от них:

1) абсолютной неустрашимости и непреклонной воли к атаке. Это свойство авиации неизмеримо резче, чем в кавалерии;

2) большого искусства маневрирования, построений, перестроений и проч.;

3) атаки боевого воздушного порядка противника с такой стороны, чтобы аппараты противника не могли полностью использовать своего огня,

Наконец, сухопутные войска во время ведения воздушного боя должны безусловно принять в нем участие артиллерией. Поэтому воздушный бой выгоднее давать над расположением своих войск или же искать его подальше в тылу противника, вне сферы его артиллерийского огня.

Вообще по мере развития авиации, по мере совершенствования форм воздушного боя, комбинирование сухопутного и воздушного боя будет непрерывно расти.

Организация самого боя и распределение сил авиации по участкам более всего зависит от сложившейся обстановки. Благодаря тому, что наша авиация до сего времени мало принимала участие в крупных боевых действиях, она мало подготовлена к решению этих задач. Поэтому необходимо самое усиленное тренирование нашей авиации на практическом решении задач по распределению авиасил в бою и по организации самого боя.

Значение авиации в операциях по переправе через реки исключительно важно. Атакой больших авиационных масс берега противника можно легко воспрепятствовать борьбе последнего с форсирующими реку войсками. Эта атака должна вестись большими массами авиаций на самых небольших высотах. При этом требуется большая согласованность действий авиации и артиллерии.

Кроме действий авиации непосредственно в районе совершения переправы ей необходимо еще вовремя обнаружить подтягивание противником его резервов к месту переправы, а также атаковать их и рассеять.

Само собой разумеется, для стороны обороняющегося значение авиации не меньше, чем для форсирующего реку.

Авиация обороняющегося должна вовремя заметить переправу атаковать и разбить авиасилы форсирующего и тем сделать почти невыполнимым дело переправы. Под огнем авиасил такая переправа вряд ли удастся.

Преследование. После выигранного боя авиапреследование может иметь две задачи: во-первых, преследование авиасил и, во-вторых, преследование сухопутных сил.

Преследуя авиасилы, надо стремиться сбить их еще на полете или же заставить спуститься вне аэродрома на лес, кустарники, болота и проч., особенно же на нашей стороне.

Преследуя сухопутные войска, необходимо найти пункты свертывания разбитых колонн противника. К этому месту авиасилы должны прилипнуть и добиться полного рассеяния дрогнувших и отступающих масс противника. Авиасилы должны продолжать это преследование вдоль всех пригодных для отступления дорог и не позволять собираться рассеянным колоннам. Если авиация выполнит эту задачу, то наступающие пехота и кавалерия подберут в плен без исключения все войска противника, не могущего отступить в должном порядке.

Выход из боя. Выход из боя, после его проигрыша, для воздушных сил сопряжен с большими затруднениями.

Прежде всего победитель будет смело наседать и принуждать снижаться,

Наконец, еще более будет затруднен спуск на свои аэродромы. Противник преследующий безусловно будет иметь возможность; перемешать карты побитого и не дать ему возможности спуститься так где это будет выгодно для побежденного.

Наши ошибки в использовании авиации. Все изложенные выше тактические положения являются по большей части выводами из тех ошибок в использовании авиации в нашей только что закончившейся гражданской войне, которые мне непрерывно приходилось наблюдать.

Боевое значение авиации в условиях этой войны могло быть очень велико. Однако, как общее правило, на нее у нас смотрели, как на род войск вспомога-

ный, в лучшем случае как на разведывательную силу, а то и как на средство связи.

На Западном фронте делались настойчивые попытки к массовому использованию авиации с решительными боевыми целями. Такие попытки удавались, если авиация действовала самостоятельно. Так, например, эскадрилия Корфа блестяще решила задачу, выиграв совершенно самостоятельно целую операцию на подступах к Минску во время нашего отступления в первых числах октября 1920 года.

Зато каждый раз, когда требовались комбинированные, совместные действия сухопутных и воздушных сил, дело не клеилось и решительных результатов не получалось.

Основная вина в этом деле, ложится на пехотных, начальников, у которых не было определенного взгляда на использование авиационных масс и которые очень часто задачи боевые заменяли самыми ненужными вспомогательными. Особенно бросалось в глаза то, что несмотря на сравнительно небольшое число имевшихся у нас авиасил, им все-таки ставилось неизмеримое число задач и поручений. Конечно, при таком понимании значения авиации нечего и рассчитывать на серьезный воздушный успех.

В свою очередь и авиация наша далеко не стоит на высоте.

Самолеты ее в качественном отношении не высоки.

Строевая подготовка авиасил, отчасти вследствие низкого качества самолетов, а отчасти и вследствие недостаточной в этом отношении подготовки летчиков, также не высока. Например, чрезвычайно трудно у нас добиться одновременного массового подъема самолетов. Обыкновенно из целой эскадрилии поднимется более или менее одновременно два, три самолета, а остальные все еще вертят свои пропеллеры. Бывает, что массовые полеты так-таки вовсе и не удаются. Соблюдение же известных порядков в воздухе и вовсе незаметно.

Наконец, в наших летчиках очень сильно чувствуется слабая тактическая авиационная подготовка. Да иначе, при условии, что у нас еще не существует тактики авиации, и быть не может.

Вопросом изучения этой тактики надо заняться всюю и надо, наконец, воспитать нашу армию на правильных началах понимания и использования авиации.

Классовое значение авиации. В гражданской войне авиация, как род войск, имеет значение не только по своим чисто боевым свойствам, но также и по признакам классового своего состава.

Требую для пополнения своего состава работников и офицеров высшей квалификации, авиация тем самым дает широкий доступ в свою среду представителям мелкой буржуазии. Можно смело сказать, что в капиталистической стране авиация будет обыкновенно наиболее контрреволюционным родом войск в случае социалистической революции.

Эти же самые данные позволят буржуазии обеспечивать свое классовое господство в воздухе дольше, чем где-либо.

Авиация и промышленность. Эта легкость обеспечения классового господства в воздушных войсках и то исключительно важное значение, которое они приобретают в современном сражении, делают вполне понятным, как неприятен может быть нам авиационный вопрос в нашем будущем столкновении с мировым капиталом.

Наша слабая и сверх того разрушенная промышленность, конечно, никогда не сравняется с западно-европейской в деле постройки воздушного флота. В воздухе мы всегда будем слабее численно.

Будучи же слабее численно, мы должны брать качественно, особенно в тактическом отношении.

Маскировка. Уступая в силе авиации западно-европейским государствам, мы должны будем использовать ее по принципу частной победы.

Следовательно, сосредоточивая на главных участках главные массы авиации, мы невольно будем на других участках как бы демонстрировать в воздухе. Превосходство в этих районах авиации противника будет приводить к тому, что нашим сухопутным войскам придется усиленно применяться к местности. Поэтому ясно, что вопросы маскировки должны у нас тщательно изучаться и практиковаться. Наши тылы должны принимать ту же неуловимую форму, что имеют и боевые наши порядки в поле.

Заключение. На этом я и закончу свои заметки. Само собою разумеется, затронутые мною тактические вопросы страдают неполным освещением и лишь

бегло набросаны. Над тактикой авиации надо еще поработать и посвятить ей не мало трудов и времени, которого сейчас у меня, к сожалению, нет.

Наша сравнительная авиационная слабость заставляет нас быть чрезвычайно сильными и смелыми в области авиационной тактики. Мы должны полюбить это дело и должны предупредить наших врагов в искусстве боевого использования авиации. Этот род войск требует наибольшей смелости и потому в революционных войнах он должен найти себе подобающее место.

Надо надеяться, что наши летчики сумеют создать науку побеждать в воздухе.

К пятилетней годовщине ликвидации Врангеля*

*(Статья перепечатана в оригинальном варианте
из журнала «Война и революция» № 7—8 1925 г.)*

В.К. ТРИАНДАФИЛЛОВ

ТРИАНДАФИЛЛОВ Владимир Кириакович родился 14 марта 1894 в селе Магарацжик бывшей Карской области (ныне Турция). По окончании школы прапорщиков (1915) был направлен на Юго-Западный фронт, где и участвовал в боях. К началу революционных событий 1917 года Триандафиллов в чине штабс-капитана командовал батальоном 6-го Финляндского стрелкового полка.

После революции солдатами был избран сначала командиром полка, а затем командующим 7-й армией. Триандафиллов принимал участие в боях на Уральском фронте против Дутова и на Южном и Юго-Западном фронтах против Деникина и Врангеля.

После блестящего окончания Военной академии РККА (1923) участвовал в знаменитых боях под Перекопом. Был выдвинут М. В. Фрунзе на работу в Штаб РККА, где в 1924 году получил назначение на должность начальника Первого (то есть оперативного) отдела, а затем и начальника Оперативного управления Штаба РККА. С 1928 года — заместитель начальника

Штаба РККА. Вместе с М.В. Фрунзе стоял у истоков журналов «Военная наука и революция», «Военная мысль и революция», «Война и революция». За боевые заслуги в Гражданской войне Триандафиллов был награжден орденом Красного Знамени.

12 июля 1931 года В.К. Триандафиллов трагически погиб при исполнении служебных обязанностей во время аварии самолета.

I

ПЯТЬ лет тому назад, в холодные осенние дни конца октября и начала ноября 1920 года, Красная армия в тяжелых условиях нанесла последнему организованному пр-ку советской власти сокрушительный удар и тем создала необходимые условия для мирного строительства. Необходимость возможно скорее покончить с Врангелем особенно всплыла после нашего отката назад от Варшавы. Еще летом 1920 г. перед главнокомандованием стоял остро вопрос: против кого направить очередной удар Красной армии — против панской Польши, широко вторгнувшейся в пределы Украины и Белоруссии, или против Врангеля, который, приведя в порядок остатки деникинской армии, в первых числах июня перешел к активным действиям и пределах северной Таврии. Тог-

* Статья представляет обработанную стенограмму доклада, состоявшегося в ноябре на траурном заседании центрального Совета ВНО, ОБНО 1 дома РВС и ОБНО Военной академии, посвященном памяти М.В. Фрунзе.

да по целому ряду причин было решено главные усилия вооруженных сил Союза в первую очередь направить против Польши, но в то же время совершенно четко учитывалось, что не только по военным, но и по политическим соображениям мы не можем позволить Врангелю распространяться на юге Украины, подходить к Донбассу, организовывать заново тот фронт, который героическими усилиями был нами сломлен осенью 1910 и весной 1920 года. Несмотря на то, что лозунгами дня за все лето 1920 года оставались вопросы организации борьбы против белополяков, главнокомандование вынуждено было целый ряд крупных пополнений и резервов в виде целых дивизий и бригад в продолжение лета направить на юг против Врангеля. Юго-западный фронт, который тогда управлял боевыми действиями как против Врангеля, так и теми нашими армиями, которые дрались против Польши на участке южнее Полесья, фактически целое лето центр своего внимания и своих усилий обратил на врангелевский фронт. Стоит просмотреть переговоры по прямому проводу командующего фронтом с главнокомандующим за июнь–август 1920 г. и станет ясным, как боевые действия на врангелевском фронте давили на сознание и командующего фронтом, и главнокомандующего, насколько они выпирали на первый план и как болезненно, в ущерб главной операции, которая велась против белополяков, реагировало на эти действия не только командование фронтом, но даже и главнокомандующий.

Целый ряд дивизий и среди них такие крепкие и полные как 51, 30 див. и ударно-огневая бригада, шедшие в разное время на польский фронт, с дороги были свернуты на юг. Целые эшелоны пополнения как людьми, так и лошадьми (отдельные маршевые батальоны к эскадроны), со всех концов Республики, в том числе к с Волги, направлялись на крымский фронт с тем, чтобы не дать Врангелю распространяться на юге Украины. Не останавливались даже перед тем, чтобы для врангелевского фронта снимать с занятий командные курсы, сводить их в бригады и дивизии и держать долгими месяцами в боевой линии. Больше того, в дни, когда назревало крупное сражение на Висле, не раз командующий фронтом поднимал вопрос, а главнокомандующий с ним соглашался, о том, что обстановка на врангелевском фронте требует переброски туда целого ряда стрелковых и кавалерийских дивизий с польского фронта. Намечались для этого две стр. див. 12-й армии вместе с 8 и 6 кавдивизиями.

Надо отдать должное энергии Врангеля, который очень четко разбирался в обстановке, в нашем положении и очень умело в продолжение всего лета умел расстраивать все наши планы по сосредоточению против него крупного кулака для решительного удара. Действуя по внутренним операционным линиям, он всеми силами наваливался на тот участок фронта, где шло сосредоточение наших резервов, втягивал их в бой и разбивал по частям. Таким образом, ему удалось довольно глубоко выдвинуться от крымских перешейков на север. К концу августа – началу сентября фронт имел форму дуги с концами у Херсона и Бердянска и центром у Александровска. Такое удлинение фронта требовало живой силы, и Врангель старался эту новую силу набрать путем широкой вербовки добровольцев, насильственных мобилизаций и даже направлением в строй пленных красноармейцев. Несмотря на то, что летом 1920 г. главным источником пополнения являлись мобилизации и использование для этой цели и пленных красноармейцев, все же ядро врангелевской армии продолжало оставаться крепким. У Врангеля были даже излишки командного состава. До последних дней в дивизиях врангелевской армии сохранились офицерские роты и батальоны. Технические средства обслуживались целиком офицерами. Последние исполняли и обязанности рядовых. Простые смертные допускались в этих частях только для роли денщиков и повозочных. Даже начавшиеся мирные переговоры наши с Польшей не особенно смугили Врангеля; Он не собирался, складывать оружия, он был полон инициативы. Он знал, что мир с Польшей означает наше усиление против него, поэтому он особенно усиленно стремился к тому, чтобы до подхода сил с польского фронта добиться еще ряда успехов на юге. С этой целью он в сентябре месяце продолжал пробиваться на север к Александровску и далее на Синельшково. Впоследствии в первой половине октября он задумал широкую операцию против наших правобережных армий (4-й и II конной). 8–10 октября частями 1-й и 3-й арм. и конного корпуса он ожесточенно атакует части II конной армии у Ушкалки и у Бабино, а 14 октября всеми частями II корпуса при поддержке огня тяжелой артиллерии и

около десятка танков он атакует Каховский плацдарм. Но эти бои были фактически его лебединой песнью. На них он надорвался, на этот, раз он потерпел крупную неудачу и должен был временно отказаться от активных действий.

Инициатива перешла в наши руки.

II

Необходимость возможно быстрой ликвидации врангелевского фронта, как указывалось выше, выплыла на первый план с того времени, как было принято решение искать с Польшей мира во что бы то ни стало, т. е. примерно к концу августа. Затягивать далее войну становилось невозможным. Решение этой кардинальной задачи сводилось к мероприятиям двойного характера. Во-первых, нужно было собрать против Врангеля столько сил, чтобы обеспечить безотказность нашего удара и окончательный разгром противника, и, во-вторых, нужно было организовать нормальное командование фронтом. Нельзя было далее терпеть то явление, когда один фронт руководил операциями и в Галиции, и на юге Украины.

Мероприятия первого характера вылились в выделение для врангелевского фронта целого ряда дивизий с польского фронта, в том числе I конной армии в полном составе.

Для руководства же операциями, против Врангеля этот фронт был выделен из состава юго-западного фронта и во главе его был поставлен М. В. Фрунзе. В эти дни тов. Фрунзе находился в Туркестане на должности командующего фронтом. Только что там начиналась под его руководством так называемая Бухарская операция. РВСР 2 сентября, несмотря на это, постановил, не считаясь с ходом операции в Бухаре, тов. Фрунзе в двухнедельный срок сдать командование фронтом тов. Сокольникову к самому немедленно, выехать в Москву для ответственного назначения. 27 сентября тов. Фрунзе вступает в командование новым южным фронтом и приступает к подготовке последней операции против Врангеля. Приходилось работать в невыносимо тяжелых условиях. Сосредоточение частей шло медленно. Железные дороги были разрушены, не хватало ни вагонов, ни паровозов, ни топлива. Дороги не успевали подавать фронту даже ежедневной потребности в огнестрельных припасах и в материальной части, несмотря на то, что продовольствие почти все доставалось на месте и подвозилось к частям гужевым транспортом. Конная армия из района Бердичева через вето Украину шла походным порядком на Брест-Литовск. Только 25–26 октября она вышла в указанный ей район. На фронт направлялся целый ряд технических средств, в том числе тяжелая артиллерия особого назначения, бронемашин (для конной армии после ремонта), но продвинуть их на фронт не было никакой возможности: дороги не справлялись. Задерживала начало наступления и переброска армейского управления 4-й армии, которое перебрасывалось на александровское направление с зап. фронта. Целый ряд дивизий (в том числе, и 30-я), направляемых на фронт, приходилось выгружать далеко от боевой линии и направлять их дальше походным порядком. Части поступали на фронт маленькими дозами, — для того, чтобы не дать противнику втянуть их в бой по частям и раньше времени, приходилось идти на эту меру.

Все это учитывалось противником, и он стремился возможно сильнее, помешать готовящемуся против него удару. Наступлением сначала на Александровск-Синельниково, затем на Никополь и Ушкалку, и, наконец, на Каховку, он силился сорвать наш удар. Новому командующему приходилось параллельно с подготовкой к решительному наступлению бороться с противником, который не собирался уступать нам инициативу. Вся работа протекала в очень неблагоприятных условиях для руководства операциями. Новый штаб фронта был выделен из состава штаба юго-западного фронта. В те годы, когда в хороших штабных работах у нас вообще был большой недостаток, такое разделение штаба фронта на две части фактически привело к созданию двух очень слабых фронтовых аппаратов; Приходилось наспех брать случайных работников, незнакомых с работой в таком большом масштабе. Не хватало средств связи, передвижения, армейских транспортов. Все это тормозило работу и вынуждало командование фронтом самому выполнять значительную долю той работы, которая нормально ложится на фронтовое управление, на штаб фронта. Можно теперь, просматривая дела фронта, найти, что большинство бумаг, телеграмм и докладов, написанных в этот период, касается этих организационных вопросов и содержит в себе просьбы удовлетворить ту или иную нужду. Только

неимоверными усилиями, беспредельной настойчивостью и энергией командования фронтом были, эти затруднения преодолены и подготовлены условия для нормального управления той массой войск, которые были сосредоточены для удара против Врангеля.

III

По количеству войск, сосредоточенных для удара против Врангеля, операция эта занимает исключительное место среди всех операций, которые проводила Красная армия.

Не говоря о первых наших операциях в 1918 году, когда боевые действия развивались главным образом вдоль железных дорог и когда количество войск с обеих сторон едва превосходило десяток тысяч даже операции 1919 и 1920 г. в этом отношении уступают интересующей нас операции. Если взять две самые крупные операции, которые вела Красная армия в 1919 и 1920 гг., одну — по ликвидации Деникина, и другую — по нашему наступлению к Варшаве, то мы будем иметь следующую картину:

	Силы		Протяженность фронта в верстах	Плотность фронта (на 1 версту)	
	Наши	Противника		Красных	Белых
Деникинская операция На всем фронте....	<u>80.000 шт.</u> 15.000 саб.	<u>81.000</u> 30.000	1.400	68	79
Активный участок (Днепр—Воронеж)	<u>55.000</u> 14.000	<u>29.000</u> 17.000	750	93	61
Польская компания Зап. фр.....	89.000 шт. и сабель	58.000 шт. и сабель	—	178	116
Юго-зап. фр.....	48.000	43.000	450	106	95
Врангелевский фронт На всем фронте.....	133.000 шт. и сабель	37.000	400	333	92
Правобережн. арм. (6-я и 1 к.).....	55.550	6.000	160	347	38
II Кон. арм.....	11.000	11.800	80	137	147
4-я и 13-я арм.	66.500	—	160	417	115
Перекоп Весь участок.....	34.000	19.500	11	3.090	1.773
Литов. пол.....	20.000	1.500	3	6.500	500
Турецкий вал.....	6.200	1.650	8	775	206
Резервы.....	6.500 ¹	8.200	—	—	—

По абсолютному количеству войск на врангелевском фронте было сосредоточено в 1 1/2 раза, больше, чем в операциях против Деникина и во время наступления на Варшаву, а по плотности фронта во время врангелевской операции мы имели фронт плотнее, примерно в 5 раз, чем деникинской, и в два раза — варшавской операции. По отдельным же участкам плотность фронта в разбираемой операции была еще больше (на участке 4-й и 13-й армий). Из том же таблицы видно, что во вторую половину операции, в период атаки перешейков, мы имели еще более плотный фронт. На Перекопском перешейке, в среднем, если читать и атакуемый участок по Сивашу (высохшему дну), на

¹ Остальные части на охране побережья.

каждую версту по фронту приходилось в среднем 3.090 человек, т. е. та предельная плотность, которая рекомендуется уставами. Если же брать направление главного удара, то здесь на каждую версту фронта приходилось 6.500 чел. т. е. по 1 чел. на шаг, в 2 раза больше уставной нормы.

У противника плотность фронта была гораздо меньше. Он уступал нам в силах примерно в три раза и поэтому, естественно, фронт занимался жиже, чем у нас. Но техническими средствами противник все же был сравнительно богат². Это обстоятельство давало, фронту противника необходимую устойчивость. Противник имел возможность малыми силами, но богатыми техникой, организовывать и оборону, а живую силу держать для удара.

Конечно, и северной Таврии плотность нашего фронта в этой операции далеко уступала плотности фронтов в операциях мировой войны. Там на версту фронта приходилось:

при нашем наступлении: в Вост. Пруссию в 1914 г.	2.000 чел.
у австрийцев в галицийской битве.	1.380
у французов в период первой Марны.	3.000
у немцев в варшавской операции.	1.500

Но все же и эта плотность являлась непривычной для Красной армии. Эта плотность фронта делала наши боевые порядки более компактными, она придавала им необходимую глубину. Войска получали возможность развивать бой и из глубины. Приобреталась возможность проявления большего напряжения, производства повторных атак, словом, имелось все предпосылки для ведения оживленного и упорного боя.

Если же эту плотность фронта брать в сравнении с таковой противника, то получается на нашей стороне такое преимущество, что можно было задаваться самым смелым замыслом.

К тому же для такого замысла, помимо указанных выше предпосылок (достаточное превосходство в силах, достаточно плотный фронт), имелись предпосылки и другие. К этим последним относятся:

- 1) конфигурация фронта,
- 2) группировка противника.

Как уже указывалось выше, фронт имел форму дуги с концами у Херсона и Бердянска и с центром у Александровска. Противник находился во внутреннем положении, мы же занимали внешнее положение по отношению к нему. От Херсона до Александровска фронт шел по Днепру, через который переправы и мелисы у Херсона, Каховки, Никополя и Александровска. В промежутках между этими пунктами Днепр имеет большую ширину, он разливается и образует большое количество плавней, переправа через которые крупными силами требует достаточно много времени и длительной подготовки. Из всех этих переправ постоянно в наших руках находились переправы у Александровска и у Каховки. У последней два моста (один на плавучих устоях для всех родов войск, кроме тяжелой артиллерии особого назначения, другой на понтонах). Остальные переправы были нейтральными, вернее разрушены. У Каховки мы обладали довольно обширным плацдармом и достаточно сильно укрепленным. С него открывались заманчивые оперативные перспективы для действий по глубоким тылам противника, оперировавшего в александровском и пологском направлениях.

От Александровска фронт шел через Орехов — Пологи на Бердянск по местности, всюду хорошо доступной для действий крупными войсковыми частями. Из этого района имелось достаточно путей, ведущих как на запад, так и на юго-запад и на юг. Для наших 4-й и 13-й армии имелся большой простор для действий. Местность позволяла действовать всеми родами войск не только вдоль дорог, но и без них, так как характер ее поверхности и грунт (почва) позволяли это делать без особых затруднений. Да и не было надобности двигаться без дорог, так как их для движения даже широким фронтом хватало с избытком.

В указанной дуге группировка противника была следующая. Главные его силы были сосредоточены перед Никополем: в районе Серогозы — Б. и М. Белозерка. Против же наших 4-й и 13-й армии он держал свой Донской корпус, а

² У нас 2.500 пул. и 500 ор., у пр-ка 1.230 пул. и 213 ор., т. е. в технических средствах мы имели только двойное превосходство.

против Каховского плацдарма II арм. корпус ген. Витковского, т. е. оба фланга были заняты сравнительно слабо, а главных сил было настолько мало, что в случае нашего дружного натиска их не хватило бы на то, чтобы удержать весь этот фронт.

Это все в совокупности давало право рассчитывать на смелую операцию в степях северной Таврии.

IV

Основная идея операции фактически была предreshена еще задолго до ее начала: противник должен был быть уничтоженным в северной Таврии, для этого надо было возможно лучше осуществить его окружение. Существовавшая на фронте группировка наших сил не совсем отвечала этой идее. Для обеспечения удара в тыл противника следовало усилить нашу Каховскую группу.

Для изменения существующей на фронте группировки наших сил можно было маневрировать только двумя конными армиями. I конная армия шла по правобережной Украине и не могла быть направлена в любой район (за исключением, конечно, района 13-й армии) по усмотрению командования. II конная армия находилась на фронте у Никополя, но она с середины октября не была связана пр-ком и могла быть быстро перебросена в другой район на Каховку или Александровск. Переброска же стрелковых частей требовала много времени (надо было идти походом), и условиям обстановки не отвечала. После никопольской операции и налета на Каховку в первой половине октября Врангель стал стягивать свои войска к югу. Все говорило за то, что он собирается уходить за перешейки. Это подтверждалось как данными разведки, так и характером его действий против наших 4-й и 13-й армий. Даже из II арм. корпуса, стоявшего перед Каховкой, все тяжелые средства борьбы были отправлены в Перекоп. Противник собирался уходить из сев. Таврии, нам нельзя было терять время, операцию надо было начать возможно скорее. Начало это ставилось в зависимость исключительно от сроков прибытия в район сосредоточения I конной армии. Все намечаемое переброски надо было кончить до этого срока. Поэтому в пределах частей, находившихся уже на фронте, вопрос мог идти только о II конной армии. По поводу этой последней командующий фронтом имел несколько раз разговор по прямому проводу с главнокомандующим. О ее использовании предлагалось три варианта:

1) оставить ее у Никополя с тем, чтобы она отсюда наступала или па Мелитополь, или на Сергозы, смотря по обстановке;

2) перебросить ее к Александровску к правому флангу 4-й армии с тем, чтобы здесь переправить ее через Днепр вне влияния противника и в дальнейшем направить на юг вместе с 4-й армией;

3) перебросить ее на каховские переправы с тем, чтобы отсюда она вместе с I конной армией действовала в тыл противнику в направлении на Агайман — Аскания Нова — Сальково. Единдушия по этому вопросу у командующего фронтом с главнокомандующим не оказалось, и потому эта армия была оставлена у Никополя.

Таким образом, к началу операций получились три группы войск. Первая группа — 6-я и I конная армии у Каховского плацдарма со слабыми наблюдающими частями по течению Днепра от Херсона до Воронцовки. Вторая группа — II конная армия вместе с оказавшимися в районе Никополя стрелковыми частями (46, 3 и 52 стр. див.) и третья группа войск — 4-й и 13-й армии.

По своей численности эта третья группа войск была сильнее каждой из первых двух групп и равнялась обеим вместе. Между тем, самым ответственным являлось направление от Каховки на Агайман — Сальково. Перерезать пути отступления противника и выдержать натиск его частей, которые будут искать прохода в Крым, можно было только путем направления на Сальково достаточного количества войск. Но если считать, что противник при условии нажима на него со всех сторон мог располагать для маневра только I арм. и кон. корп. Барбовича (всего до 11—12 тыс. штыков и сабель), т. к. остальные части были бы связаны другими нашими армиями, то естественно получалось, что сил 6-й и I конной армий (до 60 тыс. штыков и сабель) должно быть совершенно достаточно, чтобы закупорить противнику пути отхода, окружить и уничтожить его. Для этого нужно было, чтобы все армии правильно уяснили себе свои задачи и с достаточной энергией их выполняли.

А задачи эти командующим фронтом формулировались следующим образом: 6-й армии, оставив для наблюдения и обеспечения переправ не более одной дивизии, остальные силы армии не менее 4 дивизии сгруппировать для решительного наступления с утра 28 октября на Перекоп — Сальково.

I-й конной армии переправиться через Днепр у Каховки и быстрым движением выйти на фронт Аскания-Нова — Громовка, отрезая противника от перешейков и решительным наступлением с юга на Агайман — Серогозы совместно с 6-й и II кон. армиями окружить и уничтожить главные силы противника.

II конной армии с утра 29 окт. перейти в энергичное наступление на Серогозы — Калашинская и совместно с 6-й и I конной армиями окружить и уничтожить противника.

4-й и 13-й армиям энергично продолжать наступление, вцепиться в противника и не давать ему отходить на юг и тем помочь окружению и разгрому его главных сил. К 30 окт. выйти на фронт Мелитополь — Федоровка (схема № 1).

Операция по внешним операционным линиям, рассчитанная к тому же на окружение противника, — является предприятием слишком деликатным. Она могла быть осуществлена только очень тесным взаимодействием всех трех групп войск, участвовавших в этой операции. Стоило какой-нибудь из указанных выше групп войск уклониться от точного выполнения задачи как во времени, так и в пространстве, и успех операции одним этим ставился бы под сомнение. Действительно, без должного напора со стороны II конной и 4-й и 13-й армий удар от Каховки по тылам противника становился рискованным, части, наносившие этот удар, в этом случае рисковали быть сами атакованными в неблагоприятных условиях. С другой стороны, большая выдержка и искусство требовалось и от тех войск, которые направлялись в глубокий тыл противника с такой ответственной задачей, как осуществить полное окружение его. К сожалению, ни одна из наших армий в точности своей задачи не выполнила.

4-я и 13-я армии, хотя и вышли к 30 окт. на линию Федоровка — Мелитополь, но связать противника они не сумели. Действия этих армии совершенно не отвечали характеру решительной операции.

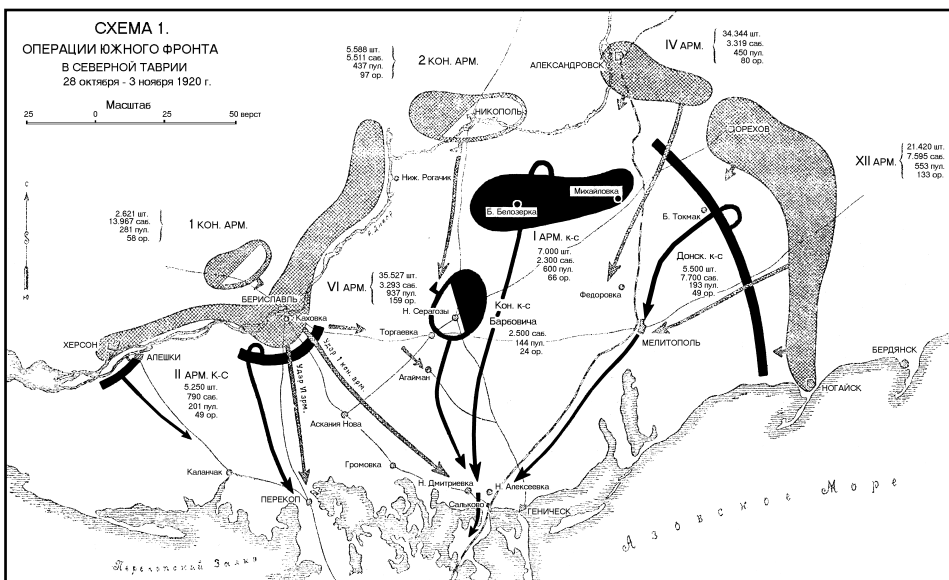

Схема 1. Операции южного фронта в северной Таврии
28 октября—3 ноября 1920 г.

За все эти дня, когда решалась участь Врангеля в сев. Таврии, обе эти армии не имели ни одного серьезного столкновения с противником. Только некоторые из дивизий этих армий в эти дни вели авангардные бои с отходившим противником. Темп наступления наших правобережных частей

был слишком медленный: 60 верст 3—4 суток — это наступление с большим «прохладцем». При таком темпе наступления 4-й и 13-й армиям не только не удалось притянуть на себя хотя бы часть главных сил противника, но им не удалось связать своими действиями даже те части того Донского корпуса, которые непосредственно перед ними стояли. 30—31 октября главные силы этого корпуса, оставив против наших северных армий слабый заслон, пробились без всякой помехи с нашей стороны от ст. Рыково в Крым. Командование обеими этими армиями не уясняло своей роли в этой операции. Наши войска не проявили того напряжения, которое требовалось характером операции. «Нормальная» же работа частей в этих условиях могла гарантировать очень незначительные успехи.

Не лучше выполнила свою задачу и II конная армия. Ее действия 28—30 окт. вылились в ряд разрозненных попыток расширить плацдарм в районе Днепровка — Водяное. Дивизии этой армии действовали вразброд, «растопыренными пальцами», без всякого взаимодействия, и потому 11 тыс. штыков и сабель II конной армии не в состоянии были опрокинуть слабый заслон I арм. корпуса Кутепова и прорваться на Серогозы. Притянуть на себя главные силы противника, связать их, не давая им свободно предпринимать новый маневр против наших частей, преградивших путь отступления, — не удалось и нашей II конной армии.

К несчастью, большие недочеты были и в действиях 6-й и I конной армий.

Из частей 6-й армии в ударе по тылам противника в направлении на Агаймман — Сальково не приняла ни одна часть. Главное внимание этой армии было обращено на разгром II арм. корпуса ген. Витковского и па попытки занять Перекопский перешеек «с налета». Остальные силы этой армии или были заняты второстепенной задачей (выдвижение от Херсона на Каланчак, выдвижение одной дивизии от Ниж. Рогачика на Серогозы), или же оставались на Каховском плацдарме с пассивными задачами (15 и Лат. дивизии). Удар по тылам противника осуществляла одна I конная армия со своими 10—12 тыс. сабель. В разобранных выше условиях, при том характере действий наших остальных армий, осуществление этого удара становилось задачей очень тяжелой. Выполнение ее требовало от нашей конницы большого искусства. Но получилось так, что после первого перехода к вечеру 29 октября конная армия оказалась разделенной на две группы, расположенные друг от друга на расстоянии 40 верст: 11 и 6 кав. див. у Агайммана и Ново-Успенское, а 4 и 14 кав. див. в районе Сергиевска — Громовка — Ново-Покровка. Это облегчило задачу противнику навалиться на нашу конницу всей массой конного корпуса Барбовича и главными силами I арм. корпуса и по частям отбросить от своих путей сначала 6 и 11 кав. див., а потом и остальные части конной армии.

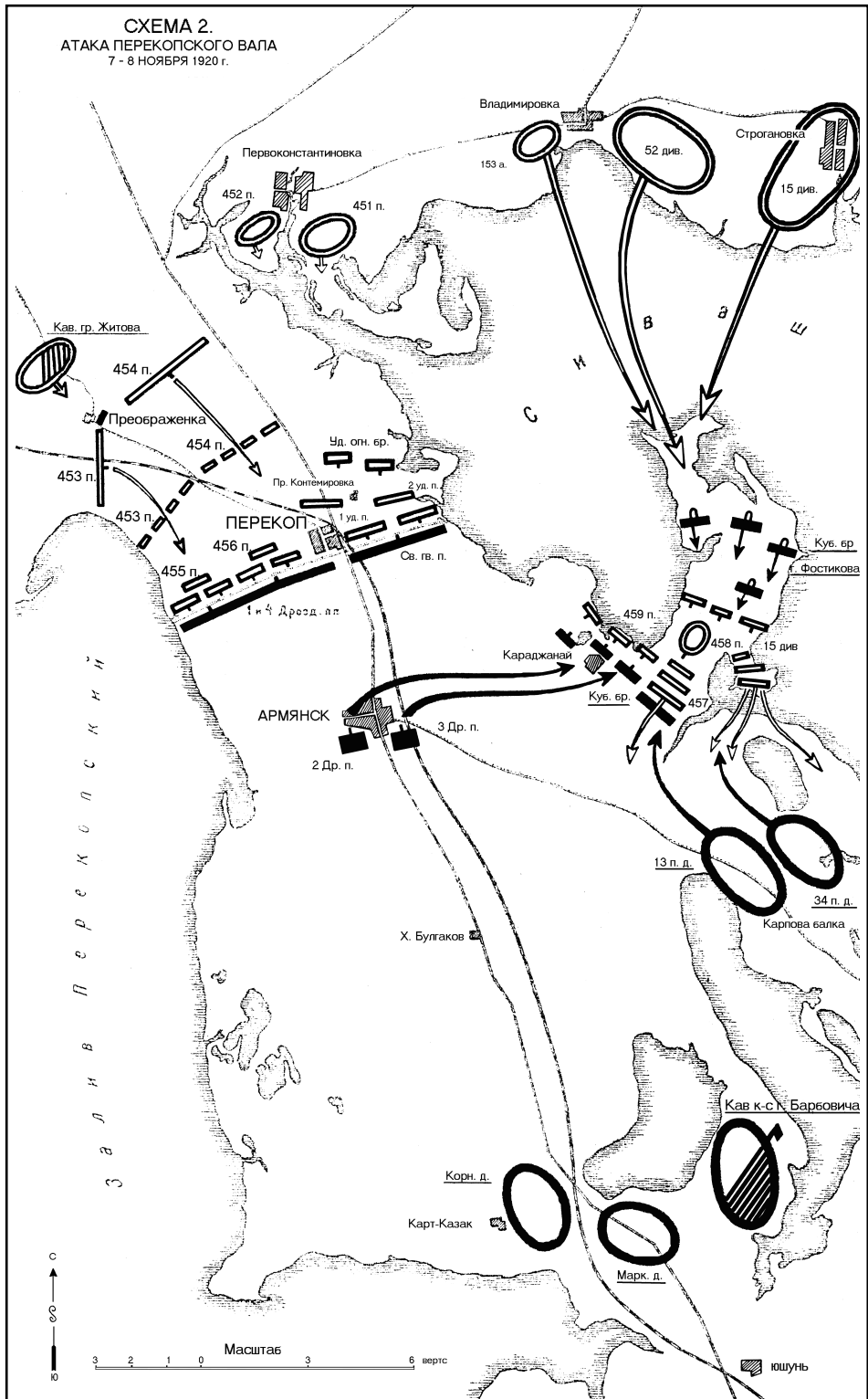
Правда, противник вынужден был побросать в сев. Таврии большое количество материальной части, огнеприпасов и др. видов снабжения, были потрепаны и некоторые его части, но все же основное ядро его армии, хотя и в расстроеном, дезорганизованном виде, сумело прорваться в Крым.

2 октября мы уже стояли перед перешейками, занятыми противником и подготовленными к упорной обороне.

Смелый и решительный замысел командования фронтом не привел к окончательному разгрому противника. Инструмент, выполнявший этот смелый замысел, работал еще с большими перебоями. Но даже при таком посредственном выполнении так широко задуманная операция привела к сильной дезорганизации всей армии противника. Оставалось не упустить время, не дать противнику оправиться, немедленно нанести второй удар.

V

Второй наш удар по Врангелю представляет великолепную и в тактическом отношении в высшей степени интересную операцию. После очищения северной Таврии Красная армия оказалась перед перешейками, заблаговременно укрепленными и занятыми противником для обороны. Командование фронтом знало и чувствовало, что противник в значительной степени дезорганизован; такой быстрый откат на северной Таврии не мог не привести к серьезному нарушению организации неприятельских войск. Разведка доносила, что противник спешно приводит в порядок свои части и собирается занять перешейки более надежными частями I арм. корпуса. Несмотря на то, что в

**Схема 2. Атака перекопского вала
7–8 ноября 1920 г.**

живой силе мы имели большое превосходство над противником, условия атаки все же были в высшей степени тяжелые. В то время, когда противник имел возможность, пользуясь наличием так называемого Турецкого вала, складками местности и отдельными хуторками, расположенными за этим валом, великолепно организовать огневую оборону, мы должны были развертываться для атаки на совершенно ровной местности, не имеющей ни одной значительной складки, ни одного значительного населенного пункта, которые укрывали бы от взоров противника. Вся местность впереди Турецкого вала на дистанцию предельного артиллерийского выстрела великолепно наблюдалась противником, и потому развертывание как нашей артиллерии, так и пехоты для серьезной атаки, представляло задачу в высшей степени тяжелую и почти невыполнимую.

Не лучше дело обстояло и на Чонгарском перешейке. Там вопрос осложнялся еще тем, что этот перешеек был очень узким, местами наступающему пришлось бы наступать по дамбе всего в несколько саженей шириной. При условии, что противник занял, эту дамбу многочисленными пулеметами, прорыв по нему был сопряжен с громадными потерями и находился под сомнением. После того, как тов. Фрунзе лично обрекогносцировал Чонгарский перешеек, он решил ограничиться на этом направлении демонстративными действиями и главный удар наносить по Перекопскому перешейку. Так как подготовка прорыва по условиям местности потребовала бы громадных земляных работ и большого времени, то для того, чтобы не дать противнику привести себя в порядок, решено было атаковать его «открытой силой и немедленно». При этом главный удар при атаке Турецкого вала было решено направить по высохшему дну Сиваша, примерно из района Владимировка—Строгановка, на Литовский полуостров и далее на Армянск, в тыл перекопским позициям противника.

Группировка наших сил и сил противника перед атакой приведена на схеме № 2.

Из этой группировки сил видно:

1) общее наше превосходство над пр-ком в атаке Перекопских позиций не достигало двух раз (34 тыс. шт. и сабель против 19.500 шт. и саб.);

2) пр-к организовал оборону очень умело. Он из общей численности в 19.500 шт. и сабель выставил в боевую часть только около 3 1/2 тыс. штыков и сабель, но с большим количеством артиллерии и пулеметов (146 пулем. и 72 ор.), а все остальные силы были оставлены в резерве, при чем части, оставленные в резерве, были эшелонированы в глубину. По своему расположению резервы могли через 3—4 часа после начала боя поддержать любой участок своей позиции;

3) атака имела сильную боевую часть. Из 34 тысяч шт. и сабель около 26 тыс. шт. и сабель вели непосредственно атаку, около 6 1/2 тыс. шт. и сабель оставалось в резерве, и остальная часть сил (около 1 1/2 тыс. шт. и сабель) оставалась на охрану побережья. При этом основная масса атакующих войск (20 тыс. шт. и сабель) наступала по высохшему морскому дну Сиваша с задачей атаковать позиции противника на Литовском полуострове, участок, имевший всего до 3 верст по фронту. Непосредственно Турецкий вал с фронта атаковывался частями двух стр. бригад. В распределении же артиллерии у атакующего мы видим, что основная масса ее была направлена для атаки Турецкого вала с фронта в то время, как главный удар, наносимый по Сивашу, сопровождался небольшим количеством одной легкой артиллерии. Условия местности не позволяли направить по Сивашу больше артиллерии, чем было назначено.

Такая группировка сил обещала очень упорные бои. Предыдущие боевые действия 51 стр. див. показали, что Турецкий вал противник может удерживать одними силами, непосредственно его занимавшими. Таким образом, все остальные силы могли быть направлены для встречного удара против наших частей, выполнявших главную атаку. Противник, считая даже только одни ближайшие резервы, мог выставить против наших 20 тыс. штыков и сабель с 36 орудиями, наступавшими через Сиваш, до 16 тыс. штыков и сабель и большое количество артиллерии, то есть силы, по количеству штыков и сабель незначительно уступающие нам, а по количеству артиллерии —превосходные.

Этим обстоятельством фактически заранее и предопределялся характер боев за перекопские позиции противника.

Бои на Литовском полуострове были очень упорными. Атакующему приходилось наступать совершенно по открытой местности, ведя фронтальную атаку на противника, имевшего хорошо налаженную огневую оборону. Мало того, атакующему приходилось в течение дня выдержать контратаки ближайших резервов противника. За 12–13 часов боя (завязка боя была на рассвете около 6 часов, закончился он с наступлением темноты, примерно около 18–19 часов) нашим частям удалось пройти 5–8 верст, если не считать расстояния, пройденного по самому Сивашу без помехи со стороны противника. Атакующим частям приходилось буквально каждый шаг пространства отвоевывать кровью. Продвижение вперед возможно было только в те редкие моменты, когда удавалось достигнуть временного превосходства в огне. Достигалось это, главным образом, массированием пулеметного огня или удачным открытием огня нашей малочисленной артиллерией в те моменты, когда ей удавалось скрытно от пр-ка переменить свои позиции и выйти временно из под непосредственного обстрела артиллерийского огня противника.

Потери в некоторых полках боевой части в этот день доходили до 25–35 %. И все же к исходу суток не удалось достигнуть перелома в бою. До поздней ночи противнику удалось удержаться на южных выходах с Литовского полуострова и на подступах к Карадманаяу.

Не удалась в этот день неоднократные атаки частей 51-й стр. див., штурмовавших Турецкий вал с фронта. В ночь с 8 на 9-е ноября, когда бой на всем фронте затих, и оба противника в темную, холодную и сырую осеннюю ночь лежали друг против друга, всего в нескольких стах шагов один от другого, ни наши части, ведшие бой, ни наше командование, руководившее, этой операцией, не считали себя победителями, и готовились с утра к новому тяжелому напряжению. Более того, обстановка нами на следующий день ожидалась худшая, чем в первый день атаки. Дело в том, что ночью подул юго-восточный ветер и нагнал в Сиваш из Азовского моря воды. Коммуникации наших частей, наступавших на Литовский полуостров, постепенно заливались водой, и мы рисковали 9 ноября драться, не имея связи с северным берегом Сиваша, не имея возможности получить ни патронов, ни продовольствия. В эту ночь, когда штаб 6-й армии находился в Чаплинке, командующий фронтом, тов. Фрунзе, приехал в Строгановку (со ст. Рыково), чтобы на месте выяснить обстановку и результаты боя за день. Узнал о положении дел на полуострове и об изменившемся положении вещей на самом Сиваше, он приказал частям, расположенным на полуострове, немедленно возобновить атаку и переменить ее направление с юго-западного прямо на запад — на Армянск, с тем, чтобы в продолжение 9 ноября «открыть перекопскую пробку». Одновременно части, наступавшие на Турецкий вал с фронта, должны были вновь штурмовать позиции противника.

Но оказалось, что противник обстановку оценивал иначе. Он еще вечером 8 ноября решил, что положение на его перекопских позициях стало настолько тяжелым, что единственным выходом оставалось заблаговременно очистить эти позиции, оторваться от пр-ка и принять бой в новых условиях на второй укрепленной полосе — на Юшуньских позициях. Ночью без помехи с нашей стороны ему удалось отойти на эту полосу своих укреплений.

Но фактически этот отход решил окончательно участь Крыма. 9 ноября с большим подъемом наши части подошли по всему фронту к новым позициям противника и приступили к их разведке. Уже с утра 10 ноября по всему фронту завязался бой за эти последние укрепления на путях в Крым. С нашей стороны войска сохраняли ту же группировку, которую они имели накануне: главная масса войск на левом фланге в междузерном районе. Непосредственно на Юшунь должна была наступать латышская дивизия, которая для этого получила приказ к 12 час. 10 ноября выйти на боевую линию и сменить части 51 стр. див. Но к 12 час. участь боя фактически была решена на этом второстепенном участке. Полки 51 стр. див., не дожидаясь смены, с рассветом атаковали пр-ка и, прогрызая его расположение, к 12 часам подошли ко второй линии его окопов, к вечеру заняли Юшунь и вышли в район южнее этого пункта. Этим фактически решилась участь боя. Противник, пытавшийся конницей и пехотными частями опрокинуть наши 15 и 52 стр. див. И выйти на наши тылы в

район Армянска, с этого момента сдал и быстро отхлынул на юг.

В 9 час. 11 ноября командарм 6-й уже подписывал приказ на преследование. 15 ноября весь Крым был очищен от пр-ка, и наши части вышли к побережью Черного моря.

VI

Пятилетний юбилей разгрома Врангеля и очищения Крыма Красной армией приходится праздновать без главного руководителя этой операцией, без тов. Фрунзе. В операции по разгрому Врангеля особенно рельефно выявляются черты тов. Фрунзе, как крупного военачальника. Исследователь этой операции не раз останавливает свое внимание на следах той кипучей энергии, с которой шла подготовка последнего удара по последнему врагу советских республик, по барону Врангелю. Подготовка к нашему переходу в наступление, как указывалось выше, шла в тяжелых условиях: железные дороги работали еле-еле, они не только не могли подать на фронт необходимые пополнения, но даже не в силах были справиться с подвозом необходимого количества огнеприпасов, технических средств, материальной части. Между тем, противник вел себя активно. На фронте бои шли непрерывно. Подвозимые на фронт запасы огнеприпасов изо дня в день истощались. Приходилось при слабой работе жел. дорог не только накапливать запасы для удара, но и питать те бои, которые, по инициативе пр-ка, шли на фронте в продолжение всего периода подготовки последней нашей операции. Только непрерывным вмешательством в работу железных дорог, непрерывным содействием этой работе со стороны командования и штаба фронта удалось накопить тот минимум запасов, который требовался для решительного удара. Обращает па себя внимание та борьба, которая шла на путях на Александровск — Синельниково, в районе Никополя и, наконец, под Каховкой весь конец сентября и в первую половину октября. Стратегической целью боев этого периода со стороны Врангеля являлось стремление сорвать подготовлявшийся против него удар. Для этого он бешено атаковывал то одну, то другую группу наших войск, он стремился еще в периоде подготовки ослабить наши войска настолько, чтобы лишить их возможности начать широкую и решительную операцию. Тов. Фрунзе очень искусно руководил этими боями. Уклоняясь до конца нашего окончательного сосредоточения (подхода резервов и I конной армии с зап. фронта) от решительного столкновения с главными силами противника, в то же самое время искусным маневром и частичными контрударами он приостановил все попытки противника прорваться на Синельниково, обосноваться на правом берегу Днепра у Никополя, ликвидировать наш Каховский плацдарм. В эти дни тов. Фрунзе непрерывно следил сам за ходом боевых действий и ежедневно в своих переговорах по прямому проводу с командармами давал дополнительные указания к отданным ранее директивам. Умелое руководство действиями армий фронта привело к тому, что противник в своих бесплодных атаках выдохся.

Тов. Фрунзе своевременно уловил этот момент. На следующий день после никопольской операции он пишет всем командармам, что наступил момент, когда армия фронта нужно приступить к нанесению последнего удара Врангелю и тут же передал им свои предварительные соображения по плану этого наступления. Оценка обстановки и принятое на основании этой оценки решение являются безукоризненными, и только перебои в действиях войск, слабая обученность пятого комсостава были причиной тому, что противнику удалось избежать полной катастрофы и частью сил прорваться в Крым.

Удивительно верно и трезво оценивал тов. Фрунзе ту обстановку, которая сложилась к моменту нашего выхода, к перешейкам. В специальном письме (телеграмме) на имя командармов он давал оценку этой обстановки и намечал план дальнейших действий. В этой телеграмме тов. Фрунзе писал, что в этих условиях, когда противнику удалось занять и организовать оборону перешейков, к тому же заблаговременно укрепленных, когда под прикрытием этой обороны он с каждым днем приводит себя в порядок и может усилиться, когда условия местности и время года (холода, распутица) не позволяют нам организовывать планомерную атаку перешейков, нам остается немедленно атаковать перешейки открытой силой. Для того, чтобы ошеломить противника, он тут же предложил главный удар наносить в том направлении, где пр-к его меньше всего мог ожидать, а именно — по высохшему морскому дну.

Когда же войска приступили к выполнению этого рискованного удара, тов.

Фрунзе сам приехал в район атаки, чтобы непосредственно руководить этими боевыми действиями.

Во всем этом рельефно проявляются черты крупного военачальника, самородка, умеющего быстро схватывать сложную обстановку, правильно в ней разобраться, быстро принимать решение и умело и энергично руководить боевыми действиями войск.

Мы празднуем юбилей Перекопа без тов. Фрунзе.

В эти дни, когда красноармейская масса знакомится с подвигами героев Перекопа и Юшуня, открытой грудью атаковавших по морскому дну укрепленные позиции противника, наше внимание не может не остановиться на той центральной фигуре, чьей волей, чьей энергией были подготовлены и осуществлены и Перекоп, и Юшуня.

БИБЛИОГРАФИЯ

*Маршал Петэн. ОБОРОНА ВЕРДЕНА.
(Перевод с французского). Воениздат НКО СССР, 1937 г.*

Д. М. КАРБЫШЕВ

*(Статья перепечатана в оригинальном варианте
из журнала «Военная Мысль» № 3 1938 г.)*

КАРБЫШЕВ Дмитрий Михайлович родился в 1880 году. Блестяще закончил Сибирский кадетский корпус (1898), Петербургское Николаевское военно-инженерное училище. В ходе Русско-японской войны участвовал в сражении под Мукденом. Награжден орденами и медалями. С отличием окончил Николаевскую военно-инженерную академию (1911). Принимал участие в строительстве фортов Брестской крепости. С первого дня участник Первой мировой войны. Воевал в Карпатах. Участвовал в штурме крепости Перемышль (1915). За храбрость и отвагу награжден орденом св. Анны и произведен в подполковники. В 1916 году был участником знаменитого Брусиловского прорыва. Во время Гражданской войны участвовал в строительстве Симбирского, Самарского, Саратовского, Челябинского, Златоустовского, Троицкого, Курганского укрепленных районов. Занимал ответственные должности в штабе Северо-Кавказского военного округа. Руководил инженерным обеспечением штурма Чонгара и Перекопа. В 1923—1926 годах занимал руководящие посты в Главном военно-инженерном управлении РККА. С 1926 года — преподаватель в Военной академии имени

М. В. Фрунзе. Был автором проекта «Линия Молотова и Сталина». С 1936 года — помощник начальника кафедры тактики высших соединений Военной академии Генерального штаба.

Значителен вклад Д. М. Карбышева в научную разработку вопросов форсирования рек и других водных преград. Он опубликовал более 100 научных трудов по военно-инженерному искусству и военной истории. Его статьи в журнале «Военная Мысль» и других изданиях, пособия по вопросам теории инженерного обеспечения операций были основными материалами по подготовке командиров РККА. В составе группы заместителя начальника Главного военно-инженерного управления по оборонительному строительству вырабатывал рекомендации войскам по инженерному обеспечению прорыва линии Маннергейма.

Великая Отечественная война застала его в Гродно. В августе 1941 года в бессознательном состоянии был захвачен в плен. Содержался в немецких концентрационных лагерях: Замосць, Хаммельбург, Флоссенбург, Майданек, Освенцим, Заксенхаузен и Маутхаузен. Неоднократно от администрации лагерей получал предложения сотрудничать. Был одним из активных руководителей лагерного движения сопротивления. В ночь на 18 февраля 1945 года в концлагере Маутхаузен (Австрия) в числе других заключенных был облит водой на морозе и погиб.

Готовясь к мировой войне, империалисты уделяли большое внимание укреплению своих границ, расходуя на это огромные суммы. Более 150 больших и малых крепостей и фортов-застав покрывали лицо Европы. Наиболее агрессивная и подготовленная к войне Германия имела и наиболее развитую систему укреплений, что

объясняется подготовкой ее к войне на два фронта — против Франции и России.

Однако, первые же дни войны показали несостоятельность основных форм укреплений — крепостей и фортов-застав. Крепости, стоившие десятки миллионов рублей и рассчитанные на сопротивление «до конца войны», падали под ударами тяжелой артиллерии через несколько дней после атаки. Наступила реакция, отрицалась не только польза крепостей, но и вообще всех долговременных укреплений. Войскам прививалась мысль, что главные опорные пункты крепостных позиций, форты, не более, как ловушки для снарядов, что их следует разоружать и взрывать.

5 февраля 1915 г. французское правительство издает декрет, коим крепости упраздняются, подлежат разоружению, укрепления их должны быть использованы на общих основаниях в линии фронта. Вместо них создаются Дюнкерский, Верденский и Бельфорский укрепленные районы. Долговременным укреплениям в них отводится второстепенное значение, форты разоружаются.

В такой обстановке немцы в глубокой тайне готовят сокрушительный удар по Верденскому укрепленному району. На узком фронте в 20 км сосредоточивается огонь 1225 орудий, из них до 50 % тяжелых и сверхтяжелых — артиллерия, по силе не имевшая прецедента в истории войн. Войскам внушается, что атака для них будет военной прогулкой. Германский кайзер готовится принять парад войск на центральной площади Вердена и... вместо прогулки и парада — полгода ожесточенной борьбы, потери в 337 000 человек, «перемолото» свыше 40 % дивизий, бесславный отход в исходное положение. Победила французская активная оборона укрепленного района. Пример чрезвычайно интересный с исторической точки зрения и поучительный в отношении борьбы за укрепленный район.

В сборнике «Оборона СССР» приводятся слова нашего наркома обороны товарища Ворошилова: «Используя имеющийся иностранный опыт, главным образом французский, мы перекрыли часть наших западных и восточных границ прерывчатой цепью легких укреплений. Эти укрепления загораживают путь в нашу советскую землю, и если у кого и явится такая охота, то он принужден будет прежде всего преодолеть стену пулеметного и артиллерийского огня». Силу этого огня из долговременных укреплений немцы уже один раз испытали под Верденом; книжка Петэна еще раз им об этом напоминает.

Нас труд Петэна интересует с точки зрения теории обороны укрепленного района.

Автор (маршал Петэн) — непосредственный участник организации обороны Верденского укрепленного района, почему его труд «Оборона Вердена» представляет особенный интерес.

В чрезвычайно сжатом виде, на 80 страницах, Петэн излагает все боевые события рокового для Вердена 1916 года. На схемах наглядно показана «норля»¹ (выражение Петэна) — непрерывная смена корпусов на фронте укрепленного района. Несмотря на краткость, приводится много данных по численному составу сторон, соотношению сил, плотности артиллерии, расходу снарядов, потерям.

Автор начинает описание событий с подготовки наступления германским командованием (осень 1915 г.). Между тем Верден имел большое стратегическое значение при подготовке к империалистической войне и в первый период войны, на чем следует остановиться.

После франко-прусской войны 1870—1871 гг. был выработан план укрепления восточной границы Франции. Главную линию обороны составляли «укрепленные завесы» Верден — Туль и Эпиналь — Бельфор, протяжением примерно в 60 км каждая со свободным промежутком также около 60 км. Фланги завес опирались на большие крепости Верден, Туль, Эпиналь и Бельфор, промежутки между Верденом и Тулем (по Маасу) и Эпиналем и Бельфором (в Вогезах) закрывались фортами-заставами. Между Верденом и Тулем было построено 7 фортов-застав с промежутками от 5 до 9 км. Укрепления держали под артиллерийским огнем все дороги с востока, пересекавшие Маасские высоты и р. Маас.

Шлиффен оценивал французские завесы весьма высоко, что и было одной из причин его вторжения через Бельгию.

В дни Марнского сражения Верден приковал к себе 5, 5 рез., 6 рез. и 16 корпуса 5 армии кронпринца (схема 1). К этому времени завеса Верден

¹ Род многоковшовый землечерпалки для непрерывного вычерпывания земли или подачи зерна в элеваторах.

— Туль представляла собой по существу укрепленный район со слабо укрепленным фронтом и сильными флангами (крепости Верден и Туль). Наличие на фланге крепости Верден позволило 3 французской армии Серайля в решительные дни Марны вести борьбу с перевернутым фронтом (схема 1).

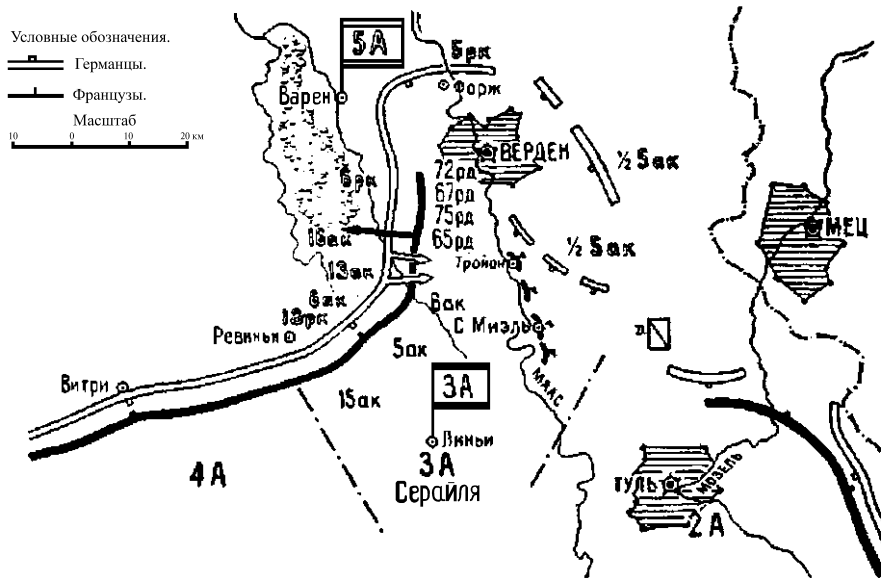

Схема 1. Положение под Верденом 9 сентября 1914 г.

Укрепленный район (УР) является опорой маневра армии, и подобное положение может иметь место в современных условиях. Для обеспечения возможности такого маневра необходимо на фланге УР иметь прочно подготовленный загиб, что и выдвигается рядом авторов в теоретических предложениях. Бои под Верденом в 1914 г. это прекрасно иллюстрируют.

Вторым интересным вопросом является *возможность прорыва немцами восточной французской завесы в 1914 г.*, на чем Петэн также не останавливается. Оценивая прочность Верденских укреплений, Петэн говорит (стр. 19): «...никто в мире не знал, что Верден не являлся настоящим укрепленным лагерем, как об этом принято было думать». Дело в том, что заполнявшие промежуток Верден — Туль форты-заставы были построены за 30 лет до начала мировой войны и после того не усиливались. В основном они представляли земляные укрепления с устаревшими кирпичными казематами, не способными сопротивляться артиллерийскому огню времен 1914 г. Вооружение, в виде орудий устаревших систем, устанавливалось на высоких валах фортов открыто, почему быстро приводилось к молчанию.

Ярким примером слабости фортов-застав является захват немцами наиболее мощного форта Камп-де-Ромэн (схема 2). Форт обстреливался немцами из 40 тяжелых орудий. Через 20 минут после открытия огня стоявшая открыто артиллерия форта была подавлена.

Германский автор Юстров в своем труде «Полководец и техника» критикует план Шлиффена и бросает упрек германскому генеральному штабу, что перед мировой войной он мало интересовался техникой и не знал ее возможностей. Далее Юстров (сам в мировую войну командир 42-см батареи) выдвигает свой план войны, основанный на фрактальном прорыве укрепленной завесы Верден — Туль ударной армией при помощи мощной тяжелой артиллерии. Нас в данном случае не интересует мало обоснованный и надуманный план войны Юстрова, в чем его справедливо упрекают другие авторы и в частности Ветцель, но, при изучении плана Шлиффена и начального периода войны 1914 г. необходимо учитывать действительную прочность завесы, особенно в первый период войны, при отсутствии развитых полевых позиций. Слабость укреплений компенсировалась местностью. Путь наступления на участок Верден — Туль с востока проходил через болотистую долину Вевра,

по крутому подъему на Маасские высоты, через лесисто-гористый район со слабо развитой дорожной сетью. Дальше на пути наступающего лежал Маас шириной до 100 м, с каналом, затопивший болотистую долину в зимний и весенний период.

Все это в связи с хотя и слабыми укреплениями делало участок Верден — Туль труднодоступным для атаки.

Для ясного понимания плана и развития германских операций под Верденом в 1916 г. необходимо установить основную цель, которую преследовало германское командование.

Фалькенгайн, автор «верденской мельницы», в своем труде «Верховное командование» говорит по этому поводу следующее: «Попытки массовых прорывов против морально нетронутого, хорошо вооруженного и численно не особенно уступающего врата, даже при величайших накоплениях людьми и средствами, могут считаться только безнадежными. Обороняющемуся в большинстве случаев удастся заполнить прорванные места фронта. Это удастся ему легко, если он решится на добровольный отход, а помешать ему в этом едва ли можно».

Оценивая возможность окончательного разгрома Франции, Фалькенгайн пишет: «...Для этого не нужно сомнительное и превосходящее наши силы средство массового прорыва. И с ограниченными силами, по-видимому, может быть достаточно сделано для этой цели. Позади французского участка на Западном фронте имеются в пределах нашего достижения цели, для защиты которых французское командование будет вынуждено пожертвовать последним человеком. Но если оно это сделает, то Франция истечет кровью, так как иного исхода нет и притом одинаково, достигнем ли мы самой цели или нет. Если же оно не сделает этого, и цель попадет в наши руки, тогда моральное впечатление во Франции будет чудовищным...». Целями, о которых здесь идет речь, являются Бельфор и Верден*.

Таким образом, суть рассуждений такова: массовый прорыв цели не достигается, ца и для него нет необходимых резервов. Необходимо найти важный для противника район, оставить который он по стратегическим и политическим причинам не может. В этом районе путем могущественной техники следует противника «перемалывать» с тем, чтобы он «истек кровью». При этом не важно — будет ли захвачена цель. Вес это приводит к заключению, что намечавшаяся операция имела решительную цель — добиться поражения Франции, вывести ее из строя, но при этом территориальные успехи, т. е. овладение Верденом, не обязательны. Только такими соображениями и можно объяснить, что атака была начата первоначально на правом берегу Мааса.

Петэн не верит искренности Фалькенгайна и говорит (стр. 20): «Мы, по всей вероятности, никогда не узнаем действительных намерений Фалькенгайна».

В своем труде Фалькенгайн говорит, что Верденский выступ все время являлся угрозой для германских путей сообщения. Это и было одной из причин, по которым германское командование решило захватить Верден. Петэн решительно оспаривает эту мотивировку, ссылаясь на то, что Верден не имел путей сообщения с тылом, тыл его преграждался Маасом, кроме того, он располагался на выступе фронта. Все это делало его совершенно непригодным в качестве плацдарма для крупных, активных операций.

Также Петэн недоверчиво относится к идее Фалькенгайна борьбы на истощение. «Другая мотивировка, — говорит Петэн, — «пустить кровь» французской армии — не представлялась в тот момент достаточной и правдоподобной целью. Желая только истощить нас, ударив по чувствительному месту, которое бы мы упорно защищали, немцы рисковали быть истощенными сами в такой же мере, как и мы». Этот мотив Петэн считает несерьезным и в конце концов приходит к такому выводу: «Фалькенгайн видел несравненно дальше, чем он об этом пишет. Я отношусь с уважением к нашим противникам в отношении их стратегической науки, а потому уверен, что в больших мероприятиях их планы базировались на серьезных основаниях. Я думаю, что начальник германского генерального штаба, выбрав Верден, готовил здесь действительно большой удар: окружить выступ наших позиции и, сокрушив его мощным артиллерийским огнем, атаками добиться его падения; притянуть резервы французов на правый берег р. Маас, чем создать затруднения французскому командованию в использовании резервов, так как Маас оказывался в тылу у последних; быстро продвинуть атакующие части по левому берегу Мааса и, сокрушительно обрушившись ими на французов, повторить нечто похожее на Седан».

* Курсив мой. — Д. К.

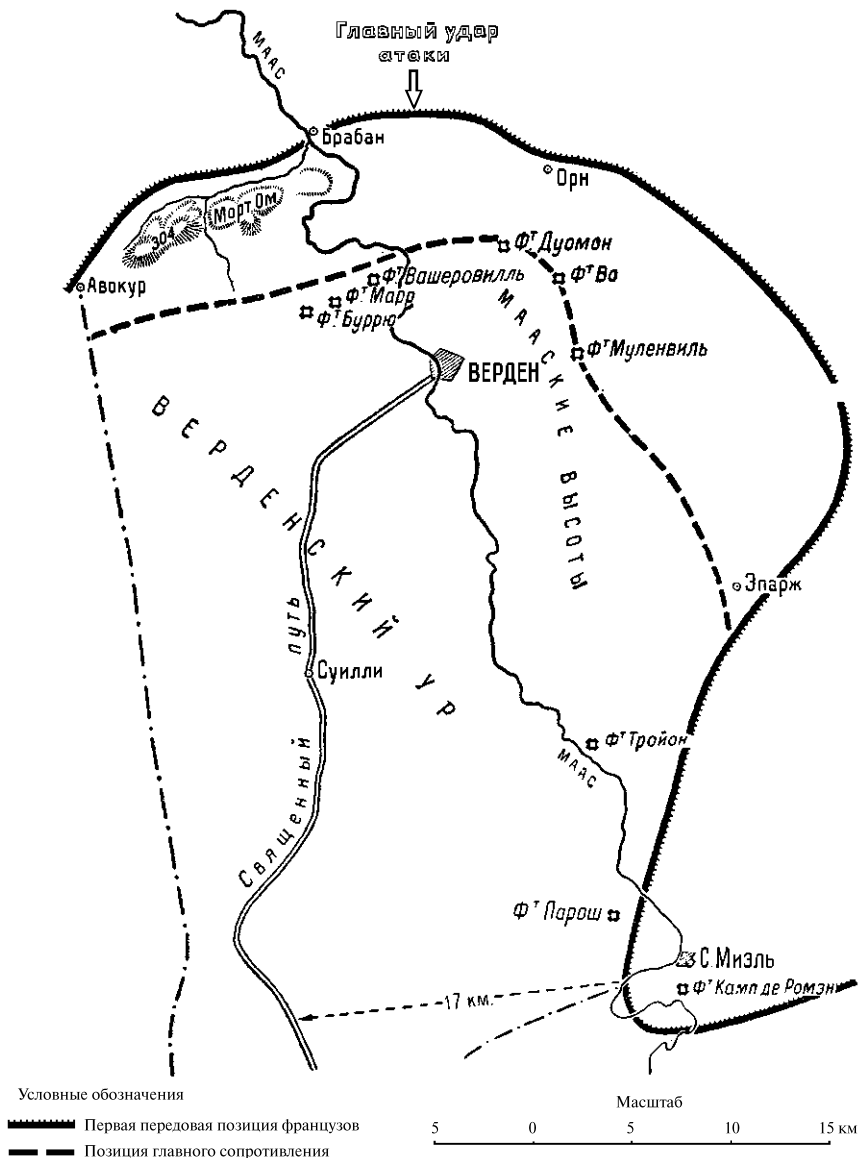

Схема 2. Схема Верденского УР (1916 г.).

Эти маневры и действия немецких войск должны были принести большое поражение разрезанной на две части французской армии и в перспективе — прекрасную победу германской армии».

Таким образом Петэн считает мотивировку атаки Вердена, указываемую самим автором операции — Фалькенгайном, несерьезной. Идея операции, по его мнению, лежала в стремлении устроить французской армии Седан.

Остановимся на этом вопросе, так как от идеи операции зависит ее организация и проведение. Сошлемся при этом на цитированный нами выше труд Фалькенгайна. Когда в период подготовки атаки Вердена расположенная западнее 5 армии 3 германская армия, выполнявшая демонстративные атаки, запросила главное командование — ожидается ли на ее участке развитие крупных операций, ей было указано, что в районе Мааса «наша задача состоит именно в том, чтобы при наших относительно скромных жертвах нанести врагу тяжелый урон в решительном пункте. Мы не должны упускать из виду, что предшествующие военные опыты с массовым применением людей мало

заслуживают подражания». И там же относительно сил атаки Фалькенгайн говорит: «Фронту сверх уже имевшихся у него частей были даны для операции девять новых дивизий, совершенно отдохнувших и особенно обученных, так что на дивизию приходилось менее 2 км атакуемого фронта. Для смены выдохнувшихся частей сверх того было наготове большое число дивизий. Наконец, имелся в виду подвоз трех особенно подобранных дивизий для упомянутого выше случая, если по ходу событий на правом берегу удар по левому оказался бы полезным и имеющим шансы на успех, и если бы обстановка на других фронтах это позволила бы.

*Артиллерия была придана исключительной мощности как по числу, так и по калибрам**, так же и на прилегающие участки западного берега и в Вевре, которые вначале должны были содействовать только артиллерией. *Запас снарядов*, по всем имевшимся до сей поры опытам, *значительно превосходил потребность*». Говоря о потерях французов в ходе операции, Фалькенгайн указывает: «За последними тщательно следили и непрерывно сравнивали с нашими, к сожалению, также не легкими жертвами. В результате соотношение потерь сводилось, приблизительно, к 2,5 : 1, т. е. *на двух немцев, выводимых из строя, приходилось с той стороны пять таких же французов*. Как ни прискорбны были немецкие жертвы, но ясно было, что они приносились для доброго, сулящего большие перспективы дела.

Операции разливались в духе намерений, положенных в основу их хода».

В беседах о Верденской операции Фалькенгайн часто говорил, что «*Францию необходимо обескровить*» (zum ausbluten).

Подводя итоги работы «верденской мельницы» или «верденской мясорубки», Фалькенгайн говорит: «Более чем три пятых всех вооруженных сил Франции до августа 1916 г. были перемолоты на мельнице Маасского района».

Все это приводит нас к заключению, что основной целью операций под Верденом было сковывание и уничтожение французских резервов, т. е. истребление во имя истребления. Для «Седана», о котором говорит Петэн, немцам следовало иметь более крупные силы, которыми они не располагали. Если же говорить о захвате верденского плацдарма на правом берегу Мааса, то удар сразу следовало наносить по левому берегу. Подход германской атаки к главной позиции обороны заставил сразу же французов отвести свои войска в восточном секторе УР из долины Вевра на Маасские высоты.

Захват немцами правого берега Верденского УР мог бы принести французам крупные потери при отходе через Маас, особенно в весеннее время (разлив реки). Потеря Вердена привела бы к некоторым осложнениям политического порядка, но катастрофы для французской армии это не создало бы. Захватив правый берег, немцы должны были форсировать такую сильную водную преграду, как Маас, что, как показал ход дальнейших событий, им было бы не под силу. Вопрос об оставлении Вердена возник еще в дни Марнских боев (1914 г.), когда Жоффер разрешил 3 армии Серайля оставить крепость. И только правильному взгляду Серайля на значение укреплений и верному их использованию в критические минуты Верден обязан был спасением.

Между тем и в 1916 г. у Вердена были критические моменты.

Первый раз кризис наступил после внезапного захвата немцами сильнейшего укрепления северного фронта, форта Дуомон, в день назначения Петэна командующим 2 Верденской армией (25 февраля). Оборонявший северный сектор Вердена 30 корпус (Кретьена) был разбит. Потери французов достигали 21 000 (60 %). 72пд потеряла 10 000 человек и 51пд — 6400 человек. Путь на Верден был открыт, но немцы не смогли им воспользоваться, так как не имели свежих сил. Этот критический момент был использован французами для подвода резервов. Подходили части двух дивизий общего резерва, за ними подтягивался 20-й корпус, а несколько позади — 1-й и 13-й. Уже на четвертый день атаки немцы столкнулись в районе форта Дуомон со свежими частями французов. Конвейер начал действовать и резервы непрерывным потоком потекли в «верденский ад». Открытый тыл укрепленного

* Курсив мой. — Д. К.

района позволил непрерывно питать его сопротивление как живой силой, так и техникой.

В труде Петэна дается наглядная картина огромного значения для укрепленного района обеспеченного тыла. Простые расчеты показывают, что всех артиллерийских запасов крепости Верден хватило бы на 5 дней, если бы поддерживался режим огня, имевший место при обороне укрепленного района.

При этом возникает «проблема сообщений», на которой останавливается Петэн. Подходившие к крепости Верден железные дороги были перехвачены немцами на юге — захватом С. Миэля (на Маасе), на западе — артиллерийским огнем у Обревилля. Для подвоза оставались узкоколейка и шоссе Бар-ле-Дюк — Верден; последняя дорога, по словам Петэна, вследствие оттепели стала непроходимой. Путем огромных усилий французам удалось привести шоссе в исправный вид и наладить автомобильное движение. Непрерывным потоком двинулись на помощь Вердену из тыла резервы и боевые припасы. В критические дни обороны Вердена с 27 февраля по 6 марта, за неделю, было подвезено до 200 000 бойцов и 23 000 т боевых припасов. Вскоре Верденская армия достигла огромной цифры свыше 400 000 бойцов. При этом происходила непрерывная смена резервов. Все перевозки были выполнены по шоссе и узкоколейке. За это дорога получила название «священного пути». В связи с этим Петэн указывает, что удар немцев по левому берегу Мааса угрожал не только переправам, но и наиболее чувствительному месту обороны — путям подвоза. Если бы немцы ставили себе задачу захватить Верден — они могли бы этому значительно помочь путем регулярного нападения с воздуха на «священный путь». Кроме того, это шоссе проходило в 17 км от захваченного германской армией в 1914 г. С. Миэля и могло систематически обстреливаться огнем дальнобойных орудий (380-мм пушки береговой обороны).

Во всяком случае пример Вердена говорит об огромной важности для обороны УР свободной связи с тылом и о необходимости тщательной обороны путей подвоза и эвакуации как с земли, так и с воздуха.

После марнских боев немцы оставили в покое Верден, так как выступающее его расположение и наличие долговременных укреплений не сулили на этом участке крупных оперативных успехов. Район Вердена был причислен к «спокойным» участкам. Орудия и боевые запасы из крепости брались на усиление других участков. Недостаток рабочей силы и материалов не позволял в достаточной мере развивать постройку укреплений. С выходом декрета от 5 августа 1915 г. были заброшены (и долговременные укрепления).

Хотя в Верденском УР и был подготовлен ряд позиций по глубине, но все они не были закончены и, что самое главное, на что и обращает внимание Петэн, — не было твердого и четкого плана обороны. «В продолжение нескольких недель мы не чувствовали себя достаточно организованными, — говорит Петэн, — чтобы в случае надобности встретить соответствующим образом наступление крупного порядка. Мы принялись лихорадочно за работу на передовых позициях я в тылу, намечая начерно многие позиции и не имея возможности полностью закончить ни одной из них. Таким образом, когда разразилась гроза, мы должны были зацепиться за единственную «позицию сопротивления», которая действительно существовала, а именно — за линию фортов». Между тем по установившимся взглядам форты считались укреплениями, непригодными для обороны, подготавливались к взрыву и не занимались войсками. Главной линией обороны по существу была первая полоса. Все это привело к тому, что долговременные укрепления Вердена приняли в обороне случайное участие, в незначительных размерах, в крайне неблагоприятной для них обстановке и все же доказали, что, несмотря на мощь современной артиллерии, они могут принести обороняющемуся огромную помощь.

Действительно, основными участниками боев были форты Дуомон и Во. Дуомон совершенно не оборонялся французами и был захвачен немцами случайно, без боя. В дальнейшем немцы обороняют это укрепление, а французы атакуют его с горжи (с тыла). Форт отбивает майскую атаку Манжена.

В октябре 1916 г. французы предпринимают новое решительное контрнаступление и захватывают обратно форт без боя. Форт Во немцам удается взять с большим трудом, они удерживают его в течение 5 месяцев и 2 ноября вынуждены его оставить также без сопротивления.

Большая заслуга Петэна в обороне Вердена заключается именно в том, что он правильно оценил мощь долговременных укреплений и, используя их, организовал «позицию главного сопротивления». Это внесло необходимую ясность в организацию обороны и обеспечило ее успех.

В своей книге Петэн наглядно указывает, какую большую пользу войскам приносили в обороне такие несовершенные долговременные укрепления, как форты. По форту Дуомон немцами было выпущено 120 000 снарядов, из них свыше 2000 тяжелых и сверхтяжелых я все же бетонные и броневые сооружения форта остаются целыми. В броневую башню тяжелой гаубицы форта Дуомон попадает 2 германских снаряда в 42,0 мм и 4 французских в 400 мм – после небольшого ремонта башня продолжает действовать. В особом приложении «Роль фортов Вердена во время сражения» Петэн приводят много интересных данных по сопротивлению долговременных укреплений. Опыт Вердена показал, что в неблагоприятных условиях бетон и броня с честью выполнили в борьбе с мощной артиллерией атаки свою ответственную задачу. Это показывает, насколько большую помощь обороне смогут принести долговременные укрепления, разумно примененные на наших границах.

Первоначальному успеху германской атаки содействовала удачная маскировка подготовлявшегося наступления, на чем останавливает внимание Петэн. По его словам, 5 германская армия «...сосредоточила огромные средства с полным соблюдением тайны; ...огромные массы артиллерии стали на позиции, ничем себя не обнаруживая и не проводя (никакой пристрелки)». Судя по литературе, нам этот вопрос рисуется несколько иначе. Немцы действительно сделали все, что могли для маскировки удара: район был выбран лесистый, фронт сосредоточения прикрывался 5 рез. корпусом, располагавшимся в районе Вердена с 1914 г., ударные части были выведены в исходное положение перед самой атакой*, при этом германское командование отказалось от постройки исходного плацдарма для атаки, что обычно практикова-

* Первоначально атака была назначена на 12 февраля, но вследствие плохой погоды (туман, снег), мешавшей артиллерийскому наблюдению, была перенесена на 21 февраля.

23 марта. Это привело к неудачному наступлению 2 русской армии севернее оз. Нарочь в чрезвычайно тяжелых условиях. Десятидневная наступательная операция привела к потерям до 65000 убитыми и ранеными. О таком «пустяке» Петэн не упоминает. Затем последовало брусиловское наступление, вынудившее немцев перебросить свои резервы на восточный фронт и тем ослабить нажим на Верден. Наконец, Сомма заставила немцев окончательно отказаться от мысли овладеть Верденом. Все это указывает на огромное значение в борьбе за укрепленные районы «отвлекающих операций», о которых говорит Петэн в своем труде.

Давая богатый материал по обороне и атаке укрепленного района в области действий пехоты, артиллерии, авиации, огнеметов, минометов, химических снарядов, борьба за Верден не даст исторического опыта действий танков в условиях укрепленного района.

Вес же для размышления над организацией атаки и обороны укрепленных районов в современных условиях борьба за Верден дает большой и весьма ценный материал, который нам следует весьма тщательно изучать. Верденское сражение распадается на ряд операций, по которым имеется богатая литература преимущественно на французском и немецком языке. Основные материалы для изучения этого интереснейшего сражения мировой войны дают официальные исторические отчеты французского военного министерства «Французская великая война» и германского рейхсархива «Трагедия Вердена».

Само собой разумеется, что как тот, так и другой источники написаны сугубо тенденциозно, чем особенно отличается германский труд. (Кроме этих официальных источников имеется много трудов участников великого Верденского сражения (Пас-сага, Манжен, Коллен, кронпринц, Фалькенгайн и др.), к которым относится и рассматриваемый нами труд Петэна).

Как мы уже указывали выше, по ряду вопросов труд Петэна дает неправильную, а иногда и явно тенденциозную окраску. Но все же Петэн разворачивает перед читателем в сжатом виде тяжелую борьбу французской армией за Верден.

В этой борьбе было много неорганизованности и ошибок, которые не должны повторяться. Пример Вердена нам необходимо научать. У нас имеются переводы трудов Фалькенгайна «Верховное командование», Коллена «Высота 304 и Морт-Ом», воспоминания кронпринца. Книжка Петэна «Оборона Вердена», несмотря на ее краткость, содержит весьма много ценных материалов и должна быть широко рекомендована нашему командному составу.

лось у союзников и русских. И все же сосредоточить крупную массу войск и артиллерии незаметно не удалось. Французский автор, специалист по разведке, Покэ, в своем труде «В ожидании бури» (Paquet. Dans l'attente de la gree. Verdun. 1928.) подробно останавливается на этом вопроса Шаг за шагом, по дням он показывает, как постепенно у коменданта Верденского УР ген. Эрр (автора труда «Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем») накапливались сведения от авиации, агентуры, пленных и перебежчиков о подготовке атаки Вердена.

Германский исторический отчет рейхсархива («Трагедия Вердена») картинно описывает, как в период подготовки атаки все леса, населенные пункты и дороги днем были забиты артиллерией, складами снарядов, войсками и обозами и как над воем этим совершенно беспрепятственно пролетали французские разведчики. Все сведения о готовящемся ударе на Верден у французского командования были, но одновременно такие же сведения поступали от 2, 3 и 6 армий и из группы Гедэ, т. е. со всего фронта от Фландрии до Бельфора (на границе Швейцарии). Жоффри считал наиболее вероятным наступление немцев в районе Шампани, сосредоточение же германских сил под Верденом считал демонстрацией. С этой стороны маскировка наступления была проведена немцами весьма удачно. И если бы плохая погода не заставила немцев перенести атаку с 12 февраля на 21-е, удар застал бы гарнизон УР неподготовленным, в периоде перегруппировки, что могло бы легко закончиться захватом Вердена.

Неудача атаки Вердена объясняется переоценкой немцами могущества своей артиллерии, которая, в силу плохого наблюдения и недостаточной связи с пехотой, зачастую не оказывала последней необходимой поддержки. Кроме того, лесистый район атаки и весеннее время облегчали оборону и ставили атакующие войска в тяжелое положение.

Главная же причина победы французов — быстрый и непрерывный подвоз резервов и артиллерии из тыла. При этом, как показывает Петэн, французы путем своевременной смены не доводили свои части до истощения, тогда как германское командование разрешало эту проблему путем влития пополнений в расстроенные части, что давало худшие результаты.

В итоге французы получают перевес в силах и артиллерии, переходят в решительное контрнаступление, в середине декабря 1916 г. захватывают полосу местности впереди северных фортов Вердена и в августе 1917 г. выходят в исходное положение, занимавшееся ими перед началом Верденского сражения. В 1918 г. французы совместно с американцами ликвидируют Сен-Миэльский выступ и переходят из верденского плацдарма в решительное наступление.

Это лишний раз показывает, что в современных условиях укрепленные районы являются не только средством обороны, но могут содействовать и активным задачам.

В своем труде Петэн сетует, что Верден был предоставлен своим силам и не получал достаточной помощи от союзных армий. Между тем по соглашению между союзниками на совещании в Шантильи (Франция) русская армия должна была помочь Франции путем отвлекающих операций. С началом атаки Вердена французское командование потребовало от русских немедленно перейти в наступление с целью отвлечь от Вердена германские силы и не допустить переброску во Францию резервов с русского фронта.

Начальник штаба русского верховного главнокомандующего Алексеев сообщил Жоффри, что операция может быть начата.

Бой стрелкового корпуса в условиях окружения

(Статья перепечатана в оригинальном варианте из журнала «Военная Мысль» № 1 за 1941 г.)

Полковник И.Х. БАГРАМЯН

БАГРАМЯН Иван Христофорович (Ованес Хачатурович) родился в 1897 году в бедной армянской семье. После окончания школы прапорщиков (1917) принимал активное участие в установлении советской власти на севере Армении, а затем в Грузии. И. Х. Баграмян окончил курсы усовершенствования комсостава (1923) и был назначен командиром Ленинаканского кавалерийского полка. После выпуска из Военной академии им. М. В. Фрунзе И. Х. Баграмян получил назначение на должность начальника оперативного отдела штаба 5-й кавалерийской дивизии в Киевском военном округе (1934—1936), а позже — начальника оперативного отдела штаба армии (1936). Осенью 1936 года И. Х. Баграмян попал в первый набор Академии Генерального штаба. После окончания учебы оставлен в академии на преподавательской работе, но уже осенью 1940 года получил назначение в войска на должность сначала начальника оперативного отдела штаба армии, а через два месяца — на должность начальника оперативного отдела Киевского особого военного округа (с началом Великой Отечественной войны — Юго-Западного фронта).

С июля 1942 года командовал армией, с ноября 1943 — войсками 1-го Прибалтийского фронта, с апреля 1945 — войсками 3-го Белорусского фронта. В послевоенное время И. Х. Баграмян занимал различные должности: с 1945 по 1954 годы — командующего войсками Прибалтийского военного округа, в 1954—1955 годах — главного инспектора Министерства обороны, заместителя министра обороны (1955—1956). В июне 1956 года И. Х. Баграмян становится начальником Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова (Военной академии Генерального штаба). Позже (1958) он становится заместителем министра обороны СССР — начальником Тыла Министерства обороны СССР. Весной 1968 Баграмян вновь переводится на должность генерального инспектора Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Активно публиковал свои работы в журнале «Военная Мысль».

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Иван Христофорович Баграмян скончался 21 сентября 1982 года.

ОКРУЖЕНИЕ И УСЛОВИЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

ОСНОВНЫМ признаком, характеризующим окружение, является выход частей противника на пути отхода окружаемого и лишение его свободы маневра, сообщений с тылом и соседями. Ведение боя в условиях окружения является самой сложной и трудной формой боевых действий.

Наиболее полно окружение достигается при одновременном обходе обоих флангов окружаемого. Необходимой предпосылкой такого маневра является значительное численное и качественное превосходство, позволяющее взять боевой порядок окружаемого в сильные клещи. Клаузевиц по этому поводу совершенно справедливо указывал: «даже при превосходстве в силах все же часто выбирают для направления главного удара лишь один пункт, что и позволит сосредоточить против него большие силы, ибо совершенно окружить неприятельскую армию оказывается возможным лишь в самых редких случаях; предпосылкой окружения является огромное физическое и моральное превосходство»¹.

Однако военная история знает ряд примеров, к числу которых, между прочим, относятся и классические «Канны» Ганнибала, когда окружение и последующий разгром противника достигались далеко не превосходными и даже меньшими силами. Но в этих случаях на первый план обычно выступали качественное превосходство войск, смелость и решительность их действий и высокое искусство вождения.

¹ Клаузевиц. О войне, т. II, стр. 439.

На развитие сражений и боев в условиях окружения влияет ряд факторов, среди которых решающее место занимает современная боевая техника. Оперативное искусство и тактика в результате внедрения в армию новой боевой техники получили два могучих фактора: силу удара и скорость.

Используя силу удара и скорость новых средств борьбы, современный полководец может в относительно короткие сроки создавать мощные ударные группировки, быстро обходить или проламывать оборонительные фронты и высокими темпами развивать достигнутый успех, завершая его окружением и разгромом крупных оперативных группировок (оперативное окружение).

Быстрота развития успеха и само оперативное окружение достигаются главным образом силами подвижных войск (мото-механизированные и конно-механизированные соединения), боевой авиации и парашютно-высадочных десантов, направляемых в оперативную глубину окружаемого и действующих в связи с соответствующим маневром своих армий.

Прекрасным подтверждением возможности достижения подобных результатов являются операции Красной Армии на Халхин-Голе (1939 г.) и германские наступательные операции в Бельгии и Франции (1940 г.).

Новые средства борьбы позволяют также успешно осуществлять тактические окружения. Этому способствуют:

- а) воздействие боевой авиации и огонь дальнобойной артиллерии по ближайшим резервам, тылам и путям отхода окружаемого;
- б) прорыв танков в тактическую глубину с целью нарушения управления, сообщений окружаемого с тылом» и атаки его боевого порядка с фланга и тыла;
- в) устройство огнем артиллерии и действиями авиации в тылу окружаемого заграждений, разрушений и химических пробок;
- г) выброска в тыл окружаемого на пути его отхода парашютного десанта.

Для успеха тактического окружения действия специальных родов войск проводятся в тесной связи с соответствующим маневром» своей пехоты.

Необходимо указать, что развитие боевой техники одновременно облегчило окружаемому как противодействие окружению, так и ведение борьбы в условиях окружения. Дальнобойность современных средств атаки и развития успеха вызвала глубокое построение боевых и оперативных порядков борющихся сторон и глубокое эшелонирование их тактических и оперативных резервов. В связи с этим условия прорыва фронта, охваты, обходы и нанесение ударов во фланг и тыл противника с целью его окружения и разгрома значительно осложнились.

Следует также отметить, что современные средства борьбы, связи и сообщения дают возможность:

- а) оказывать помощь окруженным как боевыми действиями авиации, так и выброской или высадкой непосредственно в зоне окружения воздушных десантов;
- б) поддерживать самолетами и по радио постоянную связь окруженных с высшим командованием и соседями;
- в) снабжать окруженные войска по воздуху самыми необходимыми видами материального обеспечения, а в некоторых случаях производить эвакуацию раненых и больных.

Из сказанного следует, что современная техника значительно увеличила шансы успешной борьбы в условиях окружения.

Окружение для корпуса может возникнуть в самых различных условиях обстановки. В обороне корпус может попасть в кольцо окружения, когда вопреки сложившейся обстановке упущена возможность своевременного выхода из боя.

В процессе выхода из боя и отхода корпус может быть окружен при перехвате противником путей его отхода. Это может иметь место вследствие запоздалого отхода, отсутствия мер обеспечения от параллельного преследования и от высадки на путях отхода корпуса авиадесанта противника, а также из-за потери связи и несогласованности в действиях с соседями.

Во встречном сражении обстановка окружения для корпуса может сложиться вследствие искусного маневра противника и при отсутствии у корпуса надлежащего управления и мер боевого обеспечения.

Не исключен и такой случай окружения, когда корпус после успешного прорыва обороны и глубокого вклинения в ее расположение в результате внезапных и сильных контрударов противника по своим флангам лишается сообщения с соседями и тылом. Подобный случай окружения мыслится только при неудачных действиях соседей.

Из военной истории известны случаи, когда окружение необходимым удержать занимаемый район хотя бы ценой потери сообщения с тылом и соседями. В этом отношении блестящим примером является героическая оборона Царицына: с целью разредить очаги южной и восточной контрреволюции Царицын четыре раза оставался в окружении белоказацких войск. Не исключена возможность получения корпусом подобного рода задач и аналогичного образа действий и в современной войне.

Существенное значение для предотвращения окружения имеет характер действий соседей. В одном случае успешные действия соседей могут ее допустить, в другом — их пассивность и преждевременный отход лишь облегчат противнику выполнение маневра окружения. Так, например, под Танненбергом фланговые корпуса самсоновской армии преждевременно отступили и обнажили фланги двух центральных корпусов и этим облегчили противнику их изолированное окружение. Положительные примеры действий соседей дает история гражданской войны. При втором окружении Царицына вовремя подоспевшая с Северного Кавказа Стальная дивизия положила начало последовательному разгрому белоказацких сил, окружавших Царицын.

Созданию обстановки окружения благоприятствует наличие в районе действий корпуса крупных естественных преград, искусно используемых противником в целях окружения. Характерно, что почти все известные крупные окружения состоялись в условиях лесисто-болотистой и горной местности, лишенной обычно удобной дорожной сети. Известны случаи, когда серьезные речные преграды, моря и даже границы с нейтральными государствами способствовали окружению крупных сил.

Приведенные нами возможные случаи окружения такого соединения, как корпус, ни в коей мере ее исчерпывают всего богатства и многообразия условий возникновения окружения в реальной обстановке. Они лишь показывают, что в большинстве случаев корпус может избежать окружения, если управление войсками на всех ступенях командования будет находиться на надлежащей высоте.

Слушатели Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава конницы РККА (ККУКС) 1924/25 (справа налево)

Лежат: 1. Леви, 2. Романенко П. Л. Сидят в первом ряду: 1. Баграмян И. Х., 2. Мысин, 3. Еременко А. И., 4. Сайкин, 5. Баторский М. А., 6. Зубок А. Е., 7. Десметник И. И., 8. Синяков С. П., 9. Гросс

Стоят во втором ряду: 1. Жуков Г. К., 2. ???, 3. Чистяков В. И., 4. Тантлевский Е. Б., 5. Рокоссовский К. К., 6. Савельев М. И., 7. Самокрутов М. В., 8. Гусишев Д. И., 9. Митин

Стоят в третьем ряду: 1. Кайнерт, 2. Бобкин Л. В., 3. Иванов П. С., 4. Мишук, 5. Никитин А. Г.

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОКРУЖЕНИЮ

Окружение обычно достигается применением таких видов маневра, как охват, обход или прорыв. При окружении корпуса эти виды маневра могут меняться как в отдельности, так и в сочетании между собой и с действиями боевой авиации и воздушных десантов.

Окружение такого крупного соединения, как корпус, обычно не возникает внезапно. При хорошо организованной службе боевого обеспечения, согласованных действиях с соседями и четко осуществляемом управлении войсками почти всегда есть возможность выиграть время и организовать соответствующее противодействие наметившейся угрозе окружения.

Наиболее уязвимым местом боевого порядка корпуса являются его фланги, при успешном обходе которых противник получает доступ к тылу и тем самым возможность замкнуть кольцо окружения. Надежное обеспечение открытого фланга должно стать предметом особой заботы командира и штаба корпуса.

Широкий фронт действий корпуса (15—30 км) при довольно глубоком расчленении его боевого порядка значительно затрудняет обход флангов и облегчает борьбу против охватов и неглубоких обходов противника. Однако более или менее надежное обеспечение открытых флангов может быть достигнуто:

- а) организацией наземной и воздушной разведки на открытых флангах;
- б) выделением отрядов обеспечения и резервов, предназначенных для борьбы с обходящими фланги корпуса частями противника;
- в) устройством зон и участков инженерно-химических заграждений, прикрывающих важнейшие подступы к флангам;
- г) выделением противотанкового резерва, способного самостоятельно во взаимодействии с поддерживающей авиацией отразить обходный маневр мото-механизированных войск противника.

При этом надлежит помнить, что одно выдвижение заслонов против обходящих частей противника или удлинение фронта с загибанием его в сторону обходимого фланга обычно не спасает от окружения, а лишь отсрочивает его на некоторое время. Попытки противника к обходу флангов корпуса должны пресекаться решительными контратаками дивизионных и корпусных резервов при поддержке артиллерии, танков и авиации.

При действиях с примкнутыми флангами слабым местом в боевом порядке корпуса могут оказаться его стыки с соседями. Пассивность соседей, их неудача, а тем более преждевременный отход приводят к обнажению флангов окружаемого и облегчают противнику выход на тылы последнего с целью завершения окружения. Наоборот, решительные контратаки соседей, направленные против внешних флангов и тыла обходящей группировки противника, могут не только ликвидировать угрозу окружения, но нередко привести к окружению и разгрому обходящих сил противника. Представление о такого рода парировании окружения дают нам действия Ловичского отряда против группы генерала Шеффера в Лодзинской операции.

Из сказанного следует, что штаб корпуса должен иметь прочную связь с соседями, в процессе боя внимательно следить за развитием событий на фронте их действий и на стыках с ними и в случае необходимости вовремя добиваться от них помощи для противодействия окружению.

Прорыв фронта корпуса часто кладет начало окружению и разгрому его боевого порядка по частям. По мере выявления наиболее опасного направления прорыва для его ликвидации командир корпуса формирует ударную группу. В состав последней он включает свой резерв, придаваемые ему армейские резервы и, в зависимости от обстановки, некоторые части подчиненных соединений. Контрудар этой группы командир корпуса обычно усиливает вводом в бой поддерживающей авиации.

В случае явного недостатка сил для организации контрудара командир корпуса использует свой резерв либо для самостоятельных действий с целью временной задержки развития наступления противника (до подхода армейских резервов ил» до окончания перегруппировки своих сил), либо для усиления одной из дивизий корпуса, на которую выпадает основная задача по ликвидации или локализации прорыва.

Командующий армией обязан путем своевременной организации помощи со стороны соседей и привлечения своей авиации и резервов не допустить окружения подчиненных ему соединений.

Когда будут исчерпаны все средства для противодействия окружению, командир корпуса будет поставлен перед дилеммой: либо отказаться от дальнейшего продолжения боя и, организовав выход из него, уклониться от угрозы окружения, либо подготовиться к продолжению боя в условиях окружения. Нередко в ожидании благоприятного исхода борьбы за ликвидацию угрозы окружения может быть упущено время выхода из боя, и тогда вопреки воле командира корпуса войска окажутся в окружении.

В период назревания угрозы окружения наряду с организацией противодействия ей командир и штаб корпуса всемерно должны стремиться к созданию благоприятных условий для ведения борьбы в условиях возможного окружения. В этот период штаб корпуса разрабатывает в основных чертах план действий корпуса в окружении. Некоторые элементы этого плана по указаниям командира корпуса немедленно осуществляются. К их числу можно отнести:

- а) эвакуацию раненых, больных, аварийной материальной части и наиболее ценного имущества;
- б) подвоз и создание необходимых запасов боеприпасов, горючего, продфуража и инженерно-химического имущества;
- в) захват путем коротких контратак важнейших рубежей и районов местности, удержание которых облегчит борьбу в окружении;
- г) инженерную подготовку и занятие войсками противотанковых районов в узлах дорог, в районах переправ и дефилах как на флангах, так и в тылу корпуса;
- д) установление связи с соседями (по радио, самолетами, через штарм и т. д.) и согласование возможных вариантов взаимодействия по прорыву кольца окружения;
- е) составление заявок в штарм на организацию помощи силами авиации, армейских резервов и действиями соседей.

ДЕЙСТВИЯ В ОКРУЖЕНИИ

Бой в окружении – последнее средство борьбы. По своей воле к нему следует прибегать лишь в исключительных случаях. Крайне нелепо стрелковому корпусу оставаться в окружении, когда это не требуется в интересах общей цели действий армии. Но вместе с тем нельзя допустить уклонения корпуса от борьбы в условиях окружения, когда прочное удержание занимаемого им важного в оперативном отношении района местности отвлекает на себя значительные силы противника и облегчает армии выполнение основной задачи. Нецелесообразно предпринимать выход из окружения в тех случаях, когда вследствие неблагоприятно сложившейся обстановки единственным средством спасения окруженных является их отсиживание в кольце окружения до выручки извне.

Таким образом, в зависимости от обстановки бой корпуса в условиях окружения может преследовать одну из следующих целей: удержание занимаемого района местности с целью облегчения действий главных сил своей армии, прорыв расположения противника и выход из окружения с целью присоединения к своим войскам, отсиживание в кольце окружения до выручки извне.

Установление цели и характера действий корпуса в окружении будет зависеть от целого ряда обстоятельств. Среди них решающими явятся сущность изменившейся обстановки и та новая роль в операции, которая выпадает на корпус в результате его окружения противником.

Действия корпуса в окружении с целью удержания занимаемого района чаще всего будут возникать при ведении им оборонительного боя. Желание расколоть оперативное построение наступающего на отдельные, изолированные друг от друга части и получить выгодные условия для перехода в контрнаступление против разбегившихся групп его боевого порядка будет диктовать необходимость удержания во что бы то ни стало отдельных оперативных важных районов местности в пределах тактической зоны обороны. Осуществление этого вполне закономерного желания при современных средствах наступления нередко будет приводить к окружению обороняющегося. Разумеется, подобное окружение корпуса может быть допущено лишь в том случае, когда ожидается переход главных сил армии в контрнаступление. В противном случае корпус, очутившийся вопреки своей воле в окружении, должен, не теряя времени, предпринимать выход из него с целью присоединения к своим войскам.

Окружение корпуса может возникнуть также в обстановке выхода из боя и отхода. Совершенно очевидно, что при этом корпус всемерно будет стремиться вырваться из кольца окружения. Но при крайне неблагоприятно сложившейся обстановке не исключается возможность его перехода к круговой обороне тактически выгодного района местности с целью выжидания выручки извне.

Во всех случаях корпус, очутившийся в кольце окружения, независимо от предстоящей цели действий должен в первую очередь достигнуть устойчивости своего боевого порядка путем:

а) правильного построения и организации взаимодействия между элементами боевого порядка;

б) четкой организации всех видов боевого обеспечения;

в) целесообразного использования выгод местности и искусственных препятствий.

Боевой порядок корпуса, ведущего бой в окружении с целью удержания занимаемого района, строится в полном соответствии с выполняемой задачей и с особенностями сложившейся обстановки. Важно в первую очередь сохранить свободу маневрирования путем, захватами удержания за собой достаточного пространства. Всемерно следует избегать сосредоточения окруженных войск на слишком узком пространстве, доступном сквозному простреливанию.

Необходимость организации круговой обороны чрезмерно удлиняет общее протяжение линии фронта и требует большого расхода сил и средств. Поэтому в целях экономии сил невыгодно располагать войска сплошным фронтом. Оборону занимаемого района следует строить на принципе удержания отдельных, наиболее важных в тактическом отношении местных предметов с оставлением между ними свободных промежутков, прикрытых заграждениями и простреливаемых перекрестным огнем. При таком построении обороны можно сохранить большую часть сил и средств в ударных группах стрелковых полков и дивизий, а также в руках командира корпуса в виде резервов (общевойсковой и противотанковой) и группы АДД. Это позволит совершать широкий маневр огнем артиллерии и быть готовым к проведению контратак во всех направлениях, где возможен прорыв противника в расположение окруженных.

Боевой порядок корпуса должен опираться на систему полковых и дивизионных противотанковых районов, связанных между собой противотанковыми рубежами и системой перекрестного огня артиллерии и станковых пулеметов. Как правило, ударные группы полков и дивизий, корпусные резервы, огневые позиции основной массы артиллерии, а также тыловые части и сложенные на грунте запасы огнеприпасов, горючего и продовольствия должны быть расположены в пределах этих районов. Здесь же должны быть размещены основные и запасные командные пункты и подготовлены площадки для посадки самолетов связи, а при возможности — боевых и транспортных самолетов.

В целом боевой порядок корпуса при бое в окружении с целью удержания занимаемого района может быть таким, как изображено на схеме 1.

Общее протяжение фронта круговой обороны для трехдивизионного корпуса при диаметре кольца окружения в 9—10 км может дойти до 60 км. Каждая стрелковая дивизия получает обычно сектор обороны, внешний обвод которого в зависимости от важности направления может колебаться в пределах 10—20 км.

Большая часть дивизионной артиллерии централизуется. Корпусная артиллерия составляет обычно одну общую группу АДД. Вся артиллерия, за исключением отдельных батарей и дивизионов, приданных стрелковым батальонам и полкам, должна иметь большое количество запасных огневых позиций с круговым наблюдением и обстрелом. Она должна сохранять постоянную готовность (без больших передвижений) к ведению огня большей частью своих батарей в нужном направлении.

При постановке задач артиллерии и выборе способов их выполнения как общевойсковые командиры, так и артиллерийские начальники должны считаться с ограниченностью запаса боеприпасов.

Основной задачей танков является участие совместно с пехотой или самостоятельно в контратаках, проводимых с целью расширения плацдарма для действий своих войск, срыва подготавливаемых противником атак, разгрома пехоты и особенно танков противника, прорвавшихся в расположение своих войск. Танки до их ввода в бой обычно остаются в руках командира корпуса как ударное средство.

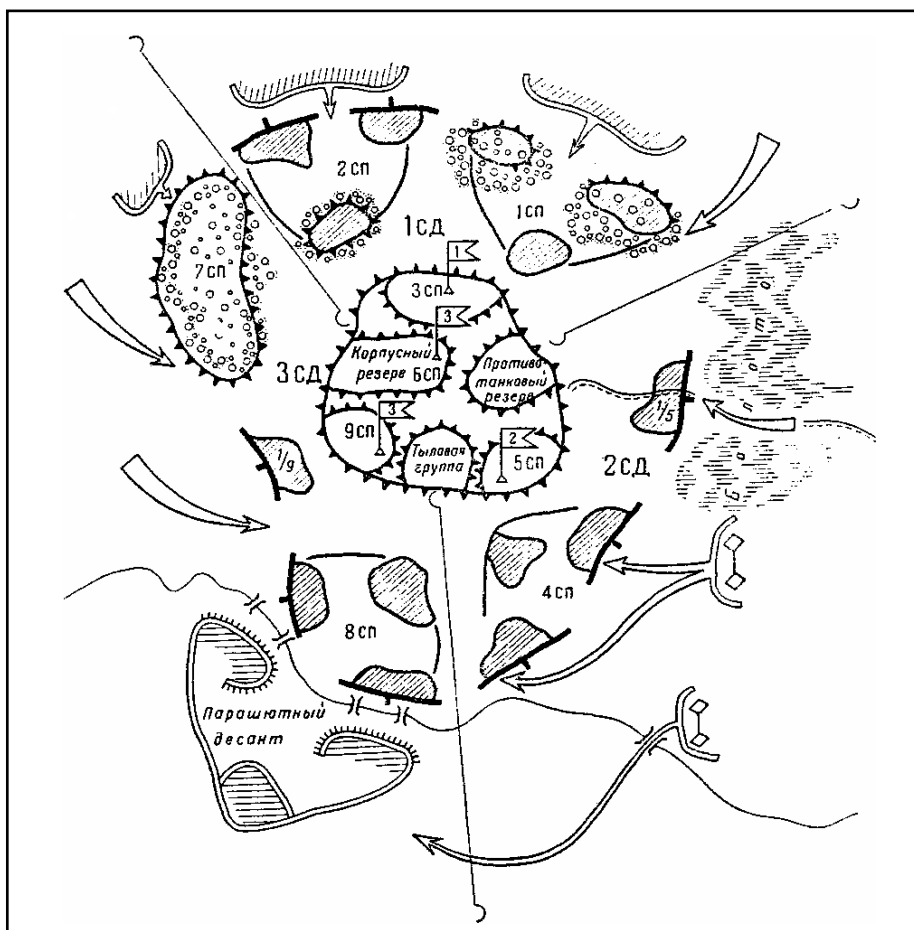

Схема 1. Боевой порядок стрелкового корпуса при бое в окружении с целью удержания занимаемого района

Штаб на основе указаний командира корпуса разрабатывает возможные варианты боевого использования танков как самостоятельно, так и совместно с ударными группами дивизий и корпусным резервом. Командиры танковых частей намечают и рекогносцируют для каждого варианта действий районы исходных позиций танков и пути выхода к ним.

Для борьбы против танков противника в соответствии с планом противотанковой обороны в глубине своего расположения исходные позиции танков оборудуются специальными ровиками для ведения огня по атакующим танкам противника.

В процессе боя танки с момента их выхода в районы исходных позиций переподчиняются командирам ударных групп, с которыми они должны участвовать в контратаке.

Боевая авиация содействует окруженным в уничтожении наступающего противника, направляя свои основные удары по его вторым эшелонам, артиллерии, танкам и подходящим резервам. Она может быть привлечена к поддержке контратак ударных групп. На истребительную авиацию выпадает задача прикрытия от нападений с воздуха своих войск, особенно артиллерии, ударных групп и резервов.

Для обеспечения правильного использования авиации и установления ее взаимодействия с окруженными войсками при штабе корпуса необходимо иметь представителя штаба поддерживающего авиасоединения. Последний

может прибыть по воздуху и спуститься в расположении окруженных при помощи парашюта или путем посадки самолета².

При действиях в окружении разведка имеет целью:

- а) вскрыть тактическую группировку войск противника и его ближайшие намерения;
- б) установить, какими силами и на каких направлениях возможен прорыв противника в расположение окруженных;
- в) определить наиболее слабые участки в кольце окружения;
- г) своевременно обнаружить все изменения в группировке противника и определить подход к полю боя новых сил.

Основой противотанковой обороны в условиях окружения является система преимущественно естественных противотанковых районов и рубежей, усиленных Искусственными препятствиями и обороняемых огнем противотанковой артиллерии.

Командир корпуса определяет противотанковые районы, распределяет между дивизиями имеющиеся инженерные средства и определяет срок готовности первоочередных работ. Для борьбы против танков противника, прорвавшихся в расположение окруженных, он оставляет в своих руках все танковые части и выделяет противотанковый резерв.

Для организации противовоздушной обороны окруженных войск корпусная зенитная артиллерия должна наиболее плотно прикрыть расположение ударных групп, танков и артиллерии. Зенитные средства дивизий и полков, усиливая и дополняя огонь корпусной зенитной артиллерии, прикрывают в первую очередь расположение своих ударных групп.

Истребительная авиация привлекается как для непосредственного усиления зенитной обороны, так и для борьбы с авиацией противника на подходах к зоне окружения. Штаб корпуса обязан организовать взаимодействие между зенитной артиллерией и истребительной авиацией.

Противохимическая оборона войск организуется распоряжением командиров дивизий и отдельных частей. Штаб корпуса в случае надобности заботится о подвозе по воздуху необходимых средств противохимической защиты.

Основная задача инженерной службы — возможно быстрее подготовить условия для противопехотной и особенно противотанковой обороны войск. Если корпус оказался в окружении в процессе ведения оборонительного боя, то для организации круговой обороны в максимальной степени следует использовать все противотанковые районы и другие оборонительные сооружения главной и тыловой оборонительных полос, а также отсечных позиций между ними. В случае необходимости для дополнения круговой обороны на флангах и в ближайшем тылу корпуса в кратчайший срок должны быть созданы противотанковые районы и рубежи.

При окружении корпуса в процессе отхода для организации круговой обороны должны быть использованы в первую очередь все естественные противотанковые районы и рубежи. Для их усиления широкое применение должны получить легко устраиваемые противотанковые и противопехотные препятствия.

Материальное обеспечение войск в обстановке окружения является делом исключительно трудным» и сложным. Обычно с завершением окружения подвоз и эвакуация по грунту полностью прекращаются. Пополнение расходующихся запасов оказывается возможным только транспортировкой материальных средств по воздуху. Возможность снабжения войск в условиях угрозы окружения воздушным транспортом с особой наглядностью показывает опыт боевых действий германской армии в Норвегии (Нарвик).

Однако возможности подвоза по воздуху материальных средств для таких крупных соединений, как стрелковый корпус, все же крайне ограничены, особенно, если транспортные самолеты лишены возможности совершать посадки в расположении окруженных. Поэтому еще при назревании угрозы окружения должны быть предприняты всевозможные меры для пополнения подвижных запасов войск и для создания необходимых запасов на грунте. В этот же период необходимо эвакуировать из расположения войск всех раненых, больных, ава-

² В подобной обстановке важно иметь не представителя авиации, а надежную связь с последней по радио. — Ред.

рийную материальную часть и наиболее ценное имущество. Для того чтобы не стеснять маневра войск в окружении, при них оставляется строго ограниченное количество повозок, автомашин и других средств тылового обеспечения.

Особое значение приобретает строжайший учет и контроль за экономным расходованием всех запасов. По указаниям командира корпуса штаб, сообразуясь с обстановкой, наличием запасов и перспективами их подвоза по воздуху, устанавливает жесткие нормы расхода запасов и строго следит за их выполнением.

Бой в условиях окружения принимает самые острые формы и протекает в сложной и быстро меняющейся обстановке.

Для непрерывного управления войсками штаб корпуса обычно развертывает сеть командных и наблюдательных пунктов (основных и запасных), обеспечивающих круговое наблюдение и быстрый перенос правления на любое направление. Личное общение командира корпуса с командирами подчиненных соединений облегчается близостью расположения друг от друга командных пунктов. Целесообразно назначение командиров штаба в качестве ответственных лиц за отдельные участки фронта.

Общие боевые приказы, как правило, не отдаются. Управление боем базируется на отдаче коротких частных приказов, передаваемых исполнителям через командиров штаба, делегатов и путем личного общения.

Непрерывность связи с подчиненными соединениями, помимо проволочных средств связи и радио, обеспечивается широким применением таких видов связи, как танки, бронемшины, конные ординарцы и т. д. Связь с соседями и штабом поддерживается по радио и самолетами связи.

ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

При выходе из окружения требуется путем стремительного наступления прорвать расположение противника, чтобы вернуть себе утраченные пути отхода.

При возникшем в процессе отхода окружении корпуса выход из него обычно должен предприниматься возможно скорее, без потерн лишнего времени на подготовку. Здесь необходимо серьезно считаться с тем, что окружающий использует каждую выигранную минуту, чтобы как можно прочнее замкнуть кольцо окружения.

Иногда выходу из окружения может предшествовать более или менее длительное пребывание) корпуса в кольце окружения. В этих случаях успех выхода из окружения во многом будет зависеть от подготовки прорыва и внезапности его выполнения. Здесь выигрыш времени не будет иметь особенно большого значения, и поэтому, как правило, подготовка прорыва будет вестись в более длительные сроки времени.

Однако, в каких бы условиях ни совершался выход из окружения, он должен всегда носить организованный и планомерный характер. В его основе должен лежать хорошо продуманный, простой и четкий план действий, доведенный до каждого ответственного исполнителя.

Успеху выхода корпуса из окружения в значительной мере способствуют:

- а) удачный выбор направления выхода из окружения;
- б) сосредоточение к намеченному пункту прорыва превосходных сил и средств и организация четкого взаимодействия между ними и с поддерживающей авиацией;
- в) прочное удержание за собой необходимого маневренного пространства на флангах и в тылу группы, совершающей прорыв;
- г) организация демонстраций с целью введения противника в заблуждение в отношении действительного направления выхода из окружения;
- д) использование ночи, непогоды и естественных масок местности в целях, скрытия перегруппировок и подготовки войск к прорыву и для обеспечения внезапности действий;
- е) согласованность в действиях с соседями и подходящими на выручку подкреплениями;
- ж) быстрота и решительность в действиях войск и непрерывность и гибкость в управлении ими.

Для правильного определения направления выхода из окружения командир корпуса должен иметь отчетливое представление о силах, группировке и степени боеспособности противника, о характере местности и силе укреплений как

на отдельных участках окружения, так и во всей его цепи, о состоянии собственных войск, о положении, группировке и удалении от кольца окружения соседей и оперативных резервов своей армии. Только после детального изучения и уснсения всей суммы перечисленных вопросов можно установить наиболее целесообразное направление выхода из окружения. При этом не всегда наиболее выгодное направление для выхода из окружения будет совпадать с кратчайшим направлением.

При современных средствах связи (радио и самолеты связи) очень часто направление и время выхода корпуса из окружения будут указываться командующим армией. Его же распоряжением должна быть организована помощь выходящим из окружения войскам активными действиями соседей, оперативных резервов и боевой авиации.

Легче всего можно выйти из окружения под покровом ночной темноты. Ночь позволяет скрыть от противника перегруппировку сил и подготовку прорыва, а также обеспечивает внезапность действий. Однако условия обстановки нередко потребуют от окруженных войск готовности к выходу из окружения и днем.

Боевой порядок корпуса для выхода из (окружения строится в полном соответствии с принятым решением на прорыв кольца окружения противника. Он состоит из группы войск, осуществляющих прорыв, группы обеспечения выхода из окружения, тыловой группы и частей, выделенных в резерв командира корпуса.

В основе распределения сил и средств между элементами боевого порядка лежит требование сосредоточения превосходящих сил и средств на направлении прорыва при сохранении за собой необходимого маневренного пространства на флангах и в тылу группы прорыва.

В группу прорыва включается не менее половины всех сил корпуса с приданой ей основной массы артиллерии и танков. Группа прорыва разворачивается и действует подобно ударной группе корпуса в наступательном бою в маневренных условиях. Для обеспечения флангов группы из состава ее частей выделяются сильные заслоны, которые с проходом в прорыв первых эшелонов пехоты своими активными действиями расширяют образовавшиеся «ворота» в сторону флангов. Общее руководство соединениями, входящими в состав группы прорыва, командир корпуса оставляет за собой.

В состав группы обеспечения выделяется обычно меньшая часть сил и средств корпуса. Части группы обеспечения, опираясь на систему инженерно-химических заграждений и применяя методы обороны на широком фронте, прикрывают основные направления сильными отрядами, объединяясь в полковые, а иногда и в один дивизионный участок. Эти участки располагают своими частными резервами.

В руках командира корпуса оставляются корпусной резерв силой в два-три усиленных батальона пехоты и подвижный противотанковый резерв, состоящий из танков, противотанковой артиллерии, подразделений саперов и запаса противотанковых мин. Резервы располагаются в центре боевого порядка корпуса и сохраняют полную готовность как к отражению танков и пехоты противника, прорвавшихся на фронте действий группы обеспечения, так и для поддержки и, развития успеха группы прорыва.

Тыловая группа располагается в центре боевого порядка корпуса, сохраняя готовность к немедленному выдвижению в прорыв вслед за частями группы прорыва. По указанию командира корпуса все имущество, которое не может быть вывезено, организовано уничтожается.

Основные усилия боевой авиации сосредотачиваются на содействии наступлению группы прорыва. Бомбардировочная и штурмовая авиация наносит удары по боевым порядкам противника, срывает его контратаки и одновременно изолирует участок прорыва от подхода подкреплений противника. Истребительная авиация прикрывает с воздуха развертывание и бой войск группы прорыва. Не исключена возможность применения отдельных эскадрилий боевой авиации, в том числе и истребительной, для поддержки частей группы обеспечения, потерявших; устойчивость сопротивления.

Построение боевого порядка стрелкового корпуса при выходе из окружения может быть таким, как изображено на схеме 2.

При прорыве ночью на всем фронте соприкосновения с противником под-

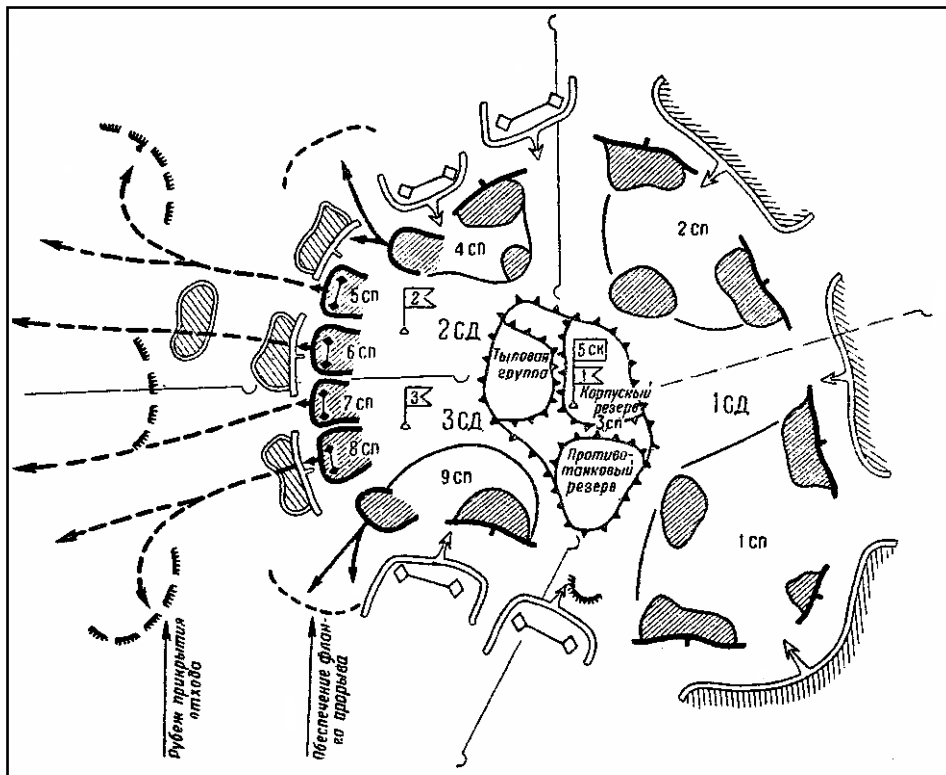

Схема 2. Боевой порядок стрелкового корпуса при выходе из окружения

держивается обычная деятельность войск. Для введения противника в заблуждение эти действия на некоторых участках дополняются хорошо продуманными и энергично проводимыми демонстрациями. В назначенное время части группы прорыва, соблюдая строжайшую дисциплину и порядок, бесшумно атакуют противостоящего противника. С началом атаки отдельные орудия и батареи полковой и дивизионной артиллерии сопровождают пехоту колесами и огнем». Основная часть артиллерии по заранее составленному плану ведет огонь по важнейшим целям, применяя для этого метод последовательных сосредоточений огня. Для прикрытия флангов прорыва от возможных контратак артиллерия должна быть готова к окаймлению флангов неподвижным заградительным огнем.

Днем прорыву предшествуют демонстративные действия и короткая артиллерийская подготовка. Пехота, поддерживаемая всей мощью огня артиллерии и боевой авиации, атакует противника совместно с танками и, используя всякую брешь в его расположении, настойчиво продвигается вперед.

С прорывом кольца окружения вслед за пехотой последовательно выводятся в образовавшиеся «ворота» артиллерия и тыловые части. По выходе из окружения часть войск из группы прорыва поворачивается для удара во фланг и тыл противника с целью расширения прорыва и обеспечения беспрепятственного выхода из окружения остальных частей корпуса. Большая же часть войск группы прорыва, выделив органы разведки и походного охранения, устремляется безостановочно вперед, поддерживая при этом постоянную готовность к развертыванию и вступлению в бой против новых частей противника, пытающихся преградить пути отхода. В этот период может завязаться ряд встречных столкновений со свежими частями противника, направляемыми для восстановления кольца окружения.

Действия частей группы обеспечения до осуществления прорыва должны носить характер упорной обороны. С прорывом же кольца окружения эти части переходят к подвижной обороне и, последовательно занимая ряд рубежей, прикрывают выход из окружения главных сил корпуса.

Еще раз о военной футурологии*

*Генерал-майор в отставке И.Н. ВОРОБЬЕВ,
доктор военных наук, профессор*

ВОРОБЬЕВ Иван Николаевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, почетный профессор Военной академии имени М.В. Фрунзе, действительный член Международной академии информатизации и Академии военных наук — родился 22 июня 1922 года. Участник Великой Отечественной войны — с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. В годы войны прошел боевой путь от курсанта до майора — командира стрелкового батальона. За отличия в боях награжден тремя орденами, в том числе орденом Красногo Знамени. В общей сложности имеет 25 правительственных наград.

В Вооруженных Силах СССР с 1940 года. В 1950 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе с отличием и золотой медалью; в 1955 году — адъюнктуру академии. Проходил службу на преподавательской работе на кафедре тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе в течение 17 лет и служил в научном подразделении Генерального штаба ВС СССР 16 лет. В войсках занимал должность заместителя командира дивизии.

В настоящее время — профессор Общевоинской академии ВС РФ. Автор более двухсот научных работ по тактике и оперативному искусству, среди них — капитальные военно-теоретические труды «Принципы общевоинского боя», «Военная футурология»; является соавтором трудов «Тактика» из серии «Библиотека офицера», «Боевые действия в особых условиях», «Боевые действия ночью», «Методология военно-научного познания», «Культура военного мышления», «Боевые действия в вооруженном конфликте», «Тактика миротворческих сил», «Контртеррористическая операция», «Тактика общевоинского боя»; ежегодно выступает на страницах журнала «Военная Мысль». Ряд его статей удостоен Первой премии министра обороны РФ. За цикл работ о тактике И.Н. Воробьеву в 2000 году присуждена премия Академии военных наук имени А.А. Свечина.

ФУТУРОЛОГИЯ «как область научных знаний, ставящая целью предвидение будущего развития человеческого общества и отдельных сфер жизни общества»¹, в советский период получила, также как и наука кибернетика, резкое неприятие по идеологическим мотивам. В видных философских трудах отмечалось: «Марксизм-ленинизм отвергает буржуазную футурологию, поскольку она не имеет предмета исследования»².

Такое ортодоксальное отрицание нового научного направления надолго затормозило у нас его развитие и нанесло ощутимый ущерб, в частности, военной науке. Возможно, по этой причине военная футурология и сейчас находится как бы в «подвешенном состоянии». Наша попытка привлечь внимание к этой проблеме пока оказалась безрезультатной, видимо, недостаточно убедительными были аргументы. Попытаемся дополнить и расширить их.

* **От редакции.** По данной теме генерал И.Н. Воробьев уже выступал во втором номере журнала в 1996 году со статьей «Военная футурология как особая форма военного предвидения». Автор в последующем продолжил работать над этой темой. Его монография «Военная футурология», изданная в 1997 году в Военной академии имени М.В. Фрунзе, затем была доработана и дополнена в соавторстве с доктором военных наук, профессором В.В. Кругловым и издана под названием «Основы военной футурологии» в 2000 году. В переработке третьего издания монографии принял участие еще один автор — доктор космологии, доктор военных и физико-математических наук А.И. Суптель. Монография с их соавторством под названием «Военная футурология» ограниченным тиражом издана в 2001 году в Общевоинской академии ВС РФ и Военной академии им. Петра Великого.

Как истинный энтузиаст от науки И.Н. Воробьев неудовлетворен тем, что военная футурология до сих пор находится у нас «на обочине» военной науки, и просит дать ему возможность еще раз выступить с аргументированной статьей по этому поводу.

¹ См. Словарь русского языка. Изд. 2-е, М.: Изд. «Русский язык», 1984. Т. 4. С. 589.

² Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики. М.: Воениздат, 1982. С. 147.

Поставим вопрос так: почему все же нужна некая «наука о будущем», или, как ее называли изначально, «прогностика», «футуристика», а позже — «футурология»? Определенным толчком к зарождению такой науки явились явные провалы в области военных прогнозов, с особой яркостью проявившиеся в части определения продолжительности и характера Второй мировой войны. Это побудило ученых к поиску принципиально новых методов политического, военного и социологического прогнозирования. Положение еще более усугубилось уже в наше время, когда кончилась эра «классических» войн и началась полоса войн новой технологической эпохи — эпохи информатики, космоса, электроники, робототехники, искусственного интеллекта.

Сравнительно небольшие по пространственному размаху локальные войны последних десятилетий (имеются в виду война в зоне Персидского залива 1991 года и война в Ираке в 2003 году) оказались непредсказуемыми для военной теории из-за нетрадиционного способа их ведения. Это еще раз подтверждает, что выработанные ранее методы прогнозирования военных событий далеки от совершенства. Стало очевидным, что необходимо не просто делать упор на интуитивное предвидение, а изыскать более эффективные методы прогнозирования, которые отмечались бы высокой степенью обоснованности, научной аргументированностью, логичностью и объективностью. Все это семь десятилетий назад стало причиной формирования новой ветви в науке в виде футурологии.

Полагаем уместным привести примеры того, какой резонанс в зарубежных странах имело развитие новой методологии прогнозирования не только для военных целей, но и целей экономики. Прагматичные американцы еще на стадии зарождения новой прогностической науки сумели оценить, какую «выгоду» можно получить, если оперативно использовать данные, содержащиеся в прогнозах. По их утверждениям, каждый доллар, вложенный в разработку прогнозов, через короткое время оборачивается пятьюдесятью долларами чистой прибыли³. Такая выгода, посчитали они, возможна не только в экономике. В послевоенное время Америку охватил настоящий футурологический бум, стал быстро увеличиваться поток прогностических исследований — издано немало трудов по этой проблематике, наибольшую популярность среди которых получили: «Экономические прогнозы и принятие решений» Г. Тейла (1965), «12 способов предсказания» Д. Белла (1964), «Социальная технология» О. Гелмера (1966), «Прогностика» Ф. Полака (1968), О. Тоффлера «Футурошок», «Экоспазм» (1975), «Третья волна» (1980).

В военной области настоящего потрясения имели работы Г. Канна «О термоядерной войне» (1960), «Размышления о немыслимом» (1965), «Об эскалации» (1966), «Год 2000» (1967).

Одновременно в США стали создаваться многие исследовательские прогностические учреждения, в том числе крупнейшая корпорация «Рэнд корпорейшн», а также специализированные фирмы, названные «торговцами прогнозов». К 1965 году число американских учреждений, занимающихся разработкой только научно-технических прогнозов, достигло трехсот, а к 1967-му году это число удвоилось⁴.

Особое внимание уделялось развитию прогнозов в оборонной области. При командованиях видов вооруженных сил были созданы научно-исследовательские центры по прогнозированию. Так, при командовании ВВС в таком центре в 1960-х годах насчитывалось более 5000 экспертов-прогнозистов⁵.

Футурология как новое направление в науке оказала свое влияние и в западноевропейских странах. Так, в ФРГ в 1960-х годах только для экономического прогнозирования было создано 27 институтов. Нечто подобное имело место и в Великобритании, Франции, Италии и Японии⁶.

В Советском Союзе, хотя футурология официально и не признавалась, прогностические исследования в экономике, социологии, политологии, информатике проводились довольно успешно. В 1960–70-х годах вышло в свет большое число трудов

³ См. Фесенко Р. «Бум прогнозов» в США // *Мировая экономика и международные отношения*. 1968. № 3.

⁴ Бестужев - Лад а И.В. *Окно в будущее*. М.: Изд. «Мысль», 1970. С. 253.

⁵ Вопросы внешнеполитического прогнозирования. М.: АА СССР, 19809. С. 372.

⁶ Бестужев - Лад а И.В. *Окно в будущее*. С. 252–258.

по этой проблематике, в числе которых получили известность работы Г.М. Доброва «Прогнозирование науки и техники» (1969), И.В. Бестужева-Лада «Окно в будущее» (1970), В.В. Косолапова «Информационное обеспечение и прогнозирование науки» (1970), В.А. Лисичкина «Отраслевое научно-техническое прогнозирование» (1971), С.А. Саркисяна «Теория прогнозирования и принятия решений» (1977).

Развитие теории прогнозирования в военной области происходило в русле других общественных наук по общим законам материалистической диалектики, и здесь были достигнуты ощутимые научные результаты. Так, в 1950—60-х годах в связи с принятием на оснащение Вооруженных Сил ракетно-ядерного оружия были в кратчайшие сроки выработаны принципиально новые взгляды на характер вооруженной борьбы будущего, роль и место в них видов Вооруженных Сил и родов войск. Практически в это время была заново разработана стратегия ведения широкомасштабной войны в новых условиях.

В 1970—80-х годах, когда произошел резкий скачок в развитии информационных и управляющих систем, появились военно-космические средства и наметился крупный прорыв в развитии обычных средств борьбы, когда происходила форсированная разработка и массовое внедрение в войска систем управляемого высокоточного оружия, советская военная наука в основном верно сумела определить новые ориентиры в военном строительстве, обеспечении боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил.

В 1970—80-х годах у нас было издано большое количество военно-теоретических трудов по прогнозированию, среди них: М.И. Чередниченко «Теория и практика военного прогнозирования»⁷, Ю.В. Чуева, Ю.Б. Михайлова «Прогнозирование в военном деле»⁸, «Методология военно-научного исследования»⁹, И.Г. Завьялова «Скорость, пространство, время»¹⁰. Обобщая, можно сказать, что к концу 80-х годов прошлого столетия военное прогнозирование превратилось в общепризнанную отрасль военной науки. Об этом свидетельствует тот факт, что было разработано свыше 150 различных методов военного прогнозирования. Среди них — методика расчета соотношения сил и средств по так называемым потенциалам. Но не все проходило гладко.

Наибольшие достижения в области прогнозирования были отмечены в тех областях, которые поддаются количественным исчислениям (например, развитие систем вооружения, определение боевого потенциала группировок войск, военно-экономических возможностей сторон, соотношения сил и средств и др.). Там же, где необходимо применять качественные показатели (а это сердцевина оперативной-стратегических расчетов), прогнозирование не в полной мере отвечало потребностям военной практики. Наиболее ярко это проявилось, когда Вооруженные Силы столкнулись с необходимостью вести военные действия в нестереотипных ситуациях — в Афганистане и на Северном Кавказе.

Советская военная теория не сумела с упреждением разработать рекомендации войскам по противоборству с иррегулярными вооруженными формированиями, применявшими партизанские, диверсионно-террористические методы действий. А если заглянуть в недалекое прошлое, то для нас оказались непредсказуемыми многие из тех новых форм и способов вооруженной борьбы, которые зародились в войнах в Корее, Вьетнаме, на Ближнем Востоке.

Как видим, наряду с достижениями в отношении развития методологии прогнозирования были и очевидные провалы, и чтобы они не стали негативной тенденцией, требуется сосредоточить усилия для очередного научного «рыбка» в этой области, чтобы футурология, как и в ведущих зарубежных государствах, заняла свое место на иерархической лестнице военно-научного познания. Недопустимо, чтобы отечественная военная наука теряла свои позиции и утрачивала, пожалуй, самую важную свою функцию — прогностическую. Это означало бы кризис военно-теоретической мысли.

Становится очевидным, что зарождение и развитие военной футурологии — это объективный процесс. Его можно охарактеризовать как определенный качественный рубеж в развитии военно-теоретической мысли. ***В отличие от интуитивного предвидения футурология предполагает использование всего обширного***

⁷ Чередниченко М.И. Теория и практика военного прогнозирования. М.: ВАГШ, 1989.

⁸ Чуев Ю.В., Михайлов Ю.Б. Прогнозирование в военном деле. М.: Воениздат, 1975.

⁹ Методология военно-научного исследования. М.: Воениздат, 1977.

¹⁰ Завьялов И.Г. Скорость, пространство, время. М.: Воениздат, 1970.

арсенала разработанных методологических средств не только в военной области, но и в других науках. Она интегрирует, суммирует накопленный опыт в методах прогнозирования, вырабатывает стратегию научного поиска, выступает как научная система более высокого уровня, охватывающая все отрасли военно-научных знаний, а поэтому имеет универсальный характер. Конечно, нельзя не учитывать, что военно-прогностические исследования имеют свою специфику: они далеко не всегда могут подтверждать свои выводы, гипотезы математическими расчетами — их инструментарий, в основном, логический.

Разработанные к настоящему времени методики поисковых и нормативных прогнозов открывают немалые перспективы для заглядывания вперед в области развития теории и практики военного искусства. Тем не менее, их возможности в долгосрочном прогнозировании весьма ограничены. Требуется более совершенная методология прогностических поисков, которая обеспечила бы взаимоувязанность и соподчиненность прогнозов различных уровней иерархии объекта прогнозирования (войны, операции, сражения, боя), непрерывность процесса исследования, согласованность различных выводов прогнозов, выявление возникающих противоречий и путей их разрешения, корректирование полученных результатов прогноза.

Военная футурология пока что не вошла в обиход военной теории и практики во многом потому, что ее научный аппарат не полностью сформировался.

Нужно разработать своего рода «Рабочую книгу (учебник) по методологии прогнозирования», где аргументировано обосновать, насколько важно на современном этапе определять новые ориентиры в военной теории, когда устаревают выработанные в прошлом, казалось бы, незыблемые постулаты в стратегии, оперативном искусстве и тактике. Такой предмет, как «Военная футурология», должен органически войти в систему военного образования в высших военно-учебных заведениях России, поскольку овладение выработанной мировой и отечественной практикой методологией военно-научного познания важно не только для отдельных специалистов-прогнозистов, но и для практической деятельности командиров, офицеров штабов по управлению войсками.

В «Рабочей книге (учебнике)» по прогнозированию целесообразно изложить, как исторически формировалась методология военно-научного познания; как происходил процесс перехода от интуитивных поисков к созданию научного фундамента методологии военного познания и предвидения; какие имели место достижения и неудачи военно-научной мысли в XX веке; какие уроки и выводы вытекают из этого; каково современное состояние военного прогнозирования; изложить и обосновать методологические принципы военной футурологии, методы и модель прогнозирования вооруженной борьбы, необходимость системного подхода к ее исследованию; какова концептуальная система законов вооруженной борьбы, математическое представление таких законов.

«Рабочая книга (учебник)» может стать настольной книгой для генерала, офицера, если в ней будут изложены практические рекомендации по методологии исследования и прогнозирования стратегии, оперативного искусства и тактики.

Задача не ставится так, чтобы найти некий «эликсир прогноза», чтобы преодолеть «таинственную завесу времени», но пробивать «окно в будущее», познавать такое архисложное явление, как вооруженная борьба, какое влияние на ее характер окажут самые последние открытия в науке, перспективных средствах борьбы — это непреходящая задача военной науки. Без этого невозможно целенаправленно разрабатывать военную доктрину, планировать на долгие годы вперед военное строительство, реформировать Вооруженные Силы.

Военная футурология призвана выполнять не только предсказательную функцию, некую роль пророчества, прорицания, предугадывания и предвосхищения будущего, но и созидательную — «окрылять военную практику» новыми идеями. Ее методологический инструментарий — методы прогнозирования, которые, однако, нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Представляется, что в первую очередь требуется обратить внимание на такие методы поисковых прогнозов, как *экстраполяция, корреляционные, системные и факторные анализы, теория математического моделирования, военные игры, метод аналогий.*

Особое место в этом ряду занимает *метод экстраполяции*, дающий возможность, опираясь на использование достижений в кибернетике, определять но-

вые ориентиры движения вперед, в том числе на отдаленное будущее. Широко распространенные в настоящее время *методы системного, факторного анализа* нуждаются в совершенствовании, с тем чтобы они способствовали выработке рациональной военной политики, определению перспективных стратегических направлений оборонного строительства, выявляли тенденции и закономерности развития военного дела с учетом возможных новых технических прорывов.

Здесь не обойтись без использования последних достижений точных наук, социологии, политологии, военной статистики, военно-инженерной психологии.

Несомненно, в выработке новой методологии военно-научного познания футурология должна опираться на прочный и испытанный фундамент — *методы материалистической диалектики*, способствующие более глубокому познанию законов и закономерностей происходящих военных процессов на переломном этапе их развития. Футурология по своей сути является философской прогностической наукой, поскольку ее принципы, составляющие «опорную сеть» научных исследований, всецело вытекают из принципов диалектики — это единство анализа и синтеза, индуктивных и дедуктивных методов; всесторонность исследования; аргументированность и объективность выводов; активная поисковая направленность; использование военно-исторического опыта.

Образно говоря, футурологический прогноз — это «прыжок через разрыв информации», обнаружение сущности грядущих военных явлений при очевидной неполноте исходных данных.

В этой связи позволительно сослаться на один из «законов» известного английского публициста и политолога С.Н. Паркинсона, отличающегося парадоксальностью формулировок, их остроумным содержанием. Он пишет, что «хороший руководитель находит правильное решение при недостатке информации, выдающийся — при ее отсутствии».

С.Н. Паркинсон в данном случае имеет в виду интуитивный подход — предугадывание, предвосхищение будущего на основе подсознательного опыта, дающего определенную возможность делать более или менее верные предположения. Но футурология не могла бы претендовать на статус науки, если бы основывалась только на интуиции и догадках.

Эвристическое предвидение по условной градации можно отнести только к **первому уровню** научной вероятности, **второй уровень** — расчетное прогнозирование, использующее математическое моделирование, электронную вычислительную технику, автоматизированные системы, и **третий уровень** — футурологические исследования. Естественно, каждая из этих категорий имеет свою специфику, свою глубину исследования, свои методы. Их взаимосвязь основывается на принципе диалектики.

Приведем еще один «закон» С.Н. Паркинсона: «Умение рисковать — это умение проводить границу между оправданным и неоправданным риском в каждом конкретном случае». Прогноз в какой-то мере сравним с риском, поскольку нет гарантии, что он безупречен. Назначение футурологии в том и состоит, чтобы уменьшить до минимума вероятность рискованных гипотез и рекомендаций, за которыми стоят в сражении, бою роковые ошибки. И здесь мы подходим к одной из главных констант футурологии — ее взаимосвязи с военной теорией.

Назначение футурологии состоит в том, чтобы упрочить связь теории и практики. Теория дает ориентиры мышлению, а мышление направляет прогноз. Без теоретических обоснований прогноз стал бы голым пророчеством. Конечно, футурология не может брать на себя решение прикладных задач военной практики. Ее выводы нельзя рассматривать как доказательство. В отличие от точных наук в военном деле нет формальных теоретических структур, на которых мог бы базироваться прогноз. Строгая математическая выверенность аргументов, доказательств здесь далеко не всегда имеет место. Отсюда заключения футурологии носят гипотетический, рекомендательный, многовариантный характер с определенной степенью обоснованности, где не исключается и риск.

Хотелось бы выразить свое согласие с авторами статьи «О необходимости новой парадигмы военно-научных исследований» Ю.Н. Голубевым и В.Н. Каргиным, которые пишут, что «...современная военная наука, и в первую очередь военное искусство, не могут эффективно влиять на практику военного дела государства без опережающего развития военной информации, включая ее в качестве равноправной концептуальной составляющей в триаду военного дела

(теория, практика, информатизация)...Реальный эффект от внедрения новых и новейших информационных технологий может быть получен только при условии перехода к новой парадигме военно-научных исследований...»¹¹.

Современная отечественная военная наука прошла большой, сложный и противоречивый путь в своем развитии, в свое время она завоевала передовые позиции в мире, показав свою действенность, особенно в период Великой Отечественной войны, и ныне не оскудела талантами военных ученых Великая Россия.

Закончить статью хотелось бы словами знаменитого русского ученого К.А. Тимирязева: «Мочь и предвидеть — дар чудодействия и дар пророчества, вот о чем с самой своей колыбели мечтало человечество, наделяя ими своих сказочных героев. Эти два дара принесла ему наука... Оракулы древности, говоря, прорицали и впадал, но их прорицания бледнеют в сравнении с пророчеством науки наших дней»¹².

Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства

*Генерал-майор в отставке В.Д. РЯБЧУК,
доктор военных наук, профессор*

РЯБЧУК Виктор Дмитриевич — действительный член Российской академии безопасности, обороны и правопорядка и Академии военных наук — родился 21 марта 1924 года в селе Станишевка Таращанского района Киевской области. С первых дней Великой Отечественной войны и до ее окончания прошел боевой путь от бойца курсантского истребительного батальона до капитана — начальника разведки бригады. Участвовал в боях под Ленинградом и Воронежем, в Курской битве, в форсировании Днепра, освобождении Киева и всей Украины, в Карпатско-Дуклинской, Западно-Карпатской, Моравско-Оставской и Пражской операциях. Был ранен и контужен. Дважды полный кавалер ордена «Отечественная война».

После войны окончил Военную артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского и проходил службу в Туркестанском военном округе в должностях офицера штаба округа, начальника штаба артиллерии армейского корпуса, командира полка и командующего артиллерией дивизии. С 1961 года — в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Прошел должности от старшего преподавателя кафедры оперативного искусства до начальника кафедры управления войсками и службы штабов. После увольнения в запас продолжает работать в научно-исследовательском центре академии. Автор более 200 научных трудов, в том числе книг «Управление, эффективность, интеллект», «Теория управления боем», «Военная доктрина — путь к победе», удостоенных премий имени А.В. Суворова и А.А. Свечина Академии военных наук.

ЖУРНАЛ «Военная Мысль» все 90 лет со дня основания успешно оправдывает свое название, уделяя огромное внимание выявлению и решению актуальнейших проблем военной науки, опираясь как на богатый исторический опыт, так и на военно-научное прогнозирование, проникая на базе его методологии

¹¹ Военная Мысль. 2008. № 1. С. 80.

¹² Воробье в И.Н., Круглов В.В., Суптель А.И. «Военная футурология». Общевойсковая академия ВС РФ, Военная академия им. Петра Великого, 2001. С. 6.

военной мыслью в близкое и отдаленное будущее на всех уровнях — от военной политики и стратегии до оперативного искусства и тактики.

Однако, как показали проведенные исследования, опыт последних войн в Югославии, Ираке, Афганистане, тенденции расширения НАТО на Восток, события вокруг Косово и на Ближнем Востоке, объективно требуется вновь вернуться к анализу и решению все разрастающихся былых и новых проблем военной науки, ее методологии и путей ее дальнейшего развития. Это в первую очередь определяется **резким повышением роли и значения интеллекта, информации, прогнозирования в любых формах противоборства — военного и невоенного — и их сочетании**. Попробуем разобраться в этом хитросплетении.

Широко известно, что первой в бой вступает мысль. Именно она является оружием, причем самым мощным оружием в условиях использования современных мощнейших средств вооруженной борьбы и новых информационных технологий. Но мысль в то же время является фундаментом научного потенциала и прогнозирования его совершенствования.

На наш взгляд, в основу определения научного потенциала Вооруженных Сил правомерно положить его возможности по развитию определенных отраслей военной науки исходя из его кадровой, методологической, материально-технической, информационной обеспеченности, готовности к решению научных задач. Основу научного потенциала составляют высококвалифицированные научно-педагогические кадры — доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, старшие научные сотрудники, их мысль, их интеллект.

В современных условиях наряду с необходимостью прикладных, «сиюминутных» исследований, практических рекомендаций командирам, штабам и войскам на ближайшую перспективу особенно остро ощущается недостаток именно *фундаментальных исследований долговременных проблем военной науки*. Это обусловлено как стремительным развитием науки, техники, технологий, а следовательно, и средств вооруженной борьбы, так и кардинальным изменением военно-политической обстановки в мире. Надо решительно отказаться от метода проб и ошибок, который раньше был распространен, но сейчас отвергнут всем цивилизованным миром из-за масштабности проб и катастрофических последствий ошибок в условиях наличия высоких технологий и мощных разрушительных средств. Однако у нас в последние годы данный метод не только стал основополагающим в практике проведения политических, экономических, социальных и других реформ, но и овладел умами большого числа руководителей и ученых. В его основе лежат «глубокие убеждения» и «гениальные идеи» того или иного власть имущего лица (коллектива), а также стремление немедленно воплотить их в жизнь, не задумываясь о последствиях.

По нашему глубокому убеждению, это недопустимо. Надо опираться на научные методы математического, эвристического, социального моделирования и прогнозирования, оценивая возможные результаты действий в разнообразных условиях. Весьма важно четко определять соотношение положительных и отрицательных результатов каждого альтернативного варианта решения, чтобы в практической деятельности усиливать влияние положительных факторов и нейтрализовать отрицательные. А для этого нужны научные кадры: современные энгельсы, клаузевицы, жомини, верховские, иссерсоны, триандофиловы и блиохи.

Наука — система знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления, а также отдельная отрасль этих знаний¹. *С информационной точки зрения наука может рассматриваться как сложная динамическая система, созданная человеком для сбора, анализа и переработки информации в целях получения новых знаний (истин) и их практического приложения*. Чем сложнее научная структура и разнообразнее способы ее функционирования, тем все более необходимым становится науковедение, открывающее механизмы управления ею. Стратегическая задача здесь заключается в переходе от эпизодических воздействий на научные системы с помощью частных рекомендаций и мероприятий к систематическому диагнозу состояния, анализу тенденций и прогнозу будущего развития науки, а также в создании и использовании для этих целей новых информационных технологий и автоматизированных систем управле-

¹ О ж е г о в С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс 21 век, 2004. С. 504.

ния. Особое место в системе наук занимают военные науки, поскольку они непосредственно связаны с решением проблем обеспечения безопасности государства, исследуют конкретные вопросы военного противоборства систем, преследующих противоположные (антагонистические) цели, т. е. **процессы, носящие двусторонний характер.**

Мысль — не только мощнейшее оружие, первая вступающая в бой, но и первооснова генерации научных знаний. Следует заметить, что нельзя, особенно в практической деятельности, сужать понятие интеллектуального потенциала. Оно шире понятия «ум». Еще Наполеон считал, что военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума. Дарование настоящего полководца он сравнивал с квадратом, основание которого — воля, высота — ум. Если воля превышает ум, полководец будет действовать решительно и мужественно, но малоразумно; если наоборот — у него будут хорошие идеи, но не хватит мужества и решительности осуществить их. В наше время к «квадрату Наполеона» прибавляется третье измерение — и н ф о р м а т и к а (с опорой на системы и средства автоматизации управления войсками и оружием), резко повышающая возможности интеллектуальной и волевой деятельности. Квадрат превращается в куб, становится объемным, а его формирование и использование многократно усложняется.

В современных условиях, а тем более в обозримой перспективе, роль управления, опирающегося на достижение интеллектуального превосходства над противником, не просто возрастает, но становится решающим фактором. В условиях научно-технического прогресса, в век информатики, автоматизации и сложных динамичных систем войска с меньшими поражающими возможностями, но с высокоэффективной системой управления и разведки способны одержать победу над более мощным противником, уступающим в противоборстве систем управления и информационно-электронных структур. Начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Ю.Н. Балуевский, выступая на заседании Совета Федерации 16 ноября 2007 года, сообщил, что определены программы развития Вооруженных Сил до 2016 и до 2020 года. При этом он уточнил, что такое развитие пойдет по пути качественного совершенствования, а не простого наращивания сил, так как сегодня воюют информационным оружием².

В свою очередь в США руководством Пентагона было принято решение об организации и основании новых структур, которые будут отвечать за противоборство в сфере информации. Так, в конце 2006 года министерство обороны США создало информационно-пропагандистскую группу «быстрого реагирования». Ее задача заключается в том, чтобы в случае необходимости за максимально короткий срок доставить группу специалистов по PR в распоряжение командования любой операции американских вооруженных сил. Группа сформирована в качестве отдельного управления в составе объединенного командования ВС США³.

Выдающийся китайский государственный деятель, полководец и военный ученый Сунь-Цзы еще в XVI веке до н. э. писал в своем «Трактате о военном искусстве»: «Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника, на следующем месте — разбить его союзы, на следующем — разбить его войска. Самое худшее — осадить крепости». При этом он особо подчеркивал, что «хорошо воюет тот, кто управляет противником и не дает ему возможности управлять собой». Карл Клаузевиц кроме широко известного доктринального изречения «война есть продолжение политики только иными средствами» сформулировал и еще одну важную, особенно для нашего времени, подмеченную ранее Суворовым, закономерность: «В основе военных действий лежит разум». Клаузевиц утверждал, что «для достижения своей цели мы должны сделать своего противника бессильным, теоретически это и есть истинная цель войны». Наиболее парадоксально сформулировал в XI веке военную доктрину Средневековья Никколо Макиавелли: «Люди, оружие, деньги и хлеб — вот живая сила войны. Но первые два важнее всего, ибо имея людей и оружие всегда можно добыть деньги и хлеб». Как ни странно, но эта примитивная идея вполне реально и успешно реанимируется спустя полтысячелетия в современных вооруженных конфликтах, что игнорировать при решении задач государства и общества нельзя.

² Военно-промышленный курьер. 2007. 21 ноября.

³ Военно-промышленный курьер. 2008. 30 января.

Итоги Второй мировой войны, в которой США оказались в числе победителей, при этом не только не познав разрушительных последствий военных действий на своей территории, но и значительно обогатившись, предоставили реальную возможность реализации этой доктрины. Единственной военной и политической силой, которая в то время могла противостоять этому, был Советский Союз. Для США необходимо было устранить это весьма серьезное препятствие. На это были направлены и создание ядерного оружия, и разработка доктрины угрозы его применения, и речь Черчиля в Фултоне, и рождение «Атлантического союза» – НАТО, и долгосрочные программы идеологического, психологического и информационного воздействия, которые со временем все совершенствовались и в конечном итоге привели к успеху. СССР и Организация Варшавского Договора были побеждены информационным оружием, как бы ни утверждали некоторые современные военные ученые, что это домыслы, а не реальность.

В официальных документах США и НАТО заложено основополагающее требование: иметь такой военный потенциал, который должен убедить вероятного противника, что риск последствия его агрессии будет для него значительно превышать ожидаемый выигрыш. На наш взгляд, в самом концентрированном, хотя и популистском виде военная доктрина США была сформулирована Джоржем Бушем-старшим в его речи по случаю торжества, посвященного спуску на воду авианосца «Джордж Вашингтон», где он заявил, что, для того чтобы обеспечить поддержание мира, нужно иметь мощные вооруженные силы.

Однако военная наука и военная доктрина не ограничиваются сколь угодно хлесткими и убедительными формулировками. Они должны, опираясь на научное прогнозирование, выражать цели существования и функционирования того социального образования, государства или союза государств, которым они служат, а также определять пути и способы достижения этих целей насильственными (в том числе военными) или ненасильственными средствами.

Как показал исторический опыт, важнейшей причиной возникновения идей мирового господства является ограниченность ресурсов. В свое время мы успешно разгромили идеи Мальтуса, который на рубеже XVIII и XIX веков предсказывал (и даже облекал это в форму «вечного закона природы») отставание роста средств существования от роста народонаселения. Однако спустя два века мы сами приходим к убеждению в ограниченности природных ресурсов. Для того чтобы остаться в составе «золотого миллиарда», обеспеченного благоприятными условиями существования, необходимо не просто овладеть таковыми ресурсами, но уметь управлять ростом их добычания в своих интересах и ограничением их использования остальной частью человечества. Одним из путей решения этой задачи было развязывание «холодной войны», мягко перетекающей в «информационные», «информационно-психологические», «интеллектуально-информационные» войны, опирающиеся на тот факт, что к концу второго тысячелетия, «на первое место среди ресурсов общества вышел разум человека»⁴.

Особое внимание этому обстоятельству уделяют США при прогнозировании характера, содержания способов подготовки и ведения войн будущего, в том числе при разработке вариантов информационно-психологической составляющей военной доктрины или собственно *информационно-психологической доктрины*. Об этом можно спорить, но нельзя не обратить внимания на четкую целеустремленность доктринальной направленности и глубокую детализацию определения способов достижения цели в этих условиях.

15 августа 2001 года президент США Д. Буш предложил министру обороны Д. Рамсфельду подготовить стратегическое представление о том, как американская армия «должна выглядеть сегодня и как она должна выглядеть завтра». Но тут грянули события 11 сентября, и в одном из выступлений, прозвучавшем сразу после терактов, Д. Рамсфельд отметил, что в связи с совершенными в Нью-Йорке и Вашингтоне нападениями «мы наблюдаем появление нового поля боя... конфликтов иного типа». Он заявил, что в ближайшем будущем Америке предстоит решить две важные задачи: одержать победу в борьбе с терроризмом путем ликвидации сети террористических организаций, а также

⁴ Военная Мысль. 2001. № 1. С. 56.

осуществить подготовку к совершенно другой войне — войне, разительно отличающейся не только от войн прошлого столетия, но и от той новой войны с терроризмом, которую США ведут в настоящее время.

А в октябре 2001 года в статье «За рамками войны с террором» Д. Рамсфельдом были обозначены контуры новой стратегии. Он подчеркивает, что в свете последних событий в США подготовка к внезапному нападению — подготовка быстрая и решительная — должна стать одним из слагаемых военного планирования в XXI веке. Для того чтобы отражать внезапные удары, военные стратеги США должны перенести центр тяжести в системе оборонного планирования с модели, в которой отправным моментом является угроза и которая до сих пор доминировала в теории обороны, на модель, опирающуюся на силы и средства, необходимые в будущем.

Вместо того, считает Д. Рамсфельд, чтобы искать очередного противника и планировать крупномасштабные войны на точно определенных театрах военных действий, необходимо предвидеть проявление новых и разнообразных врагов, которые будут полагаться на фактор внезапности, обмана и на применение асимметричного оружия для достижения своих целей. Согласно определению Института национальных стратегических исследований Национального университета обороны Соединенных Штатов, под «асимметричными» угрозами понимаются «использование фактора неожиданности во всех его оперативных и стратегических измерениях, а также использование оружия такими способами, которые не планируются США».

Как заявил Д. Рамсфельд, подготовка к такому развитию событий стала целью проводящегося раз в четыре года анализа состояния и перспектив развития обороны, результаты которого были представлены конгрессу США. В этом анализе изложена новая стратегия обороны Америки в XXI веке, призванная реализовать *четыре ключевые задачи*: заверить союзников в незыблемости поставленных целей и способности выполнять обязательства в сфере безопасности; разубедить потенциальных противников в целесообразности проведения программ или мероприятий, которые могут создавать угрозу интересам США или интересам их союзников; обеспечить сдерживание агрессии и силового давления за счет передового развертывания сил и средств, способных быстро остановить разрастание кризиса, а также предпринимать решительные действия по нейтрализации любого противника в том случае, если методы убеждения и сдерживания окажутся неэффективными.

Вскоре после теракта 11 сентября США поменяли концепцию «реалистического устрашения» на доктрину «упреждающих действий». Зародилась она еще в период войны против Югославии и выкристаллизовывалась в афганской войне и в период подготовки к вторжению в Ирак. Соединенным Штатам в соответствии с этой доктриной не требуется решений ООН и других международных организаций и даже согласия союзников по НАТО для силового достижения своих военно-политических целей.

«Единая перспектива — 2020» — новый программный документ по строительству вооруженных сил, принятый в США в 2002 году. На его основе разработаны концепции: оперативно-стратегическая «Всеохватывающее господство»; оперативные — «Господствующий маневр», «Высокоточное сражение (бой)» и «Всеобъемлющая защита войск (сил)». В этих документах проявляется приоритетность активизации космического пространства при ведении боевых действий не только в стратегическом и оперативном звеньях, но и на тактическом уровне, а также возрастание роли «информационной войны».

Вопрос, «кому, какая и зачем нужна военная наука, военная доктрина, методология военного прогнозирования» далеко не однозначен и совсем не так прост, как может показаться на первый взгляд. И прежде чем непосредственно подойти к попытке ответить на него, надо вернуться к некоторым основополагающим понятиям, таким как «война», «государство», — как они связаны с содержанием и предназначением военной науки и военной доктрины.

Сравним для примера два определения, зафиксированные в двух официальных документах с разницей менее чем в 20 лет. Прежде всего обратимся к «Советской Военной Энциклопедии». Здесь «война» определяется как «общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами... Для достижения политических целей в войне используются во-

оруженные силы как главное и решающее средство, а также экономические, дипломатические, идеологические и другие средства борьбы»⁵.

Напротив, в новой «Военной Энциклопедии» определяется, что «война — это социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами, средствами *насилия военного*... Война появилась вследствие социальной дифференциации общества и образования государств как один из насильственных способов разрешения возникающих между ними противоречий»⁶. Сущность войны рассматривается с двух сторон. Первая — политическое намерение является целью, война же — только средством, другая — это вооруженная борьба, которая обладает свойством обратного воздействия на политику.

А что же такое государство? Вот точка зрения «Советской Военной Энциклопедии» «Государство — это организация господствующего класса, главное орудие его политической власти. В эксплуататорском обществе предназначено для обеспечения господства собственников основных средств производства над массой трудящегося населения»⁷.

В «Военной Энциклопедии» «государство» определяется как «ядро политической организации общества, которое наряду с функциями управления и руководства жизнью общества, вырабатывает и осуществляет политику в области обеспечения военной безопасности страны или военную политику. Ее направленность определяется военно-политической концепцией государства, которая концентрируется в его *доктрине военной* и базируется на *идеологии военной*»⁸. Таким образом, первичным является государство, одной из функций которого является разработка и проведение в жизнь военной политики. А военная политика концентрируется в военной доктрине. Вот какова связь между этими понятиями.

Итак, государство, военная политика как составная часть общей политики государства, военная доктрина как концентрированная форма военной науки и военной политики составляют единую, динамичную, сложную, целенаправленную систему. Система эта направлена на обеспечение национальной безопасности государства, предотвращение войн и военных конфликтов, упрочение стратегической стабильности, т. е. на обеспечение благоприятных условий для надежной защищенности государства, общества, личности. **При этом даже мирные средства обеспечения военной безопасности эффективны, только если они опираются на достаточную военную мощь.** Мы должны признать, что к настоящему времени военная наука не выявила четкого обобщенного типа современной войны и вооруженного конфликта. Поэтому Вооруженные Силы Российской Федерации и высшие органы военного управления должны быть готовы к участию в военном конфликте любого типа.

Военная наука и военная доктрина должны учитывать степень развития теории и практики информационного противоборства сторон. Сегодня это, наверно, важнейшая из проблем. По нашему глубокому убеждению, **информационное противоборство — это одна из форм управления**, в том числе противником и защиты от его аналогичного воздействия на деятельность соответствующих органов наших войск. Поэтому такая форма управления должна найти отражение в военной доктрине. Кроме того, информационное противоборство, конечно же, связано с вопросами *внезапности* и *неожиданности*, направленными, с одной стороны, на предотвращение таковой деятельности противника, а с другой — на стремление свои действия сделать неожиданными и внезапными для противостоящей стороны.

В связи с необходимостью дальнейшего совершенствования теории и практики информационного противоборства и повышения его эффективности, видимо, следует разработать общее методологическое толкование понятий «информационное противоборство», «внезапность» и «неожиданность» в диалектической взаимосвязи, обосновать неординарные пути решения проблем,

⁵ Советская Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 305.

⁶ Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 233.

⁷ Советская Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 622.

⁸ Военная Энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 468.

требующих специального исследования, переосмысления и поиска новых подходов их разрешения. Взгляд на военную доктрину как на один из инструментов управления государством в области обеспечения его военной безопасности связан с появлением целого ряда новых факторов, условий, обстоятельств, которые характеризуют XXI век. К ним в первую очередь относится всевозрастающая роль взаимодействия, взаимозависимости, взаимовлияния сложных динамичных систем социально-политического, организационно-технического, интеллектуально-информационного характера.

Военная безопасность превращается в интеллектуальную разведывательно-информационно-навигационно-ударную систему, которая требует особого отношения к управлению ее деятельностью. Именно системный, синергетический подход к оптимизации функционирования всех общественно-политических, научно-образовательных и других органов вызывает необходимость целенаправленного управления ими в интересах достижения целей государства, в интересах обеспечения его безопасности.

Сегодня необходимы единые системы идей, взглядов по обеспечению безопасности государства. Нужна четко и понятно сформулированная концепция национальной безопасности, доктрина военной безопасности. В первую очередь это необходимо для тех органов, сил и средств, которые непосредственно выполняют задачи по обеспечению военной безопасности государства.

В свете этого ясно, почему сегодня оказалось так сложно кратко и точно выразить четкую и понятную военную доктрину, обосновать ее цели, задачи, структуру, сementировать ее интеллектуальный, информационный, экономический фундамент. Новая военная доктрина должна стать действенным инструментом управления и всем государством в целом, и его структурами, непосредственно связанными с обеспечением военной безопасности.

Вот почему сегодня необходим специальный штатный орган при Президенте Российской Федерации, состоящий из профессиональных специалистов в области научного управления и оценки его эффективности. Данный орган должен непрерывно заниматься разработкой и совершенствованием военной доктрины. Это обусловлено слишком быстро меняющейся обстановкой в мире, появляющимися новыми формами насильственных действий, связанных и с террористической и с разной другой деятельностью. Приходится учитывать эти изменения, которые происходят гораздо быстрее, чем во все прошлые века. Непрерывная работа над доктриной такого высоко представительного органа должна быть поставлена на службу государству.

Следует заметить, что нельзя считать, что достижение цели военной безопасности возможно при использовании только малых возможностей нашего государства. Это большая ошибка. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации является важнейшим направлением деятельности государства. Из этого надо исходить и для этого изыскивать и создавать соответствующие возможности.

В современных условиях в связи с бурным ростом возможностей технических средств, а также математических и программных способов добывания, сбора, обработки, хранения и передачи информации повышается эффективность информационного воздействия на функционирование боевых систем, вплоть до возможностей бескровной победы в вооруженном конфликте практически любого масштаба. Происходит процесс перехода общества к качественно новому состоянию, основанному на использовании информации (знаний) как материальной силы. Это явление и составляет главное содержание понятия «информатизация». А нарастающая информатизация всех социальных сфер, в том числе и военной, приводит к усилению значимости и информационного обеспечения их деятельности. Применительно к боевым системам это вызвало появление нового термина — «информационная борьба» и его системного наполнения.

Информационная борьба как система включает *три составляющих элемента*: информационное обеспечение функционирования своих боевых систем, информационное противодействие функционированию боевых систем противника и информационную защиту своих боевых систем от информационного противодействия возможного противника. На протяжении длительного периода велась разработка теории информации, методов оценки ее количества, передаваемого по средствам связи, а также степени ее важности для решения

управленческих задач. В настоящее же время наиболее остро стоит проблема разработки методических, математических и технических приемов оценки эффективности информации в обеспечении функционирования своих систем управления и создания помех системам управления противника.

В решении этой задачи важную роль могут сыграть методы военной системологии, такие, например, как экспертные системы, искусственный интеллект, а также все виды моделирования – от игрового и ситуационного до эвристико-математического.

Можно спорить о том, являются ли информационное оружие и информационное противоборство реальностью или домыслом, но игнорировать объективный опыт их использования в современных конфликтах и прогнозируемом будущем уже нельзя. Надо просто оторваться от пристрастия к формально утвержденной терминологии, вникнуть в их новое содержание и найти способы реализации в будущем.

Информационная безопасность как составная часть информационной борьбы включает информационную защиту своих боевых систем от неблагоприятных социально-экономических и экологических условий, от противодействия противника или стихийных сил природы; она должна обеспечить эффективное функционирование своих боевых систем.

Поскольку военная системология выделяет в качестве специфических объектов исследования науку, образование и концептуальную основу практической деятельности управленческих кадров (включающую и теоретико-системную концепцию военного искусства), то пути решения проблем информационной безопасности как сложной системы проходят через системологию их научного исследования, системологию создания и поддержания на должном уровне интеллектуального потенциала теоретиков и практиков в этой сфере деятельности, системологию организации и практического обеспечения информационной безопасности. Системология научного исследования проблем информационной безопасности опирается на целеполагание (построение «дерева целей»), определение и описание системы критериев (построение «дерева критериев»), а также разработку моделей функционирования системы информационной безопасности.

Системология создания и функционирования интеллектуального потенциала опирается на систему интеграционного (гражданского и военного) образования⁹.

Весьма значимую роль в выявлении и решении актуальных современных и перспективных проблем военной науки, научного обоснования путей и способов ее дальнейшего развития играет не так давно созданная в Российской Федерации на общественных началах, но уже заслужившая всемирную известность Академия военных наук (АВН). Наиболее существенным в ее деятельности оказалось военное прогнозирование и определение на его основе приоритетов в анализе и системной оценке специфики будущих войн, операций, боев и любых других военных и невоенных форм вооруженного и невооруженного противоборства в интересах обеспечения надежной безопасности России.

Последовательность, содержание, системность и комплексность решаемых при этом проблем военной науки будущего легко просматривается на примере тематики ежегодных научных конференций АВН. Вот некоторые из них.

Самая первая научно-теоретическая конференция АВН была проведена в 1995 году по корневой проблеме военной науки: «Методологические проблемы военной науки на современном этапе». Материалы конференции, включающие доклад Президента АВН генерала армии М.А. Гареева, выступления участников, были изданы отдельной книгой и послужили основой для дальнейшего формирования системы научных знаний о войне и армии.

В них нашли свое обоснование понятия о предмете и структуре военной науки, военной проблематике других наук, о научных критериях классификации военных знаний, о науковедческих и системологических основах методологии военной науки. Президент АВН, подчеркнув, в частности, что «необходимость обсуждения методологических проблем военных наук вызвана тем, что в связи с крупными изменениями в мире, образованием нового российского государства перед нами в ином свете встают многие мировоззренческие, методологи-

⁹ Военная Мысль. 1994. № 2. С. 33.

ческие и собственно научные проблемы»¹⁰, обратил внимание, что «в ряде областей знаний военная проблематика настолько усложняется и разрастается, что, сохраняя свои связи с базовыми науками, постепенно превращается в специальные отрасли военных знаний, тесно примыкая к военной науке», которая «в совокупности с сопредельными с ней военными отраслями общественных, естественных и технических наук, в собирательном смысле может рассматриваться как *система военных наук*, которая составляет научные основы военной доктрины»¹¹.

В ряду ежегодных конференций Академии не менее судьбоносными были из числа последних. Так, в 2004 году была проведена военно-научная конференция по самой злободневной для военной практики теме: «Проблемы современной системы военного управления и пути ее совершенствования с учетом изменения характера будущих войн», в 2007 году – конференция «Структура и основное содержание новой военной доктрины России», основы которой (смотри выше) и составляет система военных наук.

И наконец, в январе 2008 года состоялась научная конференция «Национальная безопасность России на современном этапе», которая вышла на высший общегосударственный, военно-политический и военно-научный уровень, обеспечивающий национальные интересы нашей Родины.

Доклад Президента АВН М.А. Гареева и выступления участников конференции заслуживают самого внимательного изучения в военно-учебных заведениях, научно-исследовательских учреждениях и в войсках, ибо в них аккумулированы самые новые научные взгляды на цели, задачи, содержание, перспективы и приоритеты развития системы военных наук, методологии военного прогнозирования, управления процессами предотвращения войн и обеспечения безопасности и защиты национальных интересов государства путем достижения интеллектуально-информационно-разведывательно-электронно-навигационно-ударного превосходства в противоборстве с любым эвентуальным противником.

Важнейшим результатом конференции можно считать выдвинутый начальником Генерального Штаба ВС РФ и Президентом АВН тезис о необходимости «ввести практику долгосрочного стратегического планирования, которое предусматривало бы оценку перспектив развития геополитической обстановки в мире, роли и места России в международном сообществе, ее союзников и партнеров при решении как долгосрочных, так и промежуточных задач, приоритетные национальные интересы и основные направления деятельности государства и общества по их реализации и обеспечению национальной безопасности»¹², что фактически соответствует постановке новой задачи как перед военной наукой и военным прогнозированием, так и в сфере практической деятельности всей военной организации государства.

Новые задачи, тем более в современных условиях, естественно, должны решаться и новыми силами, средствами и методами. Из их числа конференция наибольшее внимание уделила роли сбалансированного сочетания невоенных и военных средств, особо выделив интеллект и информацию. Президент АВН генерал армии М.А. Гареев, подчеркивая роль интеллекта в современном противоборстве, отмечает, что до сих пор нами «при научном анализе военно-политической обстановки и в практической разведывательной деятельности недостаточно уделяется внимания проникновению и выявлению замыслов и практических действий многочисленных международных и транснациональных сил, особенно их сугубо скрытых мозговых политических и экономических центров, соответствующих филиалов в различных странах»¹³.

Далее Президент АВН, подчеркивая системный характер противодействия угрозам национальной безопасности России, в число которых входят «враждебные информационные и информационно-психологические действия», отмечает, что «национальная безопасность – весьма сложная, многоуровневая

¹⁰ Методологические проблемы военной науки на современном этапе. М.: Издание АВН и ВАД, 1996. С. 5.

¹¹ Там же. 1996. С. 18.

¹² Независимое военное обозрение. 2008. 25 января; Военно-промышленный курьер. 2008. 16 января.

¹³ Военно-промышленный курьер. 2008. 16 января.

функциональная система, в которой непрерывно происходят процессы взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества, государства в противоборстве с различными внутренними и внешними угрозами». И указывает, что требуется «системная научная разработка проблем противоборства невоенными средствами, подготовка соответствующих кадров широкого профиля и практическое овладение всеми формами борьбы»¹⁴.

На этой основе делается вывод: «Главная задача государства, общества, личности состоит в том, чтобы на основе научного обоснованного прогнозирования, предвидения, разведки, досконального знания положения дел во всех отраслях деятельности прежде всего стремиться предотвратить и нейтрализовать назревающие угрозы, а когда это не удастся, то оперативно реагировать и эффективно противодействовать им, обеспечивая надежную безопасность во всех сферах жизнедеятельности страны»¹⁵.

При этом, подчеркивает Президент АВН, «Наиболее острый характер приобретает информационное противоборство, которое пронизывает изнутри все формы борьбы – начиная от дипломатической, экономической и кончая вооруженной – и вместе с тем имеет относительно самостоятельный характер. Информация и информационные технологии становятся все более действенным оружием, и овладение ими – важнейшая задача не только духовной, но и всей системы национальной безопасности»¹⁶.

На конференции эти мысли нашли поддержку и развитие в выступлениях ее участников.

Например, Главнокомандующий Военно-воздушными силами генерал-полковник А.Н. Зелин отметил: «анализ развития средств воздушно-космического нападения иностранных государств показывает, что уже в период до 2020 года произойдут коренные изменения, связанные с освоением воздушно-космического пространства как единой сферы вооруженной борьбы... Произойдет интеграция средств разведки, связи, навигации и управления в единую информационно-разведывательную управляющую систему»¹⁷.

В связи с этим, А.Н. Зелин, обосновав целесообразность создания в Российской Федерации объединенной под единым командованием системы *военно-космической обороны (ВКО)*, подчеркнул что «безусловным приоритетом в создании ВКО должно являться развитие системы разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении и системы управления. Решение этих проблем должно осуществляться на основе интеграции существующих и перспективных информационных средств различного базирования вне зависимости от видовой принадлежности, на создании разведывательно-информационного поля, а также соответствующей системы управления, способной обрабатывать эту информацию для принятия своевременного решения на применение войск и сил ВКО»¹⁸.

Таким образом, **вооруженная борьба на современном этапе превращается в процесс взаимного противодействия боевых систем как сложных интеллектуально-информационных и организационно-технических функциональных организмов**, который обуславливает принципиальные изменения самого характера вооруженной борьбы. При этом появляются новые формы и способы применения войск, сил и средств в бою и операции. На основе теоретико-системного подхода своя и противостоящая группировки войск (сил) должны рассматриваться как сложные антагонистические динамические системы организационно-информационного характера (боевые системы).

На этой основе и должны, на наш взгляд, развиваться система военных наук и методология военно-научного прогнозирования без оглядки на шаблонную терминологию и «устоявшиеся положения».

¹⁴ Военно-промышленный курьер. 2008. 16 января.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Военно-промышленный курьер. 2008. 16 января.

¹⁷ Независимое военное обозрение. 2008. 25 января.

¹⁸ Там же.

Дистанционное противоборство

Полковник В.А. КИСЕЛЕВ,
доктор военных наук, профессор

КИСЕЛЕВ Валерий Александрович родился 22 апреля 1952 года в городе Рыбное Рязанской области. Окончил Калининское суворовское военное училище (1970), Московское высшее командное училище имени Верховного Совета РСФСР (1974), Военную академию имени М.В. Фрунзе (1985), адъюнктуру Военной академии имени Фрунзе (1992).

Службу проходил в войсках Киевского, Дальневосточного и Московского военных округов на командных должностях — командира мотострелкового взвода, мотострелковой роты, заместителя начальника штаба мотострелкового полка, командира мотострелкового батальона, начальника штаба мотострелкового полка, командира мотострелкового полка.

С 1992 года — начальник курса, с 1994 года — старший помощник начальника учебного отдела, с 1998 года — заместитель начальника учебного отдела, с 2000 года — профессор кафедры тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 2003 году назначен начальником учебно-методического центра Общевоинской академии ВС РФ.

В 1992 году защитил диссертацию кандидата военных наук по проблеме наступательного боя, а в 1998 году — диссертацию доктора военных наук по проблеме борьбы с повстанчеством. Действительный член Академии военных наук.

В 2007 году стал лауреатом премии за лучшую публикацию в журналах «Военная Мысль» и «Армейский сборник».

ДИСТАНЦИОННОЕ противоборство как элемент вооруженной борьбы зародилось практически вместе с войной. В древние времена с появлением метательного оружия: стрел, лука, арбалета, пращи, метательных копий и машин (катапульта, баллист и др.) — греческая фаланга и римский легион перед вступлением в рукопашную схватку стремились нанести поражение противнику с некоторого расстояния. Это оказывало влияние на тактику их действий. Лучники, арбалетчики и пращники занимали такое место в боевом строю, чтобы первыми применить свое оружие. С появлением и совершенствованием огнестрельного оружия в Средние века и позже дистанционное противоборство получило дальнейшее развитие и приняло новые формы. Применение линейной тактики, кордонной стратегии, а в последующем рассыпного строя и группового боевого порядка так или иначе связано как с ближним, так и с дальним огневым боем.

Если в эпоху применения холодного оружия дистанционное противоборство не выходило по своему значению из тактических рамок, то в войнах машинного периода, когда помимо дальнобойной артиллерии в распоряжение стратегического и оперативного командований поступило такое эффективное средство глубокого удара, как авиация, в характере дистанционной, неконтактной борьбы произошел существенный скачок — она приобрела оперативное значение. Применение авиации в сочетании с высокоподвижными танковыми и механизированными соединениями и объединениями привело к **расширению зоны активного боевого воздействия на противника до глубины в несколько десятков километров**. В результате центр тяжести противоборства стал все более перемещаться с линии боевого соприкосновения сторон в тактическую и оперативную глубину, что создавало предпосылки для повышения динамичности и маневренности боевых действий. Под влиянием возросших огневых и ударных возможностей войск произошли существенные изменения и в способах ведения операции и боя.

В ходе Второй мировой войны получили широкое применение такие глубинные действия, как *рейды* по тылам противника, *охваты* по воздуху, комбинированные *воздушно-наземные удары* по опорным пунктам, узлам коммуникаций

и резервам в глубине, *стремительное преследование* отходящих группировок, *форсирование с ходу* водных преград; возрос удельный вес *встречных сражений* и боев. Атрибут позиционного противоборства — ближний бой — хотя и не сошел с арены, но во многом стал другим по содержанию. Почти полностью исчезла рукопашная схватка. Задачи поражения противника в ходе атаки стали решаться огнем и ударами танковых, пехотных частей и соединений при поддержке артиллерии и авиации. Особенно возросла роль авиации. Так, в годы Великой Отечественной войны **главные усилия Военно-воздушных сил Красной Армии были направлены на борьбу за стратегическое и оперативное господство в воздухе** (36,5 % всех боевых самолетовылетов) и содействие войскам фронтов в разгроме противостоящих группировок противника (46,5 % самолетовылетов фронтовой авиации и 40,4 % самолетовылетов авиации дальнего действия)¹.

Немецкое командование также делало ставку на достижение превосходства в дистанционном противоборстве. Основной формой применения авиации являлись систематические боевые действия по нанесению глубоких ударов по важнейшим военно-экономическим объектам и группировкам наших войск, которые осуществлялись повседневно на протяжении всей войны как в ходе наступательных, оборонительных, десантных и противодесантных операций, так и во время оперативных и стратегических пауз между кампаниями и операциями. С этой же целью в конце войны Германия начала использовать новое дальнобойное оружие — управляемые самолеты-снаряды ФАУ-1 и баллистические ракеты ФАУ-2.

Немалую роль в дистанционном противоборстве во Второй мировой войне играло применение Германией, Англией, США, Японией и Советским Союзом **крупных воздушных десантов**, высаживаемых в глубокий тыл противника. Во многих случаях оно осуществлялось в форме воздушно-десантных операций. Две такие операции, проведенные Германией в Норвегии (апрель 1940) и на острове Крит (1941), имели стратегическое значение. США и Англия совместно высадили пять воздушных десантов оперативного значения: на острове Сицилия (июль 1943), в Нормандии, на юге Франции, в Голландии (1944) и в Германии в районе Везель (март 1945). Всего в ходе войны было высажено 50 крупных воздушных десантов, не считая большого количества диверсионно-разведывательных групп.

В целом дистанционное противоборство сторон в ходе Второй мировой войны, хотя и приняло довольно широкий размах, тем не менее не стало решающим фактором, приведшим к кардинальному изменению содержания вооруженной борьбы. «Перемалывание» сил противника до конца войны происходило в основном в ходе ведения боевых действий на ближних дистанциях. Главная причина заключалась в том, что сил и средств глубокого воздействия на противника в распоряжении сторон было недостаточно, чтобы сокрушить его сопротивление, а возможности разведки не позволяли достаточно полно вскрывать наличие резервов и других объектов далеко за линией фронта. К тому же довольно сложно было организовать управление группировками войск, прорвавшимися в глубокий тыл противника.

После Второй мировой войны в локальных войнах стали создаваться объективные предпосылки для принципиально новых подходов в решении задач дистанционного противоборства, что обуславливалось существенным прогрессом в развитии военной техники и вооружения. Уже в ходе войны в Корее (1950—1953) стали применяться новые, более дальнобойные виды оружия — реактивные самолеты (F-80, F-84, F-86 и др.), дальность действия которых в два-три раза превышала возможности поршневых самолетов. Главным средством для нанесения глубоких ударов по наземным военным и промышленным объектам, группировкам сухопутных войск и коммуникациям в ВС США являлась авиация, как морская (палубная), так и берегового базирования. Так, за три года войны в Корее, в которой принимало участие 11 авианосцев ВМС США, авиация ВМС и морской пехоты совершила 267 тыс. боевых вылетов².

Определенную роль в дистанционном противоборстве во время войны в Корее играли высадка морских десантов, осуществление морской и воздушной

¹ Военное искусство во Второй мировой войне и в послевоенный период: Учебник для слушателей ВАГШ. М.: ВАГШ, 1985. С. 288.

² Там же. С. 513.

блокады побережья, применение стремительно развивающихся боевых средств флота, в первую очередь ракетного оружия и палубной авиации с увеличенной дальностью действия, в том числе самолетов с вертикальным взлетом и посадкой. Тогда же впервые стали широко использоваться боевые и транспортные вертолеты. На базе боевого опыта в последующем были созданы специальные вертолеты огневой поддержки, на которых устанавливались автоматические гранатометы, неуправляемые реактивные снаряды, противотанковые ракеты, кассеты для мелких бомб, стрелковое вооружение. Однако неравенство сил и средств сторон, особенно в авиации, негативно сказалось на противодействии армии КНДР. Так, успешно начавшееся контрнаступление корейской народной армии летом 1950 года не завершилось разгромом противника на пусанском плацдарме главным образом из-за господства в воздухе американской авиации. Дело в том, что к началу 1950 года в Корею командование США имело в своем распоряжении 1170 самолетов, в то время как КНДР — всего лишь 150, и те устаревших модификаций³. Их дальность действия в два-три раза уступала американской авиации.

Дистанционное противоборство получило дальнейшее развитие в ходе войны во Вьетнаме (1964—1975). Этому способствовало то, что на вооружении самолетов США появилось новое эффективное оружие — управляемые ракеты класса «воздух — воздух» с инфракрасной и радиолокационной головками самонаведения. Для радиоэлектронного подавления систем ПВО самолеты стали оснащаться аппаратурой, создающей активные и пассивные помехи радиолокационным станциям (РЛС) обнаружения и наведения противника. Кроме того, для борьбы с наземными РЛС вьетнамцев широко использовались противорадиолокационные ракеты «Шрайк» и «Стандартный АРМ» с головками самонаведения на источники радиоизлучения.

В дистанционном противоборстве во Вьетнаме успешно применялась **изоляция района боевых действий**, осуществляемая в целях срыва или ограничения маневра войск противника и переброски его резервов путем разрушения железнодорожных узлов и станций, портов, мостов, тоннелей и переправ, уничтожения автотранспорта на шоссе и железнодородных эшелонов на перегонах. При этом авиация США наносила удары с использованием разнообразных боеприпасов: фугасных, шариковых бомб, самонаводящихся авиационных бомб с телевизионными и лазерными системами наведения, зажигательных бомб и горючих смесей, в основном напалмовых. Для выявления глубинных объектов и определения их координат помимо обычной аэрофото съемки стала применяться аппаратура телевизионной, инфракрасной и радиолокационной разведки, аэрофотоаппараты, работающие на основе лазерной подсветки, а также беспилотные летательные аппараты. Для воздействия по объектам на коммуникациях вьетнамцев американцы выработали и внедрили **новые способы десантных действий с использованием вертолетов**: «вертикальный охват», осуществляемый с кораблей-вертолетоносцев и с кораблей-доков, а также «орлиный полет» — для переброски десанта на новые рубежи после овладения плацдармом.

Распространенным способом дистанционной борьбы во время войны во Вьетнаме, в Алжире, против Египта, Кубы, Ливана, на Фолклендских островах в ходе англо-аргентинского конфликта являлась **морская и воздушная блокада**. При блокаде побережья использовалось в основном два способа: патрулирование подходов к побережью и бомбардировка портов с одновременной массовой постановкой мин у входов в них. Патрулирование проводилось в нескольких зонах. Во Вьетнаме, например, устанавливались две блокадные зоны: ближняя — на удалении до двух миль от берега и дальняя — на удалении 12—40 миль. Общая глубина зоны патрулирования составляла около 200 миль.

Анализ опыта дистанционного противоборства в вышеперечисленных войнах отчетливо вскрыл тенденцию к качественному изменению традиционных и появлению принципиально новых способов военных действий. Следует отметить, что в Советском Союзе были своевременно пересмотрены взгляды на способы достижения стратегических целей по сравнению с теми, что имели место в годы Великой Отечественной войны. Во-первых, главными объектами

³ Военное искусство во Второй мировой войне и в послевоенный период. С. 501.

поражения в ходе вооруженной борьбы стали считаться не группировки вооруженных сил на ТВД, а объекты, составляющие основу военно-экономической мощи и системы государственного и военного управления противника. Во-вторых, признавалось возможным **достижение целей войны не только последовательными ударами, но и в результате одноактного приложения усилий дальнебойными высокоэффективными средствами**, находящимися в непосредственном подчинении стратегического руководства⁴. Соответственно приоритетным в военном строительстве стало развитие ВВС. Их удельный вес в составе ВС в 1953 году по сравнению с заключительным этапом войны возрос в три раза⁵. Появились новые типы дальнебомбардировочной и военно-транспортной авиации. Началось внедрение вертолетов Ми-1 и Ми-4. В Военно-Морском Флоте к 1954 году более одной трети боевых надводных кораблей было заменено на более современные⁶.

Армии тех государств, которые вовремя не сумели оценить изменившиеся условия ведения военных действий в послевоенный период и повысить свою боеспособность, терпели поражение. Например, в 1967 году израильскому командованию удалось умело использовать недостаточную боевую готовность ВВС и войск ПВО Египта, Сирии и Иордании, нанести по ним внезапные удары и завоевать безраздельное господство в воздухе. В результате, лишенные авиационной поддержки, деморализованные ударами израильских ВВС, сухопутные войска Египта и других арабских государств, несмотря на свое значительное численное превосходство над противником, не смогли выполнить возложенные на них задачи. Решающую роль в этой войне сыграл фактор времени. Исход войны был предreshен израильскими ВВС в течение первых трех часов военных действий.

Способы дистанционного противоборства получили дальнейшее развитие в ходе арабо-израильской войны (1973), военных действий в Ливане (1982), а также англо-аргентинского конфликта (1982), когда практически не возникало длительных позиционных противостояний, а вооруженная борьба выливалась в дуэльное противоборство авиации против средств ПВО, танков против ПТУР, в нанесение дальних огневых ударов по резервам. При этом стали широко применяться вертолеты. Появившись как транспортное средство во время войны в Корее, они превратились в грозное боевое оружие, способное решать разнообразные задачи, в том числе в тылу противника, что придало боевым действиям сухопутных войск аэромобильный характер. Вооруженные ПТУР вертолеты зарекомендовали себя эффективным средством борьбы с танками. Например, 14 октября 1973 года 18 вертолетов израильян с небольшого расстояния уничтожили около половины танков египетской бригады, наступавшей к перевалу Митла⁷. Есть основания сделать вывод, что **в ходе локальных войн 60—80-х годов XX века дистанционное противоборство превратилось в самостоятельный элемент вооруженной борьбы и стало превалировать над ближним боем**.

Общевойсковые соединения Советской армии во время ведения боевых действий в Афганистане (1979—1989) также начали овладевать новой тактикой боя, не вступая в ряд случаев в тесное непосредственное соприкосновение с иррегулярными вооруженными формированиями. Они стремились уничтожать противника в дальнем огневом бою путем нанесения ударов авиацией и применения тактических воздушных десантов, воздушно-штурмовых, рейдовых и обходящих отрядов и групп.

Главная отличительная черта дальнего боя — большой пространственный размах, когда разграничительные линии между соединениями, частями и даже линии боевого соприкосновения сторон нередко имеют лишь символическое значение, поскольку пределы дистанционного противоборства ограничиваются только возможностями средств разведки, досягаемостью средств поражения и глубиной высадки десантов в тыл противника. Такие боевые действия создают определенные преимущества для войск, способствуют достижению скрытности и внезапности нанесения ударов. Подразделения получают более широкие возможности для осуществления маскировки, рассредоточения и использования защитных свойств местности.

⁴ Военное искусство во Второй мировой войне и в послевоенный период. С. 469.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 497.

Но при организации и ведении боя в условиях, когда отсутствует непосредственное соприкосновение с противником, командиры соединений, частей и подразделений столкнулись с немалыми трудностями, поскольку они лишились возможности лично наблюдать за полем боя, проводить рекогносцировку обычным методом, ставить боевые задачи и организовывать взаимодействие на местности. Все это потребовало выработки новых методов работы командиров и штабов по управлению подразделениями в бою. Особенно повысились требования к ведению разведки, выявлению огневых средств, резервов, пунктов управления и других объектов на значительном удалении от переднего края. В этой связи возросла роль воздушной разведки и авиационной поддержки действий войск при их прорыве в глубину расположения противника.

Далеко не все проблемы ведения боя на дальних расстояниях удалось решить нашим войскам в ходе военных действий в Афганистане и контртеррористической операции на Северном Кавказе ввиду того, что возможности средств поражения, разведки, РЭБ, управления, наземного и воздушного маневра были ориентированы главным образом на ведение традиционного ближнего боя. Ныне усложнившиеся условия боевых действий требуют внесения соответствующих коррективов в способы ведения боевых действий, подготовку частей и подразделений, их техническое оснащение, в организацию боевого, технического и тылового обеспечения с учетом перспектив развития современного боя. Многое предстоит сделать, в частности, для создания новейших систем ведения и корректирования огня на больших дальностях, ускоренного поиска цели средствами глубокой разведки, внедрения телекодовой аппаратуры приема и передачи разведанных, использования космической разведки в тактическом звене.

Особенно важным является творческое осмысление опыта военных действий в операциях «Буря в пустыне», «Лиса в пустыне», «Шок и трепет» (Ирак), «Союзническая сила» (Югославия), «Несгибаемая свобода» (Афганистан), в основе которых лежала концепция дистанционных действий в оперативном и стратегическом масштабах. Ее суть состояла в том, чтобы массированным применением нового класса дальнобойного (не имеющегося у противника) оружия добиться такой степени нанесения ему поражения, которая вообще не потребовала (или потребовала бы в минимальной степени) дальнейшего использования группировок сухопутных войск. **Это один из вариантов силового управления действиями противника при условии подавляющего технологического превосходства над ним.**

Стратегия дистанционных действий в указанных операциях основывалась на наличии у США суперсовременных видов оружия, разведки и РЭБ. Из высокоточного оружия большой дальности наибольшую эффективность показали крылатые ракеты морского базирования BGM-109C TLAM/С и BGM-109D («Томагавк»), которые впервые были применены в операциях для поражения важных военных и экономических объектов. По оценкам специалистов, на долю крылатых ракет всех типов пришлось 16 % ударов⁸. Ожидается, что в перспективе крылатые ракеты морского и воздушного базирования станут основным средством первого удара в стратегических операциях. Крылатая ракета «Томагавк» имеет несколько модификаций и может применяться как для нанесения ядерных ударов, так и для огневого поражения наземных целей в обычном снаряжении (осколочно-фугасной или кассетной боевой частью). Крылатые ракеты имеют дальности, позволяющие поражать объекты без захода в зоны ПВО. Они являются малоуязвимыми целями для средств ПВО благодаря крайне низким значениям эффективной отражающей поверхности, полету на предельно малых высотах и возможности совершать запрограммированный маневр. Кроме ракет «Томагавк» в операции «Меч в пустыне» впервые были проведены пуски тактических ракет ATACMS на дальность до 130 км по аэродромам, скоплениям бронетанковой техники и позициям ЗРК второго оперативного эшелона противника. Характерно, что боевая часть такой ракеты содержит 1000 противотанковых боевых элементов М74.

В операции «Буря в пустыне» наиболее мощной в составе объединенных военно-воздушных сил была группировка из 170 штурмовиков А-10 «Тандерболт-II» (США), применившая несколько тысяч управляемых ракет

⁸ Зарубежное военное обозрение. № 4. 2003. С. 52—57.

AGM-65 «Мейверик», более 650 кассетных боеприпасов, свыше 22 тыс. обычных авиабомб⁹. Определенную роль сыграло также применение малозаметных самолетов F-117A «Стеллс» (45 единиц), успешному выполнению задач которых способствовало наличие детальной и точной разведывательной информации. В первые сутки операции «Буря в пустыне» они уничтожили около 30 % всех целей, подвергшихся ударам авиации. Самолеты-невидимки считаются наиболее перспективными самолетами глубокого удара, способными скрытно проникать в тыл противника. Они оснащены планирующими управляемыми бомбами (УАБ) с лазерной системой наведения калибром 905 кг. Для поражения одной цели самолетом F117A требуется одна УАБ. Необходимо отметить, что в ходе войны в Персидском заливе американцы показали, что посредством стратегической авиации (самолеты B-52H, B-52G) они в состоянии наносить удары практически в любой точке земного шара с авиабаз постоянной дислокации на территории США. Бомбардировщик B-52G способен нести 51 бомбу калибром 227 кг или 18 бомб калибром 905 кг. Что же касается бомбардировщика B-52H, то он может использоваться в качестве носителя крылатых ракет воздушного базирования.

Опыт показал, что **особую роль в ведении дистанционного противоборства играет применение военно-космических средств** для решения задач разведки, связи, навигационного, топогеодезического и метеорологического обеспечения войск. Космические аппараты «Кихоул-11» явились важным средством оптико-электронной, а «Лакросс» – всепогодной радиолокационной разведки, которые в операции «Буря в пустыне» обеспечили ежесуточную съемку на ТВД до 90 объектов сухопутных войск, авиации и флота, важных военно-промышленных и административных центров. Космические аппараты радиотехнической разведки «Феррет» позволяли обнаруживать сигналы РЛС ПВО и управления воздушным движением (точность определения координат РЛС 10–20 км, периодичность наблюдения 4–6 ч). Космические аппараты радиоразведки «Шалле/Вортекс» и комплексной радиоразведки типа «Акwakeйд» обеспечивали постоянное наблюдение и обнаружение сигналов радиолокационных средств и средств радиосвязи, перехват спутниковых, тропосферных, радиорелейных и УКВ линий связи.

Посредством космической разведки обнаруживались практически все объекты сухопутных войск, пункты базирования ВВС, ракетных частей, а также объекты военно-промышленного комплекса. Существенно, что определенное количество видео- и другой разведывательной информации могло быть использовано не только в стратегических целях, но и командирами и штабами бригад, батальонов и даже рот. Это обеспечивало устойчивое управление войсками, скрытность и безопасность систем связи. С помощью космической системы «Навстар» достигалась высокая точность выхода авиации на цели и корректировки траекторий полета управляемых и крылатых ракет (до 3 м), обеспечивалась топогеодезическая привязка объектов, определение их местоположения и скорости передвижения. Определенное место в системе обеспечения боевых действий занимала космическая метеорологическая система.

Достижению высокой точности нанесения ударов по глубинным объектам способствовала радио-, радиотехническая (RC-135), радиолокационная и аэрофотографическая (TR-1) разведка, которая велась на всю глубину театра военных действий. Для этой цели было задействовано более 100 самолетов РЭБ. Силами самолетов ДРЛО E-3 АВАКС был организован круглосуточный контроль воздушного пространства.

Впервые в операции была реализована **концепция объединения в единое целое систем управления, связи, разведки, РЭБ и огневого поражения**. Вывод из строя крупных глубинных объектов (типа электростанций) осуществлялся с помощью управляемых ракет AGM-84E, SLAM, которые запускались с палубных самолетов A-6E «Интродер» и F/A-18 «Хорнет», а наведение на конечном участке траектории осуществлялось со штурмовиков A-7E «Корсар». Детальную радиоразведку вели самолеты E-8A системы «Джистарс», которые выдавали данные о местоположении целей в реальном масштабе времени. Пуски крылатых ракет морского базирования по тыловым объектам производились по единому плану линкорами «Миссури» и «Висконси», крейсером УРО «Банкер Хилл», эсминцем «Фостер».

⁹ Война многонациональных сил против Ирака в 1991 году: прелюдия войны будущего. М.: ВА ВСН. 2007. С. 254.

Таким образом, дистанционное противоборство в локальных войнах последних десятилетий достигло стратегического уровня в результате массированного и согласованного применения высокоточного оружия, более эффективной разведки всех видов, особенно космической, малозаметных самолетов F-117A «Стеллис», авиационной и ракетной техники, крылатых ракет морского и воздушного базирования, новейших средств РЭБ, в том числе самолетов РЭБ EF-111A «Равен», EA-6B EC-130H «Компас Колл» (подавление линий связи в системах ПВО и управления авиацией), F-4G «Уайлд Уизл», A-6, F/A-18 «Торнадо». Отметим, что доля высокоточного оружия в локальных войнах неуклонно возрастала, составив 8 % в 1991 году, 35 % — в 1999-м, 57 % — в 2001-м, 68 % — в 2003 году¹⁰.

В число приоритетных для ВТО целей входили находившиеся в глубине расположения противника центры государственного и военного управления и связи, аэродромы и ракетные комплексы, инфраструктура ТВД, системы энерго- и водоснабжения, склады и центры производства и хранения оружия массового поражения, железнодорожные узлы, военные и военно-промышленные объекты, коммуникации, резервы, склады боеприпасов и материально-технических средств.

Анализируя опыт ведения дистанционного противоборства в локальных войнах и вооруженных конфликтах последних десятилетий, можно сделать вывод, что **наступает эра высокотехнологичных войн**, где такие действия начинают занимать доминирующее место в содержании вооруженной борьбы. Главной формой их осуществления является дальний огневой разгром группировок (объектов) противника массированным нанесением ракетно-авиационных ударов в ходе ведения длительной воздушно-космической операции. В перспективе этому будет способствовать совершенствование средств нападения, способных действовать в воздушном и космическом пространстве, в частности баллистических и аэробаллистических ракет, планирующих и маневрирующих головных частей, гиперзвуковых крылатых ракет, гиперзвуковых самолетов, воздушно-космических самолетов и др.

Как отмечается в печати, **дальнейшее развитие ВВС США и других ведущих стран НАТО осуществляется путем их трансформации в воздушно-космические, а в перспективе — в космическо-воздушные силы**. Планируется создание авиационных экспедиционных формирований, сводных соединений авиации, состоящих из самолетов различных типов и назначения, способных выполнять на удаленных театрах военных действий широкий комплекс задач: ведение воздушной разведки, завоевание превосходства в воздухе, нанесение ударов по важнейшим объектам на большой глубине, изоляция районов боевых действий, непосредственная авиационная поддержка¹¹.

Преимущество дистанционных действий состоит в том, что они в наибольшей степени создают условия для снижения потерь в личном составе, применения более разнообразных способов осуществления маневра, маскировки и рассредоточения. Но вместе с тем они более сложны по организации огневого поражения, разведки, взаимодействия, управления силами и средствами, обеспечения действий войск (сил), что требует **выработки новых методов руководства войсками в условиях расширенного поля сражения** при отсутствии непосредственного соприкосновения с противником и полных, достоверных разведанных о его группировке в глубине расположения.

На первый план в таких условиях выдвигается искусный маневр разнородными силами и средствами, нанесение избирательных, точечных глубоких ударов по наиболее уязвимым объектам противника в целях дезорганизации систем управления, функционирования тыла, коммуникаций, разгрома резервов. Особую сложность будет при этом представлять согласование по цели, месту и времени действий авиации и ракетных войск по поражению в глубоком тылу малоразмерных и подвижных объектов типа ЗРК, самоходных ракетных комплексов. Повысятся требования к защите войск от ударов противника дальнобойным высокоточным, особенно воздушно-космическим оружием. Она должна быть комплексной: не только противоракетной, но и противосамолетной, противоракетной, противокосмической.

Дистанционная борьба проявляется не только в дальнем огневом поражении противника, но и **в комплексном воздействии на его тылы силами специальных опе-**

¹⁰ Военная Мысль. № 9. 2007. С. 40.

¹¹ Зарубежное военное обозрение. № 9. 2004. С. 35—44.

раций, диверсионно-террористических отрядов, воздушных и морских десантов. Например, в операции «Буря в пустыне» командование многонациональных сил, несмотря на наличие в их распоряжении большого количества дальнебойных высокоэффективных средств поражения, достаточно широко использовало такой боевой компонент, как формирования сил специальных операций (ССО). Они были представлены отборными, специально подготовленными и оснащенными частями и подразделениями США, Великобритании и Франции общей численностью 3000 человек¹². Их основу составляла американская 5-я группа специального назначения, (три батальона по три роты «спецназа» в каждом, всего около 1400 человек). В составе ССО действовали также подразделения сухопутных войск 75-го пехотного полка «Рейнджерс» и формирования специального назначения ВВС и ВМС.

ССО были оснащены стрелковым оружием, комплектами взрывных устройств, приборами инфракрасной и лазерной подсветки целей, радиомаяками, лазерными дальномерами, приборами ночного видения, радиостанциями, в том числе спутниковой системы связи «Навстар». Объектами ударов ССО являлись: РЛС ПВО, позиции ЗУР, аэродромы, пункты управления, гидротехнические сооружения, элементы системы связи, коммуникации, склады, базы. Всего в ходе операции было проведено 700 диверсионно-разведывательных акций¹³. Наряду с ССО в тыл иракской армии было высажено до 20 воздушных десантов в составе от роты до бригады, которые действовали на путях отхода соединений и частей, создавая панику в их рядах.

В заключение необходимо отметить, что дистанционное противоборство — один из составных элементов общевойсковых, воздушных, морских, космических операций наряду с наземными действиями и ближним боем. Конечная цель военных действий — разгром противника — может быть достигнута только с участием и при тесном взаимодействии всех видов вооруженных сил. Без использования группировками сухопутных войск результатов огневого поражения и овладения территорией, занятой противником, невозможно добиться окончательной победы. Поэтому нельзя согласиться с мнением авторов, утверждающих, что настало время «неконтактных войн»¹⁴. Такие заключения делаются только на основе локальных войн, где другая сторона практически не оказывала никакого противодействия противнику.

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

В подготовке номера принимали участие:
Научные редакторы: Ю.Н. Голубев, В.Н. Каранкевич, Д.В. Козин,
Ю.М. Корольков, В.М. Прилуцкий, В.В. Юдин
Литературные редакторы: Н.В. Ефремова, С.Г. Коденко, О.Н. Чупшева (зам. отв. секретаря)

Компьютерная верстка: Н.В. Гаврилова, Д.П. Прудников

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Сдано в набор 01.04.08

Формат 70x108 1/16

Объем 6 п.л.

Печать офсетная

Подписано к печати 25.04.08

Бумага офсетная 5,25 п.л.

Бумага меллованная 0,75 п.л.

Заказ №

Тираж 3000 экз.

Допечатная подготовка — Редакционно-издательский центр МО РФ

Отпечатано в типографии ФГУП «Военное издательство МО РФ «Типография Воениздата»

¹² Война многонациональных сил против Ирака в 1991 году: прелюдия войны будущего. С. 364.

¹³ Война в Ираке. Год 1991. /http/ befarmy. hf. ru / irakwar/1991.

¹⁴ С л и п ч е н к о В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: «Вече». 202.